

Курт Воннегут

Кошкина люлька

(перевод с английского Я. П. Бирюкова)

День, когда наступил Конец Света 1

Зовите меня Иона. Так делали мои родители — почти так. Они звали меня Джон.

Иона, Джон — будь я какой-нибудь Сэм, всё равно стал бы Ионой — не потому, что я принёс другим несчастье, но потому, что кто-то или что-то вынудило меня быть в определённых местах в определённое время — без единого сбоя. Маршруты следования и средства доставки, традиционные и причудливые, были обеспечены. И, согласно плану, в каждую назначенную секунду, в каждом назначенном месте этот Иона был тут как тут.

Слушайте:

Когда я был помоложе — две жены тому назад, 250 000 сигарет тому назад, 3 000 кварт выпивки тому назад...

Когда я был совсем молодым человеком, я начинал собирать материалы для книги под названием «День, когда наступил Конец Света».

Книге полагалось быть документальной.

Книге полагалось быть отчётом о том, что важные американцы сделали в тот день, когда первая атомная бомба была сброшена на Хиросиму в Японии.

Ей полагалось быть христианской книгой. Тогда я был христианином.

Теперь я бокононист.

Я был бы бокононистом и тогда, найдись кто-нибудь, чтобы научить меня горько-сладким выдумкам Бóконона. Но бокононизм не был известен за пределами галечных пляжей и коралловых ножей, окружающих этот маленький остров в Карибском море — Республику Сан Лоренцо.

Мы, бокононисты, верим, что человечество организовано в команды — команды, исполняющие Божью Волю, даже не подозревая о том, что они делают. Такая команда, по Бóконону, называется «карасса», а инструментом, «кан-каном», внедрившим меня в мою собственную карассу, была книга, которую я так никогда и не закончил — книга, которой полагалось называться «День, когда наступил Конец Света».

До чего же славное свойство 2

“Если вы обнаруживаете, что ваша жизнь переплетается с чьей-нибудь ещё жизнью без особых логических причин, — пишет Бóконон, — тот человек, возможно, член вашей карассы”.

В другом месте в «Книгах Бóконона» он говорит нам: *“Человек сотворил шахматную доску; Бог сотворил карассу”.* Этим он хочет сказать, что карасса игнорирует национальные, институциональные, профессиональные, семейные, а также классовые границы.

Форма её свободна — как у амёбы.

В своей «Пятьдесят третьей калипсо¹» Бóконон предлагает нам спеть вместе с ним:

О, пьяница, в парке уснувший,
На лавочке у пруда,
И охотник, в джунглях удушливых
Выслеживающий льва,
И королева Англии,
И китайский дантист —
Все они составляют
Слаженный механизм.
Славное свойство,
Славное свойство,
До чего же славное свойство —
Столько самых разных людей
В одном и том же устройстве.

-----
¹ Калипсо — музыкально-песенный жанр, популярный в странах Карибского бассейна.

Прихоть 3

Нигде у Бóконона нет заповедей против попыток отдельно взятого человека раскрыть пределы своей карассы и природу работы, возложенной на неё Богом Всемогущим. Он просто замечает, что такие исследования обречены на неполноту.

В автобиографическом разделе «Книг Бóконона» он приводит притчу о прихотности притязаний раскрывать, понимать:

Однажды я был знаком с одной англиканской леди в Ньюпорте, Род Айленд, которая просила меня спроектировать и построить конуру для её немецкого дога. Эта дама заявляла о совершенном понимании Бога и Путей Его Промысла. Она не могла понять, почему кто-либо должен быть озадачен тем, что произошло или тем, что произойдёт.

И вот, когда я показал ей чертёж конуры, которую предлагал построить, она сказала мне: “Сожалею, но я никогда не могла разобраться в такого рода вещах”.

“Отдайте это вашему мужу, или вашему духовнику, чтобы передать Богу, — сказал я, — и когда Бог улучит минутку, я уверен, Он объяснит эту мою конуру таким образом, что даже вы сможете понять”.

Она уволила меня. Я никогда не забуду её. Она верила, что люди в парусных лодках нравятся Богу гораздо больше, нежели нравятся Ему люди в лодках моторных. Она не могла вынести вида червяка. Когда она видела червяка, она вопила.

Она была дура; такой же и я — и любой, кто воображает себе, будто видит, чем занят Бог.

Интуитивное переплетение усообразных побегов 4

Но будь, что будет — в эту книгу я намереваюсь включить как можно больше членов моей карассы; и я думаю изучить все важные догадки о том, для чего же мы, коллективно, предназначены.

Я не стремлюсь к тому, чтобы эта книга была трактатом в пользу бокононизма. Однако я хотел бы сделать по этому поводу бокононистское предупреждение. Первое предложение в «Книгах Бóконона» выглядит так:

“Все истины, какие я собираюсь рассказать вам — бесстыдные выдумки”.

А вот моё бокононистское предупреждение:

Любой, неспособный понять, как полезная религия может быть основана на выдумках, равным образом не поймёт и эту книгу.

Да будет так.

Теперь о моей карассе.

Она определённо включает трёх детей д-ра Феликса Хёникера, одного из так называемых «отцов» первой атомной бомбы. Сам д-р Хёникер несомненно был членом моей карассы, хотя он и умер ещё до того, как мои синуки — усообразные побегои моей жизни — начали переплетаться с синуками его детей.

Первым из его наследников, кого коснулись мои синуки, был Ньютон Хёникер, самый младший из трёх его детей, младший из двух сыновей. Я узнал из «Дельта-Ипсилон Квотерли», ежеквартального издания моего студенческого братства, что Ньютон Хёникер, сын нобелевского лауреата по физике Феликса Хёникера, принят кандидатом в мой филиал — Филиал Корнелл.

И я написал Ньюту такое письмо:

“Уважаемый М-р Хёникер:

Или мне следует сказать, Дорогой Брат Хёникер?

Я из корнелльского «Дельта-Ипсилон», живу и работаю теперь писателем-фрилансером. Я собираю материал для книги, связанной с первой атомной бомбой. Её содержание будет ограничено событиями, которые имели место 6-го августа 1945 года — в день, когда бомба была сброшена на Хиросиму.

Поскольку ваш покойный отец общепризнан одним из главных создателей бомбы, я был бы очень признателен за любые подробности, какие вы не отказались бы сообщить мне о жизни в доме вашего отца в тот день, когда была сброшена бомба.

К сожалению, должен сказать, что о вашей блистательной семье я знаю не так много, как мне следовало бы, так что не знаю, имеете вы или нет братьев и сестёр. Если вы всё же имеете братьев и сестёр, я очень хотел бы получить их адреса, чтобы я мог отправить подобные запросы и к ним.

Я понимаю, что вы были очень юны, когда сбросили бомбу, но это даже к лучшему. Моя книга будет подчёркивать гуманитарные, а не технические аспекты бомбы, так что воспоминания о том дне «глазами младенца», пусть не обидит вас это выражение, подойдут идеально.

Не беспокойтесь о стиле и форме. Оставьте всё это мне. Просто дайте мне голый скелет вашей истории.

Перед публикацией я, конечно, представлю вам на одобрение окончательную версию.

Братски ваш — “

Письмо от студента-медика 5

На которое Ньют откликнулся:

“Простите, что так долго не отвечал на ваше письмо. Похоже, вы делаете очень интересную книгу. Я был совсем ребёнком, когда сбросили бомбу, так что не думаю, что окажу такую уж большую помощь. Действительно, вам следует спросить моего брата и сестру — оба они старше меня. Моя сестра миссис Харрисон С. Коннерс, 4918 Норт Меридиан стрит, Индианаполис, Индиана. Теперь это и мой домашний адрес. Я думаю, она будет рада помочь вам. Никто не знает, где сейчас мой брат Фрэнк. Он исчез сразу после похорон отца два года тому назад, и с тех пор никто о нём не слышал. Возможно, его уже нет в живых — это всё, что мы знаем.

Мне было всего шесть лет, когда сбросили атомную бомбу на Хиросиму, так что всё, что я помню об этом дне, мне помогли вспомнить другие люди.

Я помню, что играл на ковре в гостиной перед дверью кабинета моего отца в Илиуме, Нью Йорк. Дверь была открыта, и я мог видеть отца. На нём была пижама и банный халат. Он курил сигару. Он играл с петлёй из шнура. Он не пошёл в лабораторию, и весь тот день оставался дома в своей пижаме. Он оставался дома всякий раз, когда этого хотел.

Отец, как вы, вероятно, знаете, провёл практически всю свою профессиональную жизнь, работая в Исследовательской Лаборатории «Многопрофильной Кузнечно-Литейной Компании» в Илиуме. Когда подошёл «Манхэттэнский Проект», бомбовый проект, отец не покидал Илиум, чтобы в нём работать. Он сказал, что вообще не будет в нём работать до тех пор, пока ему не дадут работать там, где он хочет. Это означало: большую часть времени — дома. Единственным местом, которое он любил посещать за пределами Илиума, был наш коттедж на мысе Код. Там он и умер. Он умер в канун Рождества. Вероятно, вы и об этом знаете.

Как бы то ни было, в день бомбы я играл на ковре перед его кабинетом. Моя сестра Энджела рассказывает мне, что я проводил часы, играя с маленькими игрушечными грузовиками и подражая звукам мотора — всё время издавая "бр-р-р, бр-р-р, бр-р-р". Так что, полагаю, в день бомбы я издавал "бр-р-р, бр-р-р, бр-р-р", а отец был в своём кабинете, играя с петлёй из шнура.

Так случилось, что я знаю, откуда был шнурок, которым он играл. Возможно, вы сможете использовать это где-нибудь в вашей книге. Отец взял шнурок, связывавший рукопись повести, которую прислал ему один человек из тюрьмы. Повесть была о конце света в 2000-м году, и название книги было «2000-й от Р.Х.» Она рассказывала о том, как безумные учёные сделали ужасную бомбу, которая сметает весь мир. Там была грандиозная сексуальная оргия — когда все узнали, что миру приходит конец, — а затем Иисус Христос Собственной Персоной появился за десять секунд перед тем, как взрывалась бомба. Автора звали Марвин Шарп Холдернес, и он сказал отцу в сопроводительном письме, что сидит в тюрьме за убийство собственного брата. Он отправил рукопись отцу, поскольку не мог придумать, какой же взрывчаткой начинить эту бомбу. Он думал, что отец, возможно, мог бы что-нибудь подсказать.

Я вовсе не хочу сказать вам, что читал эту книгу, когда мне было шесть лет. Она была у нас в доме многие годы. Мой братец Фрэнк присвоил её ради грязных сцен. Фрэнк хранил её в укромном месте в своей спальне — он называл это «стенной сейф». На самом деле, это был не сейф, а просто старый печной дымоход с жестяной заслонкой. Мы с Фрэнком, должно быть, перечитали сцену оргии тысячу раз, когда были детьми. Она годами была у нас, а потом её нашла моя сестра Энджела. Она прочитала её и сказала, что это просто

грязная, вонючая мерзость. Она сожгла её, а вместе с ней и шнурок. Она была матерью Фрэнку и мне, потому что наша настоящая мать умерла, когда родился я.

Мой отец никогда не читал эту книгу, я уверен в этом. Не думаю, чтобы он прочитал какую-нибудь повесть или хотя бы короткий рассказ за всю свою жизнь — по крайней мере, с тех пор, как он был маленьким мальчиком. Он не читал ни свою почту, ни журналы, ни газеты. Полагаю, что он прочитал множество технических журналов, но, сказать по правде, я не могу припомнить, чтобы мой отец вообще что-нибудь читал.

Как я сказал, шнурок — это всё, что он хотел от той рукописи. Таким вот он был. Никто не мог предсказать, чем он вдруг теперь заинтересуется. В день бомбы это был шнурок.

Вы когда-нибудь читали речь, которую он произнёс на вручении Нобелевской Премии? Вот эта речь, целиком: "Дамы и Господа. Я сейчас стою перед вами, потому что никогда не переставал отвлекаться по пустякам как восьмилетний мальчишка весенним утром по пути в школу. Всё что угодно может заставить меня остановиться, посмотреть, изумиться, а иногда и научиться чему-нибудь. Я очень счастливый человек. Благодарю вас".

Как бы то ни было, отец некоторое время разглядывал петлю из шнурка, затем его пальцы начали играть с ней. Его пальцы сплели из шнурка узор, который называется «кошкина люлька». Я не знаю, откуда отец узнал, как это делается. Может быть, от своего отца. Вы знаете, его отец был портным, так что нитки и шнурки должны были там быть повсюду, когда отец был мальчиком.

Из всех когда-либо виденных мною развлечений моего отца, плетение «кошкиной люльки» ближе всего подходило к тому, что кто-нибудь ещё назвал бы игрой. Он вообще не пользовался трюками, играми и правилами, придуманными другими людьми. В альбоме, который когда-то завела моя сестра Энджела, была вырезка из журнала «Тайм», где кто-то спрашивает отца, в какие игры он играет для расслабления, и он говорит: "Зачем мне морочить себя придуманными играми, когда кругом так много настоящих?"

Должно быть, он изумил самого себя, когда сплёл из шнурка «кошкину люльку», и, может быть, это напомнило ему о своём собственном детстве. Он вдруг вышел из своего кабинета и сделал то, чего никогда раньше не делал. Он попытался поиграть со мной. До этого он не только никогда не играл со мной — он едва ли когда-нибудь со мной разговаривал.

Но он опустился на колени на ковёр рядом со мной, и он показывал мне свои зубы, и он взмахивал тем запутанным шнурком перед моим лицом. "Видишь? Видишь? Видишь? — спрашивал он. — Кошкина люлька. Видишь кошкину люльку? Видишь, где спит милая киска? Мя-яу. Мя-яу".

Поры на его лице смотрелись большими, как лунные кратеры. Из его ушей и ноздрей торчали волоски. Сигарный дым придавал ему запах, как из пасти Ада. На таком расстоянии мой отец был самым гадким существом, какое я когда-либо видел. Мне постоянно это снится.

И затем он запел. "Баю-бай, киська, на высокой ветке, — пел он, — люлиську касяет ветер незаметный. Если ветка треснет, если рухнет вниз — ни люльке, ни киське, никому не спастись".

Я разразился слезами. Я вскочил и выбежал из дома так быстро, как только мог.

Вынужден здесь остановиться. Уже два часа ночи. Мой сосед по комнате только что проснулся и пожаловался на шум печатной машинки".

Бой жуков 6

Ньют продолжил своё письмо на следующее утро. Он продолжил так:

“Следующее утро. Вот я снова здесь — свежий, как маргаритка, после восьми часов сна. В общаге сейчас очень тихо. Все в аудиториях, кроме меня. Я — очень привилегированная персона. Мне больше не надо идти в аудиторию. Я вылетел на прошлой неделе. Я был студент-медик. Правильно меня отчислили. Из меня вышел бы паршивый врач.

После того, как закончу это письмо, думаю сходить в кино. Или, если выглянет солнце, возможно, пойду, прогуляюсь через каньоны. Разве каньоны не прекрасны? В этом году две девушки, держась за руки, прыгнули в один из них. Их не взяли в сестричество, в какое они хотели. Они хотели в «Три Дельты».

Но вернёмся в 6-е августа 1945 года. Моя сестра Энджела говорила мне много раз, что я сильно ранил своего отца в тот день, когда не стал восторгаться «кошкиной люлькой», когда не остался там на ковре вместе с отцом и не стал слушать, как он поёт. Может быть, я и ранил его, но не думаю, что мог бы ранить его слишком сильно. Он был одним из самых защищённых человеческих существ, когда-либо живших. Люди не могли достать его, поскольку он просто не интересовался людьми. Помню, как-то раз, примерно за год до его смерти, я пытался вытянуть из него что-нибудь о моей матери. Он не смог вспомнить о ней ничего.

Вы когда-нибудь слышали знаменитую историю о завтраке в тот день, когда мать и отец отправлялись в Швецию на вручение Нобелевской Премии? Как-то раз она была в «Сэтадей Ивнинг Пост». Мать приготовила большой завтрак. И потом, когда она убирала со стола, рядом с отцовской чашкой кофе она нашла монетки: двадцать пять центов, десять центов, и ещё три пенни. Он оставил её чаевые.

После того, как я столь ужасно ранил своего отца, если так можно назвать то, что я сделал, я выбежал во двор. Я не знал, куда мне податься, пока под большим кустом спиреи не нашёл моего брата Фрэнка. Фрэнку было тогда двенадцать, и я не удивился, найдя его там. В жаркие дни он проводил там уйму времени. Совсем как собака, он вырыл нору в холодной земле среди корней. И никогда нельзя было сказать, что там у Фрэнка с собой. Одно время у него была грязная книга. В другой раз он прихватил бутылку кулинарного шерри. В день, когда сбросили бомбу, у Фрэнка была столовая ложка и закрывающаяся банка. Делал он вот что — ложкой сажал в банку различных жуков и заставлял их драться.

Бой жуков был настолько интересным, что я тут же перестал плакать — напрочь забыл о старике. Я не могу вспомнить, какие именно бои в банке Фрэнк устроил в тот день, но я могу вспомнить другие бои жуков, которые мы устраивали позже: один жук-рогач против сотни красных муравьёв, одна сколопендра против трёх пауков, красные муравьи против чёрных. Они не будут драться до тех пор, пока вы не будете трясти банку. Вот это и делал Фрэнк — тряс и тряс эту банку.

Через некоторое время Энджела подошла взглянуть на меня. Она подняла ветки куста с одной стороны и сказала: "Так вот вы где!" Она спросила Фрэнка: "Как, по-твоему, чем ты занимаешься?", и он сказал: "Экспериментирую". Фрэнк всегда так говорил, когда люди спрашивали его: "Как, по-твоему, чем ты занимаешься?" Он всегда говорил: "Экспериментирую".

Энджеле было тогда двадцать два. Она стала настоящим главой семьи с тех пор, как ей было шестнадцать — с тех пор, как умерла мать, с тех пор, как родился я. Она постоянно говорила о том, что на ней три ребёнка — я, Фрэнк и отец. Впрочем, она не преувеличивала. Я могу вспомнить холодные рассветы, когда Фрэнк, отец и я

выстраивались в шеренгу, как на переключку, и Энджела укутывала нас, обходясь с каждым совершенно одинаковым образом. Вот только я отправлялся в детский сад, Фрэнк — в среднюю школу, а отец — работать над атомной бомбой. Я помню одно такое утро, когда топливная форсунка отказала, трубы замёрзли, и машина никак не заводилась. Мы все сидели там, в машине, в то время как Энджела продолжала крутить стартер до тех пор, пока не сдох аккумулятор. И тут отец выдал нам. Знаете, что он сказал? Он сказал: "Любопытно, как там у черепах". "Что тебе любопытно у черепах?" — спросила его Энджела. "Когда она втягивает свою голову, — сказал он, — её позвоночник выгибается или сжимается?"

Энджела, между прочим, была одной из невоспетых героинь атомной бомбы, и я не думаю, что этот эпизод вообще кому-нибудь известен. Может быть, вы сможете воспользоваться им. После черепашьего инцидента отец настолько увлёкся черепахами, что прекратил работу над атомной бомбой. Какие-то люди из «Манхэттэнского Проекта» приходили к нам домой спросить Энджелу, что же делать? Она сказала им забрать прочь отцовских черепах. И вот как-то ночью они пришли в его лабораторию и выкрали черепах и аквариум. Отец ни слова не сказал об исчезновении черепах. Просто на следующий день он вышел на работу и посмотрел, чем бы ещё ему поиграть и о чём подумать, но всё, чем там можно было поиграть и о чём подумать, так или иначе, имело отношение к бомбе.

Когда Энджела извлекла меня из-под того куста, она спросила, что произошло между отцом и мной. Я просто повторял, снова и снова, до чего он гадок и как я его ненавижу. Она дала мне пощёчину. "Как смеешь ты говорить такое о своём отце? — говорила она. — Он один из величайших людей, когда-либо живших! Сегодня он выиграл войну! Ты понимаешь это? Он выиграл войну!" Она снова дала мне пощёчину.

Я не порицаю Энджелу за эти пощёчины. Отец был всем, что она имела. У неё не было ни одного парня. У неё вообще не было друзей. У неё было единственное хобби. Она играла на кларнете.

Я снова сказал ей, как сильно я ненавижу своего отца, она ударила меня снова, и затем Фрэнк выполз из-под куста и стукнул её кулаком в живот. Это было что-то ужасное. Она упала, и её скрутило. Когда она смогла выдохнуть, она взвыла и закричала, зовя отца.

"Он не придёт", — сказал Фрэнк, и рассмеялся над ней. Фрэнк был прав. Отец высунул свою голову в окно и смотрел, как мы с Энджелой катаемся по земле, а Фрэнк, смеясь, стоит над нами. Старик втянул свою голову обратно и потом никогда не спрашивал, по какому поводу был весь этот шум. Люди не были его специальностью.

Подойдёт ли это? Поможет ли это хоть как-то вашей книге? Конечно, вы очень сильно ограничили меня, попросив сосредоточиться на дне бомбы. Есть множество других хороших историй о бомбе и об отце, из других дней. Например, известна ли вам история об отце в тот день, когда они впервые испытали бомбу в Аламогордо? После того, как эта штука взорвалась, после того, как стало ясно, что Америка может стереть с лица Земли целый город одной-единственной бомбой, один учёный повернулся к отцу и сказал: "Наука сейчас познала грех". И знаете, что сказал мой отец? Он сказал: "Что есть Грех?"

Всего наилучшего,
Ньютон Хёникер"

Блистательные Хёникеры 7

К своему письму Ньют добавил три постскриптума:

“P.S. Я не могу подписаться "Братски ваш", поскольку мне не позволят быть вашим братом по причине моего статуса. Я был всего лишь кандидатом, а теперь даже это собираются у меня отнять.

P.P.S. Вы называете нашу семью «блистательной», и я думаю, что вы, возможно, сделаете ошибку, если назовёте её так в вашей книге. Я, например, карлик — четыре фута ростом. А последнее, что мы слышали о нашем брате Фрэнке, — это то, что его разыскивает полиция Флориды, ФБР и Министерство Финансов за перевозку на списанном десантном корабле краденых автомобилей на Кубу. Так что я совершенно уверен: «блистательные» — не вполне подходящее слово. «Гламурные», вероятно, ближе к истине.

P.P.P.S. Двадцать четыре часа спустя. Я перечитал это письмо и вижу, что могло сложиться впечатление, что я только и делаю, что сижу, вспоминаю грустные вещи и жалею себя. На самом деле, я очень счастливый человек, и я знаю об этом. Я скоро женюсь на чудесной маленькой девушке. В этом мире достаточно любви для каждого, стоит только приглядеться. И я тому доказательство”.

Ньютовы шашни с Зинкой 8

Ньют не рассказал мне, кто его девушка. Но примерно через две недели после того, как он мне написал, вся страна знала, что имя её — Зинка, просто Зинка. Фамилии у неё, похоже, не было.

Зинка была карлицей с Украины, танцором «Танцевальной Труппы Борзова». Так вот случилось, что Ньют видел представление этой труппы в Индианаполисе, ещё до того, как он переехал в Корнелл. А потом эта труппа танцевала в Корнелле. Когда представление в Корнелле закончилось, маленький Ньют был у служебного входа в театр с дюжиной роз «Американская Краса» на длинных стеблях.

Газеты подхватили эту историю, когда маленькая Зинка попросила политического убежища в Соединённых Штатах, а затем они с маленьким Ньютом исчезли.

Неделя спустя маленькая Зинка объявилась в Русском Посольстве. Она сказала, что американцы слишком материалистичны. Она сказала, что хочет назад домой.

Ньют нашёл убежище в доме своей сестры в Индианаполисе. Он сделал одно краткое заявление для прессы. “Это частное дело, — сказал он. — Это был роман по зову сердца. Я ни о чём не жалею. То, что случилось, касается только Зинки, меня, и никого, кроме нас”.

Один предприимчивый американский репортёр в Москве, наведя справки насчёт Зинки в тамошних балетных кругах, сделал неприятное открытие, что Зинке не было, как она заявляла, всего двадцать три года.

Ей было сорок два — достаточно, чтобы годится Ньюту в матери.

Вице-президент по делам вулканов 9

Я забросил свою книгу о дне бомбы.

Спустя примерно год, за два дня до Рождества, совсем по другому поводу, я проезжал через Илиум, Нью Йорк, где д-р Феликс Хёникер сделал большую часть своих трудов, где прошли годы взросления маленького Ньюта, Фрэнка и Энджелы.

Я задержался в Илиуме посмотреть, что я смогу здесь увидеть.

Живых Хёникеров в Илиуме уже не осталось, но в изобилии хватало людей, заявлявших, что хорошо знали старика и троих его странных детей.

Я добился встречи с д-ром Эйзой Бридом, вице-президентом «Многопрофильной Кузнечно-Литейной Компании» по делам Исследовательской Лаборатории. Я полагаю, что д-р Брид тоже был членом моей карассы, хотя я ему почти сразу же не понравился.

“«Понравился»-«не понравился» — не имеет к этому никакого отношения”, — говорит Бóконон. Предупреждение, которое слишком легко забыть.

— Я так понимаю, что вы были руководителем д-р Хёникера на протяжении большей части его профессиональной жизни, — сказал я д-ру Бриду по телефону.

— На бумаге, — сказал он.

— Не понимаю, — сказал я.

— Если бы я действительно руководил Феликсом, — отвечал он, — то теперь был бы готов управлять делами вулканов, приливов, а ещё миграций птиц и леммингов. Этот человек был силой природы, которой, возможно, ни один смертный не мог управлять.

Секретный Агент Икс-9 10

Д-р Брид назначил мне встречу назавтра рано утром. Он подхватит меня из отеля по пути на работу, сказал он, упрощая тем самым мой пропуск в строго охраняемую Исследовательскую Лабораторию.

И вот мне надо было убить ночь в Илиуме. Я уже находился там, где начиналась и где заканчивалась ночная жизнь Илиума — в отеле «Дель Прадо». Его бар, «Каюта мыс Код», был притоном для шлюх.

Так вот случилось, — *“и задумано было тому случиться”,* сказал бы Бóконон, — что и шлюха у барной стойки рядом со мной, и бармен, обслуживавший меня, — оба они учились в старших классах вместе с Франклином Хёникером — истязателем жуков, средним ребёнком, пропавшим сыном.

Шлюха, сказавшая, что зовут её Сандра, предложила мне наслаждения, доступные ещё разве что на Пляс Пигаль и в Порт-Саиде. Я сказал, что мне это не интересно, и она была достаточно бойкой, чтобы ответить, что на самом деле ей тоже не интересно. Как потом оказалось, мы оба переоценивали своё безразличие, хотя и не намного.

Однако, перед тем как познать меру страсти друг друга, мы поговорили о Фрэнке Хёникере, и мы поговорили о старике, и мы немного поговорили об Эйзе Бриде, и мы поговорили о «Многопрофильной Кузнечно-Литейной Компании», и мы поговорили о Папе Римском и контроле над рождаемостью, о Гитлере и о евреях. Мы говорили о мошенниках. Мы говорили об истине. Мы говорили о гангстерах, мы говорили о бизнесе. Мы говорили о милых бедных людях, которые попадают на электрический стул, и мы

говорили о богатых ублюдках, которые туда не попадают. Мы говорили о религиозных людях, имеющих сексуальные извращения. Мы говорили о множестве вещей.

Мы напились.

Бармен был очень обходителен с Сандрой. Она ему нравилась. Он её уважал. Он сказал мне, что в Илиумской средней школе Сандра была председателем классного комитета по выбору цветов. Каждый класс, объяснил он, с самого начала должен был выбрать себе отличительные цвета, и затем с гордостью эти цвета носить.

— Какие же цвета выбрали вы? — спросил я.

— Оранжевый и чёрный.

— Это хорошие цвета.

— Я так и думала.

— А Франклин Хёникер тоже состоял в классном комитете по выбору цветов?

— Нигде он не состоял, — сказала Сандра презрительно. — Он никогда не входил ни в один комитет, никогда не играл ни в одну игру, никогда не гулял ни с одной девушкой. Не думаю, чтобы он когда-нибудь даже разговаривал с девушкой. Мы называли его «Секретный Агент Икс-9».

— «Икс-9?»

— Ты знаешь, он всегда действовал, как будто пробирался из одного секретного пункта в другой — ни разу даже поговорить ни с кем не мог.

— Быть может, он действительно жил очень насыщенной тайной жизнью, — предположил я.

— Не-а.

— Не-а, — ухмыльнулся бармен. — Он просто был одним из тех ребят, кто клеит модельки самолётиков и всё время страдает фигнёй.

Протеин 11

— Предполагалось, что он выступит с напутствием на нашем выпускном, — сказала Сандра.

— Кто выступит? — спросил я.

— Д-р Хёникер, старик.

— Что же он сказал?

— Он не пришёл.

— И вы не получили напутствия?

— О, нет, получили. Д-р Брид, тот, с которым ты увидишься завтра, появился, весь запыхавшийся, и выдал что-то вроде речи.

— Что же он сказал?

— Он сказал, что надеется, что многие из нас сделают карьеру в науке, — произнесла она. Она не видела в этом ничего смешного. Она вспоминала урок, который произвёл на неё впечатление. Запинаясь, с почтением, она повторяла его. — Он сказал, беда всего мира в том... — Ей пришлось остановиться и задуматься.

— Беда всего мира в том, — продолжала она неуверенно, — что люди всё ещё подвержены суевериям вместо науки. Он сказал, что если бы каждый побольше углубился в науку, то не было бы всех тех проблем, какие есть сейчас.

— Он сказал, что однажды наука раскроет главный секрет жизни, — вставил бармен. Он почесал в затылке и нахмурился. — Разве не читал я на днях статью, где они наконец-то выяснили, в чём он заключается?

— Пропустил, — пробормотал я.

— Я видела, — сказала Сандра. — Примерно два дня назад.

— Точно, — сказал бармен.

— В чём же секрет жизни? — спросил я.

— Забыла, — сказала Сандра.

— Протеин, — торжественно объявил бармен. — Они открыли что-то насчёт протеина.

— Ага, — сказала Сандра, — так и есть.

Услада Конца Света 12

Присоединиться к нашим разговорам в «Каюте мыс Код» отеля «Дель Прадо» подошёл старший бармен. Когда он услышал, что я пишу книгу о дне бомбы, он рассказал мне, каким выдался этот день для него, каким выдался этот день в том самом баре, где мы сидим. Голос у него был гнусавый, как у У. К. Филдса¹, а нос — как огромная земляника.

“Тогда здесь не было «Каюты мыс Код», — рассказывал он. — Не было всех этих грёбанных сетей и ракушек кругом. В те дни это называлось «Типи Навахо». Были индейские одеяла и коровьи черепа на стенах. На столах были маленькие там-тамы. Предполагалось, что люди постучат в там-там, когда захотят обслуживание. Меня пытались заставить носить боевой убор из перьев, но я не стал. Как-то сюда зашёл настоящий индеец навахо, рассказал мне, что навахо не живут в типи. “Грёбаное позорище”, — сказал я ему. Ещё раньше здесь был «Помпейский зал», с потресканной штукатуркой повсюду; но не важно, как называли бар, — здесь никогда не меняли грёбаное освещение. И грёбанный народ никогда не менялся — тот, что заходит из того грёбаного городка. В день, когда сбросили хёникерову грёбаную бомбу на японцев, зашёл ханыга и стал клянчить выпивку. Он хотел, чтобы я дал ему выпивку по случаю того, что наступает конец света. И вот я приготовил ему «Усладу Конца Света».

Я налил ему в выскобленный ананас почти пол-пинты мятного ликёра, добавил взбитых сливок и сверху — вишенку. “Там, жалкий ты сукин сын, — сказал я ему, — не вздумай говорить, что я никогда ничего для тебя не делал”. Зашёл другой чувак, и он сказал, что бросает свою работу в Исследовательской Лаборатории; сказал, что над чем бы ни работал учёный, всё это несомненно окажется оружием, так или иначе. Говорил, что больше не хочет помогать политикам в их грёбанных войнах. Имя его было Брид. Я спросил, имеет ли он какое-нибудь отношение к боссу грёбаной Исследовательской Лаборатории. Он сказал, да, охрененно имеет. Сказал, что он грёбанный сын босса Исследовательской Лаборатории”.

---

¹ Уильям Клод Филдс (1880-1946) — американский комик.

Отправная точка 13

О, Боже, до чего же Илиум — гадкий город!

“О, Боже, — говорит Боконон, — до чего же каждый город — гадкий город!”

Ледяная слякоть опускалась сквозь неподвижное одеяло смога. Было раннее утро. Я ехал в «Линкольне» д-ра Эйзы Брида. Я недомогал, всё ещё слегка пьяный с прошлого вечера. За рулём был д-р Брид. Рельсы давно заброшенных трамвайных путей всё время цепляли колёса его авто.

Брид был розовым пожилым человеком, весьма процветающим, красиво одетым. Он выглядел культурным, оптимистичным, способным, невозмутимым. Я, напротив, ощущал себя небритым, больным, циничным. Я переспал с Сандрой.

Моя душа казалось такой же вонючей, как палёная кошачья шерсть.

О каждом мне думалось самое дурное, и я знал некоторые довольно гнусные вещи о д-ре Эйзе Бриде — то, что рассказала мне Сандра.

Сандра рассказала мне, что каждый в Илиуме был уверен, что д-р Брид состоял в любовной связи с женой Феликса Хёникера. Она рассказала мне, что многие думают, что Брид был отцом всех троих детей Хёникера.

— Вы совсем не знаете Илиум? — неожиданно спросил меня д-р Брид.

— Это мой первый визит.

— Это семейный городок.

— Сэр?

— Здесь не так много по части ночной жизни. Жизнь каждого в основном сконцентрирована на его семье и его доме.

— Звучит очень целомудренно.

— Так и есть. У нас очень низкая подростковая преступность.

— Хорошо.

— Вы знаете, у Илиума очень интересная история.

— Это очень интересно.

— Вы знаете, он был отправной точкой.

— Сэр?

— Для переселенцев на Запад.

— А-а.

— Люди здесь снаряжались.

— Это очень интересно.

— Как раз примерно там, где сейчас Исследовательская Лаборатория, было старое укрепление. Там же проводились и публичные повешения, для всего округа.

— Я и не думаю, что расплата за преступления была тогда легче, чем сейчас.

— Был один человек, которого повесили здесь в 1782 году — убийца двадцати шестерых. Мне часто приходит мысль, что кто-нибудь когда-то должен написать о нём книгу. Джордж Майнор Моукели. На эшафоте он распевал песню. Он пел песню, которую сочинил по этому случаю.

— О чём же была песня?

— Если вам действительно интересно, вы можете найти слова через Историческое Общество.

- Мне просто любопытен общий настрой.
- Он не ни о чём не сожалел.
- Не он один такой.
- Подумать только! — сказал д-р Брид. — На его совести было двадцать шесть человек!
- С ума можно сойти, — произнёс я.

Когда автомобили были с хрустальными вазами 14

Моя больная голова болталась на негибкой шее. Трамвайные пути снова поймали колёса глянцевого «Линкольна» д-ра Брида.

Я спросил д-ра Брида, сколько народа пытается попасть в «Многопрофильную Кузнечно-Литейную Компанию» к восьми часам, и он сказал мне: тридцать тысяч.

На каждом перекрёстке стояли полицейские в жёлтых дождевиках и спорили с сигналами светофоров, размахивая руками в белых перчатках.

Огни светофоров — слепящие призраки в ледяной слякоти — повторяли свою клоунскую чехарду снова и снова, сообщая леднику из автомобилей, что ему делать. Зелёный означал — двигаться. Красный означал — стоять. Оранжевый предупреждал о переменах.

Д-р Брид рассказал мне, что д-р Хёникер, когда был очень молодым, как-то утром просто бросил свой автомобиль в илиумском транспортном потоке.

— Полиция, пытаясь выяснить, что сдерживает транспортный поток, — рассказывал он, — нашла в самой гуще автомобиль Феликса: мотор работает, в пепельнице дымится сигара, в вазах свежие цветы...

— Вазах?

— Это был «Мармон», размером почти с маневровый локомотив. У него на дверных стойках были маленькие хрустальные вазы, и жена Феликса каждое утро ставила в эти вазы свежие цветы. И вот этот автомобиль стоял там посреди транспортного потока.

— Как «Мария Целеста», — подсказал я.

— Полицейское Управление отбуксировало его. Они знали, чей это был автомобиль, и они позвонили Феликсу и очень вежливо рассказали, где он может его забрать. Феликс сказал им, что они могут оставить его себе, что он его больше не хочет.

— И они оставили?

— Нет. Они позвонили его жене, и она пришла и получила этот «Мармон».

— Кстати, как её звали?

— Эмили. — Д-р Брид облизал губы, взгляд его устремился вдаль, и он произнёс имя женщины — женщины, умершей так давно, — ещё раз. — Эмили.

— Как вы думаете, кто-нибудь будет возражать, если я использую эту историю про «Мармон» в своей книге? — спросил я.

— Если только вы не будете упоминать, чем она закончилась.

— Закончилась?

— Эмили не привыкла водить «Мармон». По дороге домой она попала в тяжёлую аварию. Это как-то повредило её тазовые кости... — Дорожное движение застыло. Д-р Брид закрыл глаза и сжал руки на рулевом колесе.

— И вот поэтому она умерла, когда родился маленький Ньют.

Весёлого Рождества 15

Исследовательская Лаборатория «Многопрофильной Литейно-Кузнечной Компании» находилась рядом с главными воротами завода компании в Илиуме, примерно в квартале от служебной парковки, где д-р Брид поставил свой автомобиль.

Я спросил д-ра Брида, сколько народу работает в Исследовательской Лаборатории. “Семьсот, — ответил он, — но в действительности исследованиями занимаются меньше сотни. Все остальные шесть сотен, так или иначе, — обслуживающий персонал, и я — самый главный завхоз”.

Когда мы влились в людской поток на территории завода, женщина позади нас пожелала д-ру Бриду весёлого Рождества. Д-р Брид обернулся, чтобы благосклонно взглянуть в бледно-розоватое море лиц, и определил приветствовавшую как некую мисс Франсину Пефко. Мисс Пефко была хорошенькой дурочкой — двадцатилетней, здоровой и беспричинно кокетливой.

Дабы воздать слащавости рождественских дней, д-р Брид пригласил мисс Пефко присоединиться к нам. Он представил её как секретаршу д-ра Нильсака Хорвата. Он затем рассказал мне, кто такой Хорват. “Знаменитость в области химии поверхностей, — сказал он, — тот, кто делает всякие чудесные вещи с плёнками”.

“Что новенького в химии поверхностей?” — спросил я мисс Пефко. “Боже, — сказала она, — не спрашивайте меня. Я просто печатаю то, что он говорит мне напечатать”. И затем она извинилась за то, что произнесла «Боже».

— О, я думаю, вы понимаете больше, чем хотите в том признаться, — сказал д-р Брид.

— Да нет. — Мисс Пефко не привыкла болтать с кем-либо столь важным, как д-р Брид, и она была смущена. Это отразилось на её походке, ставшей скованной, цыплячьей. Её улыбка была стеклянной, она лихорадочно рылась в своей голове, чтобы что-нибудь сказать, но кроме использованного «Клинекса» и бижутерии не находила там ничего.

— Ну... — произнёс д-р Брид с чувством, — как вам у нас теперь, когда вы с нами уже — сколько, кстати? Почти год?

— Вы, учёные, слишком много думаете, — выпалила мисс Пефко. Она громко расхохоталась. Дружелюбность д-ра Брида выжгла все предохранители в её нервной системе. Она больше не была вменяемой. — Вы все думаете слишком много.

Запахавшаяся, измотанная толстая женщина в грязном комбинезоне, тащившаяся рядом с нами, слышала, что сказала мисс Пефко. Она обернулась осмотреть д-ра Брида, глядя на него с немым упрёком. Она ненавидела людей, которые думают слишком много. В тот момент она поразила меня как полномочный представитель почти всего человечества.

Всё выражение толстой женщины говорило о том, что она тотчас же сойдёт с ума, если хоть кто-нибудь ещё о чём-нибудь подумает.

— Я думаю, когда-нибудь вы поймёте, — сказал д-р Брид, — что количество мыслительной деятельности у всех примерно одинаковое. Просто у учёных способ мышления один, а у остальных людей — другой.

— Э-э, — сглотнула мисс Пефко. — Д-р Хорват диктует мне, и это просто как иностранный язык. Не думаю, что я поняла бы — даже если бы ходила в колледж. А он там, может быть, говорит о чём-нибудь таком, что перевернёт всё с ног на голову да вывернет наизнанку, как атомная бомба.

— Когда я приходила домой из школы, мама спрашивала меня, что было в тот день, и я рассказывала, — говорила мисс Пефко. — Теперь я прихожу домой с работы, и она задаёт

мне тот же самый вопрос, и всё, что я могу сказать, это, — мисс Пефко закивала головой так, что её алые губы безвольно захлопали, — без понятия, без понятия, без понятия.

— Если вы что-то не понимаете, — настаивал д-р Брид, — попросите д-ра Хорвата это объяснить. Он очень хорошо объясняет. — Он обернулся ко мне. — Д-р Хёникер не раз говорил, что всякий учёный, который не в состоянии объяснить восьмилетнему ребёнку, чем он занимается, — это шарлатан.

— Тогда я глупее восьмилетнего, — погрузилась мисс Пефко. — Я даже не знаю, что такое шарлатан.

Назад в детский сад 16

Мы взошли на четыре гранитных ступени перед входом в Исследовательскую Лабораторию. Само здание было невзрачной шестиэтажкой из розового кирпича. Мы прошли между двумя хорошо вооружёнными охранниками на входе.

Мисс Пефко показала охраннику слева розовый «конфиденциальный» бэйджик, приколотый у неё на левой груди в самом выпуклом месте.

Д-р Брид показал охраннику справа чёрный «совершенно секретный» бэйдж на мягком лацкане. Избегая прикосновения, д-р Брид церемонно обвёл свою руку вокруг меня, показывая охранником, что я нахожусь под его августейшим покровительством и контролем.

Я улыбнулся одному из охранников. Он не улыбнулся в ответ. Национальная безопасность — дело серьёзное, совсем не повод для шуток.

Д-р Брид, мисс Пефко и я задумчиво двигались сквозь огромное фойе Лаборатории к лифтам.

— Как-нибудь попросите д-ра Хорвата что-нибудь объяснить, — сказал д-р Брид мисс Пефко. — Вот увидите, вы получите замечательный, ясный ответ.

— Ему придётся отправиться назад в первый класс, или даже в детский сад, — сказала она. — Я многое упустила.

— Все мы многое упустили, — согласился д-р Брид. — Всем нам было бы неплохо начать сначала, предпочтительно с детского сада.

Мы смотрели, как секретарь приёмной Лаборатории включала образовательные экспонаты, расставленные в большом количестве вдоль стен фойе. Секретарь была высокая, тонкая, льдисто-бледная девушка. От её хрупких прикосновений мерцали лампочки, крутились колёсики, булькали колбы, звонили звонки.

— Магия, — произнесла мисс Пефко.

— Мне прискорбно слышать, что член нашей лабораторной семьи использует это затхлое, средневековое слово, — сказал д-р Брид. — Каждый из этих экспонатов объясняет сам себя. Они сконструированы так, чтобы не было никакой загадочности. Они — самая что ни есть антитеза магии.

— Самая что ни есть что магии?

— Полная противоположность магии.

— Мне это вы не сможете доказать.

Д-р Брид почти не обиделся. «Ладно, — сказал он, — мы не хотим никакой загадочности. По крайней мере, поверьте нам на слово».

Девичье бюро 17

Секретарша д-ра Брида стояла на столе в его приёмной, привязывая сложенный гармошкой Рождественский колокольчик к потолочной арматуре.

“Смотри там, Наоми, — воскликнул д-р Брид, — мы уже шесть месяцев без происшествий со смертельным исходом! Не испорти это, свалившись со стола!”

Мисс Наоми Фауст была весёлая, сухонькая пожилая дама. Полагаю, она служила д-ру Бриду почти всю его жизнь, и всю свою жизнь тоже. Она засмеялась: “Я небьющаяся. И, даже если бы я упала, Рождественские ангелы подхватили бы меня”.

— Они известны тем, что опаздывают.

С языка колокола свешивались два бумажных отростка, также сложенные гармошкой. Мисс Фауст потянула один из них. Он нехотя раскрылся и стал длинной лентой с написанным на ней посланием. “Вот, — сказала мисс Фауст, протягивая свободный конец д-ру Бриду, — растяните на всю длину и приколите конец к доске объявлений”.

Д-р Брид повиновался, отступая назад, чтобы прочитать послание. “Мир на Земле!” — прочитал он с чувством.

Мисс Фауст спустилась со стола с другим отростком, разворачивая его. “Бог желает людям!” — гласил другой отросток.

“Ей-богу, — хмыкнул д-р Брид, — вот вам Рождество в сухом остатке! Нарядно смотрится, очень нарядно”.

“Я не забыла и о шоколадках для Девичьего Бюро, — сказала она. — Можете мной гордиться!”

Д-р Брид коснулся лба, удручённый своей забывчивостью: “Слава Богу! Это как-то вылетело из моей головы”.

“Мы должны никогда не забывать об этом, — сказала мисс Фауст. — Это теперь традиция — д-р Брид и его шоколадки для Девичьего Бюро на Рождество”. Она объяснила мне, что Девичьим Бюром называют машинописное бюро в подвале Лаборатории: “Девочки обслуживают всякого, у кого есть диктофон”.

Целый год, сказала она, девушки из Девичьего Бюро слушают на диктофонных записях обезличенные голоса учёных — записи приносят девушки-рассылщицы. Один раз в году девушки покидают свой бетонный монастырь, чтобы спеть Рождественские гимны — и получить свои шоколадки от д-ра Эйзы Брида.

“Они тоже служат науке, — торжественно заявил д-р Брид, — даже если могут и не понимать ни одного её слова. Благослови их Бог — каждую!”

Самый ценный ресурс на Земле 18

Когда мы вошли в кабинет д-ра Брида, я попытался настроиться на осмысленное интервью. Я обнаружил, что моё психическое состояние не улучшилось. И когда я начал задавать д-ру Бриду вопросы о дне бомбы, то обнаружил, что мои мозговые центры, отвечающие за связи с общественностью, подавлены выпивкой и палёной кошачьей шерстью. Каждый вопрос, который я задавал, подразумевал, что создатели атомной бомбы — соучастники самого гнусного убийства.

Д-р Брид был ошарашен, а затем сильно огорчился. Он отодвинулся от меня и пробурчал: “Я делаю вывод, что вы очень не любите учёных”.

— Я бы так не сказал, сэр.

— Все ваши вопросы кажутся нацеленными на то, чтобы вынудить меня признать, что учёные — это бессердечные, бессовестные, ограниченные болваны, безразличные к судьбе остальных человеческих существ, или, возможно, в действительности вообще не члены рода людского.

— Довольно сильно сформулировано.

— Не сильнее чем то, что вы, по-видимому, собираетесь написать в своей книге. Я думал, то, что вы наметили — это честная, объективная биография Феликса Хёникера, определённо значительнейшая задача, какую только мог бы поставить себе молодой писатель в наши дни. Но нет, вы пришли сюда с предвзятыми представлениями о безумных учёных. Где вы только набрались таких мыслей? Из комиксов?

— От сына д-ра Хёникера — вот один из источников.

— Которого сына?

— Ньютона, — сказал я. Письмо маленького Ньюта было у меня с собой, и я показал его.

— Кстати, насколько мал Нют?

— Не больше, чем подставка для зонтиков, — произнёс д-р Брид, читая письмо Ньюта и хмурясь.

— Двое остальных детей нормальные?

— Конечно! Очень жаль вас разочаровывать, но у учёных такие же дети, как и у всех остальных.

Я сделал всё возможное, чтобы умиротворить д-ра Брида, убедить его в том, что я действительно интересуюсь точным портретом д-ра Хёникера: “Я пришёл сюда без всякой иной цели, кроме как точно зафиксировать то, что вы мне расскажете о д-ре Хёникере. Письмо Ньюта было лишь началом, и я уравновешу его всем тем, что сможете рассказать мне вы”.

— Меня тошнит от ложных стереотипов о том, что такое учёный, чем занимается учёный.

— Я сделаю всё, чтобы развенчать эти ложные стереотипы.

— В этой стране большинство людей даже не понимают, что такое чистая наука.

— Буду очень признателен, если вы расскажете мне, что это такое.

— Она не стремится сделать сигаретные фильтры — лучше, или косметические салфетки — мягче, или краску для домов — устойчивей, прости, Господи. Всякий говорит об исследованиях, и практически никто в этой стране не занимается ими. Мы — одна из немногих компаний, которые действительно нанимают людей заниматься чистой наукой. Когда большинство остальных компаний кичится своими исследованиями, они говорят о заурядных заводских лаборантах, которые носят белые халаты, работают по книгам рецептов и мечтают усовершенствовать стеклоочистители для «Олдсмобилей» будущего года.

— Но здесь...?

— Здесь, и ещё в шокирующе малом количестве мест этой страны, людям платят за то, чтобы наращивать знания, работать в этом, и никаком другом направлении.

— Очень щедро со стороны «Многопрофильной Кузнечно-Литейной Компании».

— Никакой щедрости в этом нет. Новые знания — это самый ценный ресурс на Земле. Чем больше истины в том, с чем дано нам работать, тем богаче мы становимся.

Будь я бокононистом тогда, это утверждение заставило бы меня взвизгивать.

Никакой больше грязи 19

— Не хотите ли вы сказать, — спросил я д-ра Брида, — что никому в этой Лаборатории никогда не говорят, над чем работать? Что никто даже не предлагает, над чем работать?

— Постоянно что-нибудь предлагают, но для чистого исследователя противоестественно уделять какое-либо внимание сторонним предложениям. Его голова полна своих собственных проектов, и это как раз то, что нам надо.

— Кто-нибудь хотя бы пытался предлагать проекты д-ру Хёникеру?

— Разумеется. В особенности адмиралы и генералы. Они смотрели на него как на некоего волшебника, способного взмахом своей волшебной палочки сделать Америку непобедимой. Они приносили сюда всякие сумасшедшие схемы — до сих пор приносят. Единственный недостаток тех схем состоит в том, что при нынешнем уровне знаний эти схемы не заработают. Учёные уровня д-ра Хёникера предназначены, чтобы восполнять небольшие недостающие звенья. Я помню, незадолго до смерти Феликса, был один генерал морской пехоты, донимавший его, чтобы сделать что-нибудь с грязью.

— Грязью?

— Морпехам, спустя почти двести лет барахтанья в грязи, стало от этого тошно, — сказал д-р Брид. — Тому генералу, как их представителю, взбрело в голову, что один из аспектов прогресса должен быть в том, чтобы морпехам больше не пришлось сражаться в грязи.

— Что же этот генерал имел в виду?

— Отсутствие грязи. Никакой больше грязи.

— Я полагаю, — теоретизировал я, — что это было бы возможным с использованием гор каких-нибудь химикатов, или какой-нибудь многотонной техники...

— То, что генерал имел в виду, было маленькой таблеткой или небольшой машиной. Морпехам стало тошно не только от грязи — им стало тошно носить громоздкие предметы. Они хотели наконец-то получить что-нибудь лёгкое для транспортировки.

— Что же сказал д-р Хёникер?

— Играючи, а он всегда подходил к делу играючи, Феликс предложил, чтобы это была одна-единственная крупинка — даже микроскопическая крупинка — кое-чего, что могло бы сделать бесконечные пространства грязей, топей, болот, ручьёв, луж, зыбучих песков и трясин такими же твёрдыми, как этот стол.

Д-р Брид хлопнул своим старческим веснушчатым кулаком по столу. Стол был дизайнерской работы, овально-выгнутый, цвета морской волны. — “Один-единственный морпех мог бы нести с собой этого вещества более чем достаточно, чтобы освободить бронетанковую дивизию, завязшую в болотистых низинах. Согласно Феликсу, один морпех мог бы нести с собой достаточное количество того вещества под ногтем своего мизинца”.

— Это невозможно.

— Так сказали бы вы, так сказал бы я — так сказал бы практически каждый. Для Феликса, с его игривым подходом, это было вполне возможно. Чудо Феликса — и я искренне надеюсь, что вы вставите это где-нибудь в своей книге — было в том, что он всегда подходил к старым головоломкам так, как если бы они были абсолютно новыми.

— Теперь я чувствую себя как Францина Пэфко, — сказал я, — и как все девушки из Девичьего Бюро, тоже. Д-р Хёникер никогда не смог бы объяснить мне, как что-либо, что можно поместить под ноготь, могло бы сделать болото таким же твёрдым, как ваш стол.

— Я рассказывал вам, как хорошо Феликс умел объяснять...

— Пусть даже так...

— Он смог объяснить это мне, — сказал д-р Брид, — и я уверен, что смогу объяснить это вам. Задача в том, чтобы вытащить морпехов из грязи — так?

— Так.

— Хорошо, — сказал д-р Брид, — слушайте внимательно. Поехали.

Лёд-девять 20

— Есть несколько способов, — сказал мне д-р Брид, — как определённые жидкости могут кристаллизоваться — могут застыть, — несколько способов, как их атомы могут сложиться и схватиться упорядоченным, жёстким образом.

Этот пожилой человек с веснушчатými руками предложил мне подумать о нескольких способах сложить пушечные ядра на лужайке перед зданием суда, о нескольких способах упаковать апельсины в тару.

— То же самое и с атомами в кристаллах — и два различных кристалла одного и того же вещества могут иметь довольно отличные друг от друга физические свойства.

Он рассказал мне о фабрике, где выращивали большие кристаллы этилендиаминартрата. Эти кристаллы используются в определённых производственных операциях, сказал он. Но однажды на фабрике обнаружили, что кристаллы, которые они выращивают, больше не обладают желаемыми свойствами. Атомы начали складываться и схватываться — замерзать — на другой манер. Жидкость, которая кристаллизуется, оставалась той же самой, но кристаллы, которые из неё формировались, с точки зрения промышленного применения были полным хламом.

Как до этого дошло — осталось загадкой. Теоретически, однако, злодеем была, как называл её д-р Брид, «затравка». Он имел в виду крохотную крупинку нежелательной кристаллической структуры. Затравка, появившись Бог-весть-откуда, научила атомы новому способу складываться и схватываться — кристаллизоваться, замёрзнуть.

— Теперь снова подумайте о пушечных ядрах на лужайке перед зданием суда или об апельсинах в таре, — предложил он. И он помог мне понять, что структура нижнего слоя пушечных ядер или апельсинов определяет, как будет укладываться каждый последующий слой. — Нижний слой — это затравка тому, как поведёт себя каждое вновь приходящее пушечное ядро или каждый апельсин, даже если пушечных ядер или апельсинов будет потом бесконечно много.

— Теперь допустим, — д-р Брид похрюкивал от удовольствия, любуясь самим собой, — что есть много возможных способов, как могла бы кристаллизоваться, могла бы застыть вода. Допустим, что лёд, пригодный для катания на коньках или для коктейлей — то, что мы могли бы назвать лёд-один — всего лишь одна из нескольких разновидностей льда. Допустим, что вода на Земле всегда замерзает в лёд-один, потому что никогда не имела затравки, чтобы научиться формировать лёд-два, лёд-три, лёд-четыре... И допустим, — он снова стукнул по столу своей старческой рукой, — что есть одна форма, которую мы назовём лёд-девять, — кристалл, твёрдый, как это стол — с точкой плавления, скажем, сто градусов по Фаренгейту или, ещё лучше, с точкой плавления сто тридцать градусов¹.

— Ладно, что дальше, — произнёс я.

Д-ра Брида прервали перешёптывания в его приёмной — перешёптывания громкие и взволнованные. Это были звуки Девичьего Бюро.

Девушки в приёмной готовились петь.

И они запели, когда мы с д-ром Бридом показались в дверном проёме. Каждая из почти сотни девушек сделала себе, как у певчих в хоре, воротничок из белой документной бумаги, скреплённой при помощи скрепки. Они пели красиво.

Я был удивлён, моё сердце сентиментально размякло. Меня всегда трогает это редко используемое сокровище — сладость, с какою могут петь большинство девушек.

Девушки пели «О, маленький город Вифлеем». Я всё никак не могу забыть их интерпретацию строчки:

“Все надежды земные, все тревоги земные нынче вечером с нами здесь²”.

-----
¹ Примерно 54 градуса Цельсия.

² В оригинальном варианте песни — в библейском Вифлееме.

Морпехи идут вперёд 21

Когда старый д-р Брид с помощью мисс Фауст передал Рождественские шоколадки девушкам, мы вернулись в его кабинет.

Там он сказал мне: “На чём же мы остановились? Ах да! ” И старик попросил меня подумать о морпехах Соединённых Штатов в Богопроклятом болоте.

— Их грузовики, и танки, и гаубицы барахтаются, — жаловался он, — утопая в тине и вонючих миазмах.

Он поднял палец и подмигнул мне. — “Но допустим, молодой человек, что у одного морпеха есть с собой крохотная капсула, содержащая затравку льда-девять — новый способ атомам воды сложиться и схватиться, застыть. Если этот морпех бросит ту затравку в ближайшую лужицу...”

— Лужица застынет? — предположил я.

— А вся жидкая грязь вокруг лужицы?

— Она застынет?

— А все лужицы в застывшей грязи?

— Они застынут?

— А все омуты и ручьи в застывшей грязи?

— Они застынут?

— Можете не сомневаться! — воскликнул он. — И морпехи Соединённых Штатов поднимутся из болота и пойдут вперёд!

Представитель жёлтой прессы 22

— И такое вещество есть? — спросил я.

— Нет, нет, нет, нет, — сказал д-р Брид, вновь теряя со мной терпение. — Я рассказал вам всё это лишь затем, чтобы дать некоторое представление об экстраординарной новизне подходов, которые Феликс был способен применить к старым проблемам. То, что я только что рассказал вам, — это то, что он рассказал генералу морской пехоты, который донимал его по поводу грязи.

— Здесь, в кафетерии, Феликс всегда питался в одиночестве. Было правилом, что никто не должен был подсаживаться к нему, чтобы не прерывать ход его мыслей. Но генерал морской пехоты явился без приглашения, подтащил кресло и начал толковать о грязи. То, что я рассказал вам, было Феликсовой импровизацией.

— Так.., так на самом деле нет такой штуки?

— Я только что сказал вам, что нет! — горячо воскликнул д-р Брид. — Вскоре после этого Феликс умер! И если бы вы слушали то, что я пытаюсь растолковать вам о чистых исследователях, вы не стали бы задавать такой вопрос! Чистые исследователи работают над тем, что увлекает их, а не над тем, что увлекает других людей.

— Я всё думаю о том болоте...

— Можете перестать думать о нём! Я привёл это болото для примера и только.

— Если ручьи, протекающие через болото, застынут в лёд-девять, как насчёт рек и озёр, в которые впадают эти ручьи?

— Они застынут. Но таких вещей, как лёд-девять, нет.

— А океаны, куда впадают застывшие реки?

— Они застынут, конечно, — отрезал он. — Я полагаю, теперь вы собираетесь ринуться на рынок с сенсационной историей про лёд-девять. Говорю вам снова, его не существует!

— А родники, питающие застывшие озёра и ручьи, и все подземные воды, питающие родники?

— Они застынут, чёрт возьми! — закричал он. — Но если бы я знал, что вы — представитель жёлтой прессы, — величественно произнёс он, поднимаясь с кресла, — я не потратил бы на вас ни минуты!

— А дождь?

— Когда он пойдёт, то будет застывать твёрдыми маленькими гвоздиками льда-девять — и это будет конец света! И конец интервью, тоже! Всего хорошего!

Последний противень пирожных 23

Д-р Брид ошибался по крайней мере в одном: такая вещь, как лёд—девять, существовала. И лёд-девять был на Земле.

Лёд-девять был последним даром, который Феликс Хёникер создал для человечества перед тем, как отправиться на Суд Всевышнего.

Он создавал его так, что никто даже не догадывался, чем он занимается. Он делал его, не оставляя об этом никаких записей.

Конечно, для акта творения нужна была сложная аппаратура, но она уже имелась в Исследовательской Лаборатории. Д-ру Хёникеру оставалось только наведываться к соседям по Лаборатории и обаятельно, по-соседски надоедать им, беря займы то и это, — до тех пор, пока он, так сказать, не испёк свой последний противень пирожных.

Он сделал крупинку льда-девять. Она была синевато-белая. Она имела точку плавления сто четырнадцать целых четыре десятых градуса по Фаренгейту¹.

Феликс Хёникер опустил крупинку в маленькую склянку и положил склянку себе в пиджак. И он уехал с тремя своими детьми в свой коттедж на мысе Код, где собирался отпраздновать Рождество.

Энджеле было тридцать четыре. Фрэнку было двадцать четыре. Маленькому Ньюту было восемнадцать.

Старик умер в канун Рождества, рассказав о льде-девять только своим детям.

Его дети поделили лёд-девять между собой.

-----
¹ Примерно 46 градусов Цельсия.

Что есть вампитер 24

Что приводит меня к бокононистской концепции «вампитера».

Вампитер — это ось карассы. Не бывает карассы без вампитера, говорит нам Бóконон, как не бывает колеса без втулки.

Вампитером может быть всё, что угодно: дерево, камень, животное, идея, книга, мелодия, Святой Грааль. Чем бы это ни было, члены его карассы вращаются вокруг него в величественном хаосе спиральной туманности. Орбиты членов карассы вокруг их общего вампитера — это, естественно, духовные орбиты. Вращаются души, а не тела. Бóконон предлагает нам спеть об этом:

*Мы кружимся, кружимся, кружимся здесь,
Наши ноги — свинец, наши крылья — жемчуг.*

И, говорит нам Бóконон, вампитеры приходят и вампитеры уходят.

На самом деле, в любой данный момент у карассы два вампитера: один — растущий в значимости, один — убывающий.

И я почти уверен, что в то время, когда я беседовал с д-ром Бридом в Илиуме, вампитером моей карассы, только-только входящим в свой расцвет, была та кристаллическая форма воды, тот синевато-белый зародыш, та роковая затравка, названная льдом-девять.

В то время, как я беседовал с д-ром Бридом в Илиуме, Энджела, Франклин и Ньютон Хёникер имели в своём распоряжении крупинки льда-девять — крупинки, выращенные из крупинки их отца — образно выражаясь, щепки старой колоды.

То, что должно было случиться с этими тремя крупинками, я убеждён, и было основной заботой моей карассы.

Главное в д-ре Хёникере 25

Пока что довольно о вампитере моей карассы.

После моего неприятного интервью с д-ром Бридом в Исследовательской Лаборатории «Многопрофильной Кузнечно-Литейной Компании» я был передан в руки мисс Фауст. Ей велено было выпроводить меня. Однако я уговорил её сперва показать мне лабораторию покойного д-ра Хёникера.

По пути я спросил её, насколько хорошо знала она д-ра Хёникера. Она дала мне искренний и интересный ответ, сопроводив его пикантной улыбкой.

“Не думаю, что он был познаваем. Я имею в виду, когда большинство людей говорит о том, что знает кого-нибудь хорошо или не очень, они говорят о секретах, которые им

рассказали или не рассказали. Они говорят об интимных делах, семейных делах, любовных делах, — сказала мне эта славная пожилая леди. — В жизни д-ра Хёникера имели место все эти дела, как и у всякого живого человека, но не это было в нём главным”.

— Что же было главным? — спросил я её.

— Д-р Брид постоянно говорит мне, что главным в д-ре Хёникере была правда.

— Кажется, вы не согласны?

— Не знаю, согласна я или нет. Просто у меня проблемы с пониманием того, как одной только правды может быть достаточно для личности.

Мисс Фауст созрела для бокононизма.

Что есть Бог 26

— Вы когда-нибудь разговаривали с д-ром Хёникером? — спросил я мисс Фауст.

— О, конечно. Я много разговаривала с ним.

— Какая-нибудь из бесед запомнилась особенно?

— Была одна, где он держал пари, что я не смогу сказать ему ничего абсолютно истинного. Вот я и сказала ему: “Бог есть любовь”.

— И что же он сказал?

— Он сказал: “Что есть Бог? Что есть любовь?”

— Хм.

— Но вы знаете, Бог в самом деле есть любовь, — произнесла мисс Фауст, — не важно, что говорил д-р Хёникер.

Люди с Марса 27

Комната, бывшая лабораторией д-ра Феликса Хёникера, располагалась на шестом, верхнем этаже здания.

Поперёк дверного проёма был натянут пурпурный канат, и бронзовая табличка на стене объясняла, почему эта комната была священной:

В ЭТОЙ КОМНАТЕ Д-Р ФЕЛИКС ХЁНИКЕР,
НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ПО ФИЗИКЕ,
ПРОВЁЛ ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ СВОЕЙ ЖИЗНИ.
“ГДЕ БЫЛ ОН, ТАМ ПРОХОДИЛ ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ЗНАНИЯ”.
ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ЧЕЛОВЕКА В
ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — НЕИСЧИСЛИМО.

Мисс Фауст предложила отстегнуть пурпурный канат, чтобы я смог зайти внутрь и более интимно пообщаться с какими бы ни было привидениями, обитавшими там.

Я согласился.

— Всё в точности так, как он оставил, — сказала она, — за исключением того, что в одном углу валялись резиновые ленты.

— Резиновые ленты?

— Не спрашивайте меня, для чего. Не спрашивайте меня ни о чём тут, для чего.

Старик оставил в лаборатории кавардак. Моё внимание тут же привлекло множество разбросанных дешёвых игрушек. Тут был бумажный воздушный змей со сломанной планкой. Тут был игрушечный гироскоп с намотанной струной, готовый зажужжать и балансировать. Тут была юла. Тут была соломинка для мыльных пузырей. Тут был аквариум с замком и двумя черепахами.

— Он любил десятицентовые магазинчики, — сказала мисс Фауст.

— Трудно не заметить.

— Некоторые из его самых знаменитых экспериментов были поставлены на оборудовании, стоившем меньше доллара.

— Пенни сэкономленный — пенни заработанный.

Были здесь, конечно, и бесчисленные фрагменты традиционного лабораторного оборудования, но они казались унылыми принадлежностями к дешёвым, весёлым игрушкам.

Стол д-ра Хёникера был завален корреспонденцией.

— Не думаю, чтобы он когда-нибудь ответил хотя бы на одно письмо, — задумчиво произнесла мисс Фауст. — Людям приходилось звонить по телефону или приходить к нему, если им нужен был ответ.

На столе была фотография в рамке. Она стояла ко мне обратной стороной, и я рискнул угадать, чьё это было фото. — “Его жена?”

— Нет.

— Один из его детей?

— Нет.

— Он сам?

— Нет.

Тогда я посмотрел. Я обнаружил, что это было фото скромного небольшого военного мемориала перед зданием суда в каком-то маленьком городке. Частью мемориала была табличка, перечислявшая имена жителей, погибших в различных войнах, и я подумал, что поводом для фотографии, должно быть, стала эта табличка. Я мог прочитать имена, и был почти уверен, что найду среди них имя Хёникера. Его там не было.

— Это было одним из его хобби, — сказала мисс Фауст.

— Каким хобби?

— Фотографировать, как уложены пушечные ядра на разных лужайках перед зданиями судов. На этой картинке их, кажется, уложили очень необычно.

— Понятно.

— Он был необычным человеком.

— Согласен.

— Возможно, через миллионы лет каждый будет таким же находчивым и будет понимать вещи тем же путём, как понимал он. Но от сегодняшних средних людей он отличался, как человек с Марса.

— Может быть, он и в самом деле был марсианин, — предположил я.

— Это несомненно объяснило бы многое в отношении трёх его странных детей.

Майянез 28

Пока мисс Фауст и я ждали лифт, чтобы спуститься на первый этаж, мисс Фауст сказала, что надеется, лишь бы не подошёл лифт номер пять. И ещё до того, как я успел спросить, какой смысл имеет это желание, номер пять прибыл.

Его оператором был маленький престарелый негр по имени Лайман Эндерс Ноулз. Ноулз был псих, и я почти уверен — буйный, судя по тому, как он хватал свою задницу и кричал "Да, да!" всякий раз, когда ему казалось, что он «попал в точку».

— Здорово, братцы антропоиды, листочки лотоса, колёсики гребные, — сказал он мисс Фауст и мне. — Да, да!

— Первый этаж, пожалуйста, — холодно сказала мисс Фауст.

Всё, что Ноулз должен был сделать, чтобы закрыть дверь и доставить нас на первый этаж, — это нажать кнопку, но он пока не собирался делать это. Он не собирался делать это, может быть, ещё целые годы.

— Мне один тут рассказал, — продолжал он, — что эти здешние лифты — конструкции древних майя. До сегодняшнего дня я никогда об этом не знал. И я говорю ему: "Так вот что делает меня — майянезом?" Да, да! И пока он обдумывал это, я ошеломил его вопросом, который напряг его и заставил думать в два раза крепче! Да, да!

— Пожалуйста, м-р Ноулз, мы не могли бы отправиться вниз? — попросила мисс Фауст.

— Я сказал ему, — продолжал Ноулз, — "Вот здесь Исследовательская Лаборатория. Исследовать — значит переискивать¹, так ведь? Значит, ищут что-то, что однажды уже находили, и это куда-то делось, и теперь его надо переискивать по-новой? Надо же было додуматься построить здание наподобие этого — с майянезскими лифтами и вообще — и наполнить его всем этим свихнувшимся народом! Что такое они пытаются снова найти? Кто что потерял?" Да, да!

— Это очень интересно, — вздохнула мисс Фауст. — Теперь не могли бы мы отправиться вниз?

— Только вниз мы и можем отправиться, — рявкнул Ноулз. — Здесь самый верх. Вы попросите меня отправиться вверх — и ничего-то я не смогу для вас сделать. Да, да!

— Так давайте отправимся вниз, — сказала мисс Фауст.

— Уже очень скоро. Этот джентльмен выражал тут своё почтение д-ру Хёникеру?

— Да, — сказал я. — Вы знали его?

— Очень близко, — ответил он. — Знаете, что я сказал, когда он умер?

— Нет.

— Я сказал: "Д-р Хёникер — он не мертвец".

— А?

— Просто вошёл в новое измерение. Да, да! — Он ткнул кнопку, и мы поехали вниз.

— Вы знали детей Хёникера? — спросил я его.

— Детки-бедки, — сказал он. — Да, да!

-----
¹ Наивное истолкование глагола research (англ.) — исследовать.

Ушедшие, но не забытые 29

Была ещё одна вещь, которую я хотел сделать в Илиуме. Я хотел сделать фотографию могилы старика. Так что я вернулся в номер, обнаружил, что Сандра ушла, взял фотоаппарат и вызвал такси.

Всё ещё падала ледяная слякоть, кислая и серая. Я подумал, что могила старика на фоне этой ледяной слякоти может довольно хорошо выйти на фото — возможно даже, получится хорошая картинка для суперобложки «Дня, когда наступил Конец Света».

Сторож у ворот кладбища рассказал мне, как найти погребальный участок Хёникера. «Пропустить невозможно, — сказал он. — У него здесь самый заметный ориентир».

Он не соврал. Ориентиром был гипсовый фаллос двадцати футов в высоту и трёх футов в толщину. Он был покрыт ледяной слякотью.

«Боже, — воскликнул я, доставая из такси фотоаппарат, — до чего же подходящий памятник для отца атомной бомбы!» Я рассмеялся.

Я спросил водителя, не откажется ли он постоять у памятника, чтобы дать некое представление о масштабе. И затем я попросил его убрать немного ледяной слякоти так, чтобы показалось имя усопшего.

Он сделал.

И там, Бог мне в помощь, шестидюймовые буквы складывали слово:

МАМА

Только спишь 30

— Мама? — спросил водитель, не веря своим глазам.

Я расчистил слякоть ещё, и открыл такие стихи:

Мама, мамочка, я не устану молиться
Тебе — нашему ангелу-покровительнице.

— Энджела Хёникер

И под этими стихами были ещё другие:

Ты не мертва,
Ты только спишь,
Нам слёзы
Вытереть велишь.

— Франклин Хёникер

И ещё ниже в столб был вставлен цементный квадратик с отпечатком детской ладошки. Рядом с отпечатком были слова:

Младенец Ньют.

«Если это мать, — сказал водитель, — что же, чёрт возьми, могли воздвигнуть над отцом?» Он сделал похабное предположение о том, что бы это могло быть.

Мы нашли отца неподалёку. Памятник — как я выяснил позже, согласно его завещанию — был сорокасантиметровым мраморным кубом.

На нём было написано: «ОТЕЦ».

Другой Брид 31

Когда мы покидали кладбище, водитель такси забеспокоился о состоянии могилы своей собственной матери. Он спросил, не возражаю ли я ненадолго отклониться от маршрута, чтобы взглянуть на неё.

Могилу его матери отмечал жалостный маленький камень — меньший, чем она заслуживала.

И водитель спросил меня, не возражаю ли я снова ненадолго отклониться, на этот раз в контору по продаже надгробий через дорогу от кладбища.

Тогда я не был бокононистом, поэтому согласился с некоторым раздражением. Как бокононист я бы, конечно, с радостью согласился следовать куда угодно — кто бы ни предложил. Как говорит Бóконон: *“Необычные предложения путешествовать — это уроки танцев от Самого Бога”*.

Заведение по продаже надгробий называлось «Аврам Брид и Сыновья». Пока водитель разговаривал с продавцом, я разгуливал среди памятников — памятников без надписей, памятников пока ещё ни в чью память.

В демонстрационном помещении я нашёл небольшую шуточную композицию — с каменной женщины-ангела свешивались ветки омелы. Её пьедестал был завален можжевельными ветками, а её мраморное горло окружала Рождественская гирлянда из лампочек.

— Сколько за неё? — спросил я продавца.

— Не продаётся. Ей сто лет. Её вырезал мой прадед, Аврам Брид.

— Это заведение такое старое?

— Это точно.

— И вы — Брид?

— Четвёртое поколение на этом месте.

— Как-то связаны с д-ром Эйзой Бридом, директором Исследовательской Лаборатории?

— Его брат. — Он назвал своё имя: Марвин Брид.

— Мир тесен, — заметил я.

— Тесен, когда запихнёте его на кладбище. — Марвин Брид был элегантным и простым, умным и сентиментальным мужчиной.

Динамитные деньги 32

— Я только что из кабинета вашего брата. Я писатель. Я брал у него интервью о д-ре Хёникере, — сказал я Марвину Бриду.

— Был такой чокнутый сукин сын. Не мой брат — я имею в виду Хёникера.

— Вы продали ему тот памятник для жены?

— Продал его детям. Он тут вообще не при чём. Он так и не появился здесь, чтоб хоть как-нибудь отметить её могилу. И вот, спустя год или больше после её смерти, сюда зашли трое детей Хёникера — крупная высокая девушка, мальчик, и крохотный младенец. Они хотели самый большой камень, какой только можно купить за деньги, и двое старших принесли стихи, которые они сочинили. Они хотели, чтобы на камне были эти стихи.

— Можете смеяться над тем столбом, если хотите, — сказал Марвин Брид, — но те ребята получили от него больше утешения, чем от чего-либо ещё, что можно купить за деньги. Они приходили и смотрели на него, и клали цветы к нему я-даже-не-знаю-сколько-раз в году.

— Должно быть, это недёшево стоило.

— Нобелевская Премия купила его. Те деньги купили две вещи: коттедж на мысе Код и этот памятник.

— Динамитные деньги... — меня зачаровали мысли о ярости динамита и абсолютном покое надгробий и летних домиков.

— Что?

— Нобель изобрёл динамит.

— Ну, я полагаю, всё так или иначе...

Будь я бокононистом тогда, размышляя о сказочно запутанной цепочке событий, доставившей динамитные деньги в данную конкретную компанию по продаже надгробий, я, возможно, прошептал бы: “Би-и-ип, би-и-ип, би-и-ип”.

“Би-и-ип, би-и-ип, би-и-ип”, — так мы, бокононисты, шепчем всякий раз, когда размышляем, насколько сложна и непредсказуема механика реальной жизни.

Но всё, что я мог тогда сказать, как христианин, было: “Конечно, жизнь иногда забавна”.

— А иногда — нет, — сказал Марвин Брид.

Неблагодарный человек 33

Я спросил Марвина Брида, знал ли он Эмили Хёникер, жену Феликса, мать Энджелы, Фрэнка и Ньюта — женщину под тем чудовищным столбом.

— Знал её? — Голос его стал трагическим. — Знал ли я её, мистер? Конечно, я знал её. Я знал Эмили. Мы вместе ходили в Илиумскую среднюю школу. Тогда мы были сопредседателями классного комитета по выбору цветов. Её отец владел в Илиуме музыкальным магазином. Она умела играть на любом музыкальном инструменте, какие только там были. Я был так влюблён в неё, что бросил футбол и пытался играть на скрипке. А потом мой старший брат Эйза приехал на весенние каникулы из МТИ¹, и я совершил ошибку, представив его своей самой лучшей девушке. — Марвин Брид щёлкнул пальцами. — Вот так же просто он увёл её у меня. Свою скрипку за семьдесят пять долларов я вдребезги разбил о большой бронзовый выступ на ножке кровати; и я пошёл в цветочную лавку, и взял коробку, в какие кладут по дюжине роз, и положил в эту коробку разбитую скрипку, и отправил ей с посылным из «Вестерн Юнион».

— Прелестная, была она?

— Прелестная? — откликнулся он. — Мистер, когда я увижу свою первую леди-ангела, если только Бог сочтёт нужным показать мне одну из них, я разину рот при виде её крыльев, а не лица. Я уже видел самое прелестное лицо, какое только может быть. Не было в округе Илиум ни одного мужчины, кто не был бы влюблён в неё, тайно или явно. Она могла заполучить любого мужчину, какого только пожелала бы. — Он сплюнул на пол. — И надо же было ей выйти за того маленького немецкого сукина сына! Она была помолвлена с моим братом, а затем этот подлый маленький ублюдок потряс весь город. — Марвин Брид снова щёлкнул пальцами. — Вот так же просто он увёл её у моего старшего брата.

— Я полагаю, что в высшей степени и вероломно, и неблагодарно, и невежественно, и несовременно, и антиинтеллектуально называть мертвеца, столь знаменитого как Феликс Хёникер, сукиным сыном. Мне всё известно о том, каким он считается безобидным, и кротким, и мечтательным; как он никогда и мухи не обидел, как его не заботили деньги и власть, и модные тряпки, и автомобили; как он не был похож на всех остальных нас; насколько он был лучше всех остальных нас; как он был таким невинным — был практически Иисусом, разве что не Сыном Божьим...

Марвин Брид не чувствовал необходимости закончить свою мысль. Мне пришлось попросить его об этом.

— Но что? — сказал он. — Но что? — Он отошёл к окну, посмотрел на кладбищенские ворота. — Но что.., — пробормотал он, глядя и на ворота, и на ледяную слякоть, и на тускло видневшийся Хёникеров столб.

— Но, — сказал он, — но какого дьявола невинен человек, который помогает делать такие вещи, как атомная бомба? И как можно говорить, что мужчина находится в здравом уме, если он даже не может озаботиться сделать что-нибудь, когда великодушнейшая, самая красивая женщина на свете — его собственная жена — умирает от недостатка любви и понимания...

Он вздрогнул, — “Иногда мне приходит в голову, не был ли он мертворождённым. Я никогда не встречал человека, кто был бы так незаинтересован жизнью. Иногда я думаю, что наш мир в беде — слишком много людей на высоких постах мертвы, как холодные камни”.

---

¹ Массачусетский Технологический Институт, один из самых престижных технических вузов США.

Вин-дит 34

Именно в конторе по продаже надгробий со мной случился первый вин-дит — бокононистское понятие, означающее внезапный, очень личный толчок в направлении бокононизма, в направлении веры в то, что Бог Всемогущий знает обо мне всё, и что Бог Всемогущий имеет некоторые довольно сложные планы на мой счёт.

Вин-дит имел отношение к каменному ангелу под ветвями омелы. Водитель такси вбил себе в голову, что любой ценой должен заполучить ту женщину-ангела на могилу своей матери. Он стоял перед ней со слезами на глазах.

Марвин Брид всё ещё выглядывал в окно на кладбищенские ворота, только что произнеся свой рассказ о Феликсе Хёникере. “Маленький немецкий сукин сын может и стал современным святым, — добавил он, — Но чёрт побери, если он хоть раз делал что-нибудь, чего не хотел, и чёрт побери, если он не получал всего, чего только хотел”.

— Музыка, — сказал он.

— Простите? — спросил я.

— Вот почему она вышла за него. Она говорила, что его сознание настроено на величественнейшую музыку, какая только есть, — на музыку звёзд. — Он покачал головой. — Чушь.

А затем ворота напомнили ему, как он в последний раз видел Фрэнка Хёникера, сборщика моделей, истязателя жуков в банках. “Фрэнк”, — произнёс он.

— Что с ним?

— В последний раз я видел этого бедного чокнутого парня, когда он выходил из тех кладбищенских ворот. Похороны его отца всё ещё продолжались. Старик не был ещё под землёй, а Фрэнк уже вышел из ворот. Он поднял свой большой палец перед первой же проходящей машиной. Это был новый «Понтиак» с флоридскими номерами. Он остановился. Фрэнк сел в него, и больше в Илиуме его никто не видел.

— Я слышал, его разыскивает полиция.

— Это нелепая случайность. Никакой Фрэнк не преступник. Нервы у него не те. Единственное дело, в котором он был хорош — сборка моделей. Единственная работа, за которую он когда-либо держался, была в «Товарах Джека для Хобби»: продавать модели, собирать модели, давать людям советы по сборке моделей. Когда он внезапно убрался отсюда, подался во Флориду, он получил работу в модельной лавке в Сарасоте. Оказалось, что эта модельная лавка была лишь вывеской для банды, которая воровала «Кадиллаки», загоняла их прямо на палубу старого десантного корабля и переправляла на Кубу. Вот так Фрэнк и влип. Не удивлюсь, если копы не нашли его, потому что он мёртв. Просто он слишком много услышал, пока приклеивал башенки к линкору «Миссури».

— Вам известно, где теперь Ньют?

— Полагаю, он со своей сестрой в Индианаполисе. Последнее, что я слышал, — что он связался с той русской карлицей и вылетел с медфака в Корнелле. Можете себе представить карлика, пытающегося стать врачом? И в той же самой жалкой семье есть ещё такая крупная, неуклюжая девушка, ростом за шесть футов. Тот человек, столь знаменитый своим великим разумом, забрал эту девушку из предпоследнего класса средней школы, чтобы в доме была женщина, продолжавшая заботиться о нём. Всё, что у неё оставалось для души, — это кларнет, на котором она играла в «Марширующей Сотне», оркестре Илиумской средней школы.

— После того, как она покинула школу, — сказал Брид, — никто никуда её не приглашал. У неё не было никаких друзей, а старик ни разу даже не подумал дать ей денег сходить куда-нибудь. Знаете, какая у неё появилась привычка?

— Не-а.

— Время от времени она запиралась ночью в своей комнате и проигрывала записи, и играла под эти записи на кларнете. Просто чудо неслыханное, в моём понимании, что эта женщина вообще заполучила себе мужа.

— Сколько вы хотите за этого ангела? — спросил водитель такси.

— Я же сказал вам, она не продаётся.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь в округе всё ещё владел этой техникой резьбы по камню, — заметил я.

— У меня есть племянник, который владеет, — сказал Брид. — Мальчишка Эйзы. Он весь был настроен стать крутым учёным-исследователем, а потом скинули бомбу на Хиросиму, и парень завязал, и он напился, и он появился здесь, и он сказал мне, что хочет работать резчиком по камню.

— Теперь он работает здесь?

— Он скульптор в Риме.

— Если кто-нибудь предложит вам достаточно, — сказал водитель, — вы же возьмёте, не так ли?

— Возможно. Но это будет стоить кучу денег.

— Где вы поместите имя на такой вот штуковине? — спросил водитель.

— На ней уже есть имя, на пьедестале. — Имени увидеть мы не могли, поскольку пьедестал был завален ветками.

— Так и осталась невостребованной? — захотелось узнать мне.

— Так и осталась неоплаченной. История была такая: тот иммигрант из Германии был по пути на Запад со своей женой, и здесь, в Илиуме, она умерла от оспы. Вот он и заказал этого ангела, чтобы поставить над ней, и он показал моему прадеду, что у него есть деньги, чтобы расплатиться. Но потом его ограбили. Забрали практически всё, до единого цента. Всё, что у него оставалось в этом мире, — немного земли, которую он купил в Индиане, земли, которую он никогда не видел. Туда он и отправился — сказал, что потом вернётся и заплатит за ангела.

— Но он так и не вернулся? — спросил я.

— Не-а. — Носком обуви Марвин Брид слегка сдвинул ветки так, чтобы мы могли увидеть рельефные буквы на пьедестале. Там читалась фамилия. — Чудная какая-то фамилия, — сказал он. — Если тот иммигрант вообще оставил потомков, я полагаю, они американизировали фамилию. Теперь они, вероятно, Джоунсы, или Блэки, или Томпсоны.

— Здесь вы не правы, — пробормотал я.

Помещение, казалось, дрогнуло; и стены, и потолок его, и пол на мгновение трансформировались в горловины множества тоннелей — тоннелей, ведущих во всех направлениях сквозь время. На меня нашло боконостское видение единства в каждую секунду и во все времена всех странствующих мужчин, всех странствующих женщин, всех странствующих детей.

— Здесь вы не правы, — произнёс я, когда видение прошло.

— Вы знаете кого-нибудь с такой фамилией?

— Да.

Это была, в том числе, и моя фамилия.

Товары для Хобби 35

На обратном пути в отель мне попались на глаза «Товары Джека для Хобби» — место, где когда-то работал Франклин Хёникер. Я велел водителю такси остановиться и подождать.

Я вошёл и обнаружил Джека, собственной персоной восседавшего над своими крошечными пожарными машинами, железнодорожными составами, аэропланами, катерами, домиками, фонарными столбами, деревьями, танками, ракетами, автомобилями, портье, кондукторами, полицейскими, пожарными, мамочками, папочками, кошками, собаками, цыплятами, солдатами, утками и коровами. Это был землисто-бледный мужчина, серьёзный мужчина, нечистоплотный мужчина, и он много кашлял.

— Каким мальчиком был Франклин Хёникер? — эхом повторил он, и снова кашлял и кашлял. Он покачал головой и показал мне, что он обожал Фрэнка так, как не обожал больше вообще никого. — Это не тот вопрос, на который мне следует отвечать словами. Я могу показать вам, каким мальчиком был Франклин Хёникер. — Он кашлянул. — Можете взглянуть, — сказал он, — и вы сами сможете рассудить.

И он повёл меня вниз в подвал своего магазинчика. Там внизу он жил. Там была и двуспальная кровать, и комод с зеркалом, и электроплитка.

Джек извинился за неприбранную постель. “Жена оставила меня неделю назад. — Он кашлянул. — Я всё ещё пытаюсь как-то настроить струны моей жизни”.

А затем он повернул выключатель, и дальний конец подвала заполнился слепящим светом.

Мы приблизились к свету, и оказалось, что это было сияние солнца над фантастической маленькой страной, построенной на фанере — над островом, идеально прямоугольным, как городок в Канзасе. Всякая беспокойная душа, всякая душа, ищущая найти, что же лежит за пределами его зелёных границ, непременно свалится с края света.

Детали были настолько изящны в масштабе, настолько искусно текстурированы и раскрашены, что мне совершенно не надо было прищуриваться, чтобы поверить, что эта страна реальна — холмы, озёра, реки, леса, городки и всё прочее, чем так дорожат в любой стране добрые туземцы.

И повсюду пролегал макаронный узор железнодорожных путей.

— Взгляните на двери домов, — благоговейно сказал Джек.

— Аккуратно. Чётко.

— У них настоящие дверные ручки, а дверными молоточками можно постучать.

— Боже.

— Вы спрашиваете, каким мальчиком был Франклин Хёникер — он построил это. — Джек замолчал.

— Всё сам?

— Ну, я кое-где помогал, но всё, что я делал, было согласно его планам. Тот парень был гением.

— Тут с вами никто не сможет поспорить.

— Вы знаете, его братишка был карликом.

— Я знаю.

— Он выполнял некоторые паяльные работы снизу.

— Смотрится абсолютно реальным.

— Это было нелегко, и сделано было не за одну ночь.

— Рим не сразу строился.

— Вы знаете, у того парня дома не было никакой жизни.

— Слыхал.

— Это было его настоящим домом. Здесь, внизу, он провёл тысячи часов. Иногда он даже не запускал поезда — просто сидел и смотрел, так же, как мы сейчас.

— Здесь есть на что посмотреть. Это практически как путешествие в Европу — столько можно всего увидеть, если пристальней взглядеться.

— Он видел то, что мы с вами не увидим. Он сгладит все резкие складки на холме — и тот будет смотреться, для нас с вами, таким же реальным, как любой настоящий холм. И он снова окажется прав. Он поместит озеро туда, где был тот холм, и проведёт ещё эстакаду над озером — и это будет смотреться в десять раз лучше, чем раньше.

— Талант, который есть не у всякого.

— Это точно! — сказал Джек с чувством. Чувство стоило ему очередного приступа кашля. Когда приступ прошёл, из его глаз обильно текла влага. — Послушайте, я говорил этому парню, что он должен поступить в колледж и изучить инженерное дело, чтобы можно

было пойти работать на «Америкэн Флайер» или кого-нибудь ещё — на кого-нибудь крупного, кого-нибудь, кто мог бы реально поддержать все его идеи.

— Мне представляется, вы оказывали ему значительную поддержку.

— Если б я мог, если бы я только мог, — посетовал Джек. — У меня не было капитала. Когда мог, я давал ему материалы, но большую часть материалов он покупал на то, что зарабатывал у меня наверху. Он не потратил и десяти центов на что-либо, кроме этого — не пил, не курил, не ходил в кино, не гулял с девушками, не сходил с ума по автомобилям.

— Эта страна определённо могла бы лучшим образом распорядиться им.

Джек пожал плечами: “Ну... Я полагаю, он достался флоридским гангстерам. Испугались, что он проговорится”.

— Полагаю, что так.

Внезапно Джек не выдержал и заплакал. — “Интересно, имеют ли те грязные сукины дети, — всхлипывал он, — хоть малейшее представление о том, кого они убили!”

Мяу 36

На время своей поездки в Илиум и ещё кое-куда — двухнедельной экспедиции, захватывающей Рождество, — я предоставил свою нью-йоркскую квартиру в распоряжение бедному поэту по имени Шерман Кребс. Моя вторая жена оставила меня на том основании, что я был слишком пессимистичным, чтобы со мной мог жить оптимист.

Кребс был бородатый мужчина, платиново-блондинистый Иисус с глазами спаниеля. Он не был мне близким другом. Я встретил его на одной коктейль-вечеринке, где он представлял себя как всеамериканский председатель «Поэтов и Художников за Немедленную Ядерную Войну». Он умолял об убежище, не обязательно бомбоустойчивом, и случилось так, что у меня было такое.

Когда я вернулся в свою квартиру, всё ещё озадаченный скрытыми духовными смыслами невостребованного каменного ангела в Илиуме, я нашёл квартиру разгромленной нигилистским дебошем. Кребс исчез, но перед уходом он наговорил по телефону на триста долларов, прожёл мою кушетку в пяти местах, убил мою кошку и деревце авокадо и оторвал дверцу шкафчика с медикаментами.

На жёлтом линолеумном полу моей кухни он написал — как выяснилось, экскрементами, — вот такие стихи:

У меня есть кухня.
Но это — незавершённая кухня.
Я не буду реально беспечным
Пока не отделаю всё
До конца.

Было и другое послание, написанное на обоях над моей постелью женской рукой при помощи губной помады. Было написано: “Нет, нет, нет, — сказала курочка-дурочка”.

На шее моей мёртвой кошки висела табличка. На ней было: “Мяу”.

С тех пор я не видел Кребса. Тем не менее, я чувствую, что он был из моей карассы. Если так, он служил ей как «рэнг-рэнг». Рэнг-рэнг, согласно Бóконону, — это человек, который уводит людей прочь от некоторой линии рассуждений, доводя эту линию до абсурда примером своей собственной рэнг-рэнговской жизни.

Возможно, я смутно склонялся к тому, чтобы отбросить каменного ангела как бессмыслицу и сделать отсюда вывод о бессмысленности всего вообще. Но после того, как я увидел, что сделал Кребс, — в особенности, что он сделал с моей милой кошкой, — нигилизм был не для меня.

Кто-то или что-то не хотели, чтобы я был нигилистом. Миссия Кребса, знал он об этом или нет, заключалась в том, чтобы разочаровать меня в этой философии. Браво, м-р Кребс, — отличная работа.

Современный генерал-майор 37

И затем, в одно прекрасное воскресенье, я выяснил, где находится беглец от правосудия, сборщик моделей, Великий Бог Иегова и Вельзевул жуков в закрывающихся банках — выяснил, где можно найти Франклина Хёникера.

Он был жив!

Эта новость была в специальном приложении к «Нью-Йорк Сэнди Таймс». Приложение было платной рекламой одной банановой республики. На обложке был профиль самой умопомрачительно красивой девушки, какую я даже не надеялся увидеть.

Позади девушки бульдозеры валили пальмы, расчищая широкое авеню. В конце авеню виднелись стальные каркасы трёх новых зданий.

“Республика Сан Лоренцо, — говорил текст на обложке, — на подъёме! Здоровая, счастливая, развивающаяся, свободолюбивая, красивая страна становится крайне привлекательной для американских инвесторов, а также туристов”.

Я никуда не спешил, и прочитал содержание. Девушка на обложке была достаточным поводом — более чем достаточным, поскольку я влюбился в неё с первого взгляда. Она была очень юной, но также и очень степенной, и лучезарно отзывчивой, и мудрой.

Она была коричневой, как шоколад. Её волосы были подобны золотому льну.

Её имя было Мона Аамонс Монзано, говорила обложка. Она была приёмной дочерью диктатора того острова.

Я раскрыл приложение, надеясь отыскать другие картинки этой безукоризненной мулатской Мадонны.

Вместо этого я увидел портрет островного диктатора, Мигуэля «папы» Монзано — гориллы лет под восемьдесят.

Рядом с «папиным» портретом было фото узкоплечего, неокрепшего молодого человека с лисьим лицом. На нём был белоснежный военный китель с какой-то сверкающей ювелирной подвеской. Его глаза были близко посаженными, под ними были круги. Похоже, он всю свою жизнь просил парикмахеров выбривать ему затылок и виски, но не трогать всё то, что оставалось наверху. У него был кудрявый помпадур, что-то наподобие гофрированного куба из волос, поднимавшегося на невероятную высоту.

Этот непривлекательный ребёнок значился как генерал-майор¹ Франклин Хёникер, Министр Науки и Прогресса Республики Сан Лоренцо.

Ему было двадцать шесть лет.

---

¹ в армии США — «двухзвёздочный» генерал.

Всемирная столица барракуд 38

Из приложения к «Нью-Йорк Сэнди Таймс» я узнал, что Республика Сан Лоренцо была пятьдесят миль в длину и двадцать миль в ширину¹. Её населением были четыреста пятьдесят тысяч душ, “... все пламенно преданные идеалам Свободного Мира”.

Её высочайшая точка, гора Маккэйб, была одиннадцати тысяч футов² над уровнем моря. Её столицей был Боливар, “... поразительно современный город, построенный у гавани, способной вместить весь Военно-Морской Флот Соединённых Штатов”. Основными статьями экспорта были сахар, кофе, бананы, индиго и безделушки ручной работы.

“И рыболовы-спортсмены признают Сан Лоренцо всемирной столицей барракуд, не имеющей конкурентов”.

Я поразился, как Франклин Хёникер, не закончивший даже среднюю школу, заполучил себе такую шикарную должность. Частичный ответ я нашёл в эссе о Сан Лоренцо, подписанном от имени «папы» Монзано.

«Папа» говорил, что Фрэнк был разработчиком «Генерального Плана Сан Лоренцо», который включал новые шоссе, сельскую электрификацию, очистные сооружения, отели, больницы, клиники, железные дороги и всё остальное. И, хотя эссе было кратким, да ещё сжатым при редактировании, «папа» пять раз называл Фрэнка “... кровным сыном д-ра Феликса Хёникера”.

Фраза папахивала каннибализмом.

«Папа» явно ощущал Фрэнка куском волшебного мяса старика.

-----
¹ примерно 80 км и 32 км, соответственно.

² примерно 3350 м.

Фата-Моргана 39

Немного больше света проливалось другое эссе из приложения — цветистое эссе под заголовком «Что Сан Лоренцо стало значить для одного американца». Его почти наверняка написал наёмный автор. Оно было подписано генерал-майором Франклином Хёникером.

В эссе Фрэнк рассказывал, как один-одинёшенек пребывал на полузатопленном шестидесяти-восемью футовом «Крис-Крафте»¹ в Карибском море. Он не объяснял, что там делал, или как ему случилось быть одному. Впрочем, он всё же указывал, что точкой отправления была Куба.

“Роскошный прогулочный катер опускался на дно — и моя бессмысленная жизнь вместе с ним, — говорилось в эссе. — Всё, что я съел за четыре дня, были два бисквита и морская чайка. Спинные плавники акул-людоедов рассекали тёплое море вокруг меня, а вода так и бурлила от барракуд с игольчатыми зубами”.

“Я поднял свои глаза к Создателю, готовый принять любое Его решение, каким бы оно ни было. И глаза мои случайно заметили над облаками величественный горный пик. А вдруг это Фата-Моргана — жестокий обман миража?”

Дойдя до этого места, я навёл справки о Фата-Моргане и узнал, что это, на самом деле, мираж, названный в честь Морганы ле Фэй — феи, которая жила на дне озера. Он знаменит своими появлениями в Мессинском проливе, между Калабрией и Сицилией. Короче, Фата-Моргана — это поэтическая чушь.

То, что Фрэнк увидел со своего тонущего прогулочного катера, была не жестокая Фата-Моргана, а пик горы Маккэйб. После этого ласковое море лёгкими касаниями прижало прогулочный катер Фрэнка к скалистым берегам Сан Лоренцо, словно Бог хотел, чтобы он отправился туда.

Фрэнк сошёл на берег, не замочив ног, и спросил, где он. В эссе об этом не говорилось, но у сукина сына был с собой кусочек льда-девять — в термокружке.

Фрэнк, не имея паспорта, был помещён в тюрьму столичного города Боливар. Там его посетил «папа» Монзано, который хотел узнать, возможно ли, чтобы Фрэнк был кровным родственником бессмертного д-ра Феликса Хёникера.

“Я признался, что да, — сказал Фрэнк в эссе. — С того момента двери всех возможностей в Сан Лоренцо были для меня открыты настезь”.

---

¹ Моторный катер производства компании «Крис-Крафт Боутс»; выпускался с корпусом из красного дерева.

Дом Надежды и Милосердия 40

Так вот случилось, — *“И предполагалось тому случиться”*, — сказал бы Бóконон — что один журнал отправил меня в Сан Лоренцо написать рассказ. Рассказ планировался не о «папе» Монзано и не о Фрэнке. Он планировался о Джулиане Касле, американском сахарном миллионере, который в возрасте сорока лет последовал примеру д-ра Альберта Швейцера¹ и основал бесплатный госпиталь в джунглях, посвящая свою жизнь жалкому народу другой расы.

Госпиталь Касла назывался «Дом Надежды и Милосердия в Джунглях». Эти джунгли находились в Сан Лоренцо, среди диких кофейных деревьев на северном склоне горы Маккейб.

Когда я улетал в Сан Лоренцо, Джулиану Каслу было шестьдесят лет.

В течение двадцати лет он был абсолютно неэгоистичен.

В свои эгоистичные дни он был столь же знаком читателям таблоидов, как Томми Мэнвилл, Адольф Гитлер, Бенито Муссолини и Барбара Хаттон². Его слава зиждилась на распутстве, алкоголизме, бесшабашном вождении и уклонении от армии. У него был ослепительный талант тратить миллионы, не обогащая человечество ничем, кроме горького разочарования.

Он был женат пять раз, произвёл одного сына. Этот единственный сын, Филип Касл, был менеджером и собственником отеля, в котором я планировал остановиться. Отель назывался «Каза Мона» и был так назван в честь Моны Аамонс Монзано, негроидной блондинки с обложки приложения к «Нью-Йорк Сэнди Таймс». «Каза Мона» был новеньким отелем — одним из тех трёх новых зданий на заднем плане журнального портрета Моны.

Нет, у меня не было чувства, что море, покорное воле Провидения, несёт меня в Сан Лоренцо, — у меня было чувство, что эту работу делает любовь. Фата-Моргана, мираж того, что значило бы испытать любовь Моны Аамонс Монзано, стала невероятной силой в моей бессмысленной жизни. Я вообразил себе, что она могла бы сделать меня гораздо более счастливым, чем до сих пор преуспела в этом любая из женщин.

---

¹ Альберт Швейцер (1875-1965) — врач, философ и гуманист, лауреат Нобелевской премии мира.

² Томми Мэнвилл (1894-1967) — владелец огромного состояния, попавший в Книгу Рекордов Гиннеса благодаря своим 13-ти женитьбам на 11-ти женщинах; Барбара Хаттон (1912-1979) — светская львица, внучка американского магната Фрэнка Вулворта.

Карасса на двоих 41

В самолёте, отправлявшемся из Майами в конечный пункт Сан Лоренцо, слева и справа от прохода было по три сидения. Так вот случилось, — *“И предполагалось тому случиться”*, — что моими соседями были Хорлик Минтон, новый американский Посол в Республике Сан Лоренцо, и его жена Клэр. Они были светловолосыми, кроткими и болезненными.

Минтон рассказал мне, что он карьерный дипломат, впервые получивший ранг Посла. Он рассказал мне, что они с женой до сих пор служили в Боливии, Чили, Японии, Франции, Югославии, Египте, Южноафриканском Союзе, Либерии и Пакистане.

Они были голубками. Они бесконечно радовали друг друга маленькими подарками: красивыми видами из окна самолёта, забавными или полезными отрывками из того, что они читали, случайными воспоминаниями о былых временах. Они были, я думаю, безупречным примером того, что Бóконон называет дупрассой — то есть карассой, состоящей всего из двух человек.

“В истинную дупрассу, — говорит нам Бóконон, — вторгнуться невозможно — даже детям, рождённым в таком союзе”.

Поэтому я исключил Минтонов из своей собственной карассы — из карассы Фрэнка, из карассы Ньюта, из карассы Эйзы Брида, из карассы Энджелы, из карассы Лаймана Эндерса Ноулза, из карассы Шермана Кребса. Карасса Минтонов была крошечной, состоящей всего из двоих.

— Я полагаю, вы очень довольны, — сказал я Минтону.

— Чем же я должен быть доволен?

— Довольны тем, что получили ранг Посла.

По тому, как жалостно Минтон и его жена посмотрели друг на друга, я понял, что сказал глупость. Но они не стали спорить. *“Да, — поморщился Минтон, — я очень доволен. — Он слабо улыбнулся. — Это очень почётно”*.

И так почти с каждой темой, какую бы я ни предлагал. Я не мог разговаривать Минтонов ни о чём.

Например: *“Предполагаю, вы можете разговаривать на многих языках”*, — сказал я.

— О, скажу вам по секрету — на шести или семи, — ответил Минтон.

— Это, должно быть, очень лестно.

— Что, должно быть?

— Быть способным разговаривать с людьми столь многих разных национальностей.

— Очень лестно, — невыразительно произнёс Минтон.

— Очень лестно, — произнесла его жена.

И они возвращались к чтению толстой, напечатанной на машинке рукописи, раскрытой на ручке кресла между ними.

— Скажите мне, — сказал я немного позже, — во всех ваших обширных путешествиях вы не нашли, что люди повсюду примерно одинаковые в душе?

— А? — спросил Минтон.

— Вы не находите людей примерно одинаковыми в душе, куда бы вы ни отправились?

Он посмотрел на жену, удостоверившись, что она слышала вопрос, затем повернулся обратно ко мне. *“Примерно одинаковые, куда бы вы ни отправились”*, — согласился он.

— Хм, — сказал я.

Бóконон говорит нам, между прочим, что члены дупрассы всегда умирают один за другим в течение недели. Когда пришло время умирать Минтонам, они сделали это в одну и ту же секунду.

Велосипеды для Афганистана 42

В хвостовом отсеке самолёта был маленький бар, и я отправился туда выпить. Именно там я встретил другого соотечественника-американца, Х. Лоува Кросби из Эванстона, Иллинойс, и его жену, Хэйзел.

В свои пятьдесят они были грузными людьми. Они слегка гнусавили. Кросби рассказал мне, что он владеет велосипедной фабрикой в Чикаго, что он не имеет с этого ничего, кроме неблагодарности своих работников. Он собирается перенести свой бизнес в благодарную Сан Лоренцо.

— Вы хорошо знаете Сан Лоренцо? — спросил я.

— Увижу в первый раз, но всё, что я о ней слышал, мне нравится, — сказал Х. Лоув Кросби.

— У них есть дисциплина, у них есть что-то, на что вы можете рассчитывать из года в год. У них нет правительства, поощряющего каждого быть в некотором роде такой мухосранью, о какой никто ещё никогда не слыхивал.

— Сэр?

— Боже, там, в Чикаго, мы больше не выпускаем велосипеды. Человеческие взаимоотношения — вот что теперь во главе угла. Высоколобые садятся в кружок и пытаются выдумать, как устроить, чтобы каждый был счастлив. Никого нельзя увольнять — не важно, за что, — и если кто-нибудь всё-таки случайно соберёт велосипед, то профсоюз обвинит нас в жестокой и негуманной практике, а правительство конфискует этот велосипед за недоимки по налогом и отдаст его какому-нибудь слепому в Афганистане.

— И вы думаете, дела пойдут лучше в Сан Лоренцо?

— Чертовски хорошо знаю, что пойдут. Люди там и достаточно бедны, и достаточно запуганы, и достаточно невежественны, чтобы обладать некоторым здравым смыслом!

Кросби спросил, как меня зовут, и чем я занимаюсь. Я рассказал ему, и его жена Хэйзел определила моё имя как имя выходца из Индианы. Она тоже была из Индианы.

“Боже мой, — сказала она, — так вы хузер¹?”

Я признался, что да.

— Я тоже хузер, — закудахтала она. — Никто не должен стесняться того, что он хузер.

— Я не стесняюсь, — сказал я. — И никогда не знал кого-либо, кто стеснялся.

— Хузеры всё делают, как надо. Лоув и я дважды объехали мир — и всюду, где бы мы ни были, встречали хузеров на ответственных постах.

— Это обнадёживает.

— Вы знаете менеджера в том новом отеле в Стамбуле?

— Нет.

— Он хузер. И военный-как-его в Токио...

— Атташе, — подсказал её муж.

— Он хузер, — сказала Хэйзел. — И новый Посол в Югославии...

— Хузер? — спросил я.

— Не только он, но и голливудский редактор журнала «Лайф». И тот человек в Чили...
— Тоже хузер?
— Вы не найдёте такого места, где бы хузеры не оставили свой след, — сказала она.
— Человек, написавший «Бен Гур» — хузер.
— И Джеймс Уитком Рили².
— Вы тоже из Индианы? — спросил я у её мужа.
— Не-а. Я из Штата Прерий³. «Земля Линкольна», как ещё говорят.
— Если уж на то пошло, — торжествующе сказала Хэйзел, — Линкольн тоже был хузер. Он вырос в округе Спенсер.
— Несомненно, — сказал я.
— Не знаю, в чём тут дело, — сказала Хэйзел, — но в хузерах определённо что-то есть. Если кто-нибудь задумает составить список, он будет изумлён.
— Это правда, — сказал я.
Она крепко вцепилась мне в руку. — «Нам, хузерам, дано собираться вместе».
— Точно.
— Зовите меня «мама».
— Что?
— Всякий раз, когда я встречаю молодого хузера, я говорю ему: «Зовите меня «мама»».
— У-гу.
— Ну дайте же мне услышать, как вы это скажете, — настаивала она.
— Мама?

Она улыбнулась и отпустила мою руку. Заведённый механизм завершил свою работу. «Мама», произнесённое мной в адрес Хэйзел, выключило его, и теперь Хэйзел восстанавливала завод для встречи со следующим хузером.

Одержимость Хэйзел хузерами по всему свету была хрестоматийным примером ложной карассы, команды кажущейся, но ничего не значащей в смысле путей, какими Бог достигает задуманного — хрестоматийным примером того, что Бóконон называет гранфалун. Другие примеры гранфалунов: Коммунистическая партия, «Дочери Американской Революции»⁴, компания «Дженерал Электрик», «Орден Чудаков»⁵ — и любая нация, всегда и везде.

Как Бóконон предлагает нам спеть вместе с ним:

*Что такое гранфалун, разузнать хотите? —
Детский шарик надувной иголкой проколите.*

-----
¹ Прозвище жителей штата Индиана, ставшее также синонимом слова «увалень». По одной из версий, происходит от окрика «Who's 'ere?!» — «Кто там?!»

² Джеймс Уитком Рили (1849—1916) — американский писатель и поэт.

³ Неформальное имя штата Иллинойс.

⁴ Женская организация прямых потомков участников борьбы за независимость США.

⁵ «Независимый Орден Чудаков» — американское благотворительное братство, существующее с 1819 года.

Демонстратор 43

Х. Лоув Кросби придерживался мнения, что зачастую диктатура — очень хорошая вещь. Он не был чудовищем, не был он и дураком. Ему очень шло противостоять миру с некоторой деревенской комичностью, но многое из того, что он имел сказать о недисциплинированном человечестве, было не только забавным, но и правдивым.

Главный пункт, начиная с которого рассудок и чувство юмора отказывали ему, заключался в его подходе к вопросу, для чего же действительно предназначены люди в течение времени, отведённого им на Земле.

Он твёрдо верил, что они предназначены собирать ему велосипеды.

— Я надеюсь, что Сан Лоренцо действительно так хороша, как вы слышали о ней, — сказал я.

— Чтобы выяснить, так это или нет, мне всего-то надо поговорить с одним человеком, — сказал он. — Если «папа» Монзано даёт слово чести о чём-либо на этом маленьком острове, то это так. Так оно есть, так тому и быть.

— Вот что мне нравится, — сказала Хэйзел, — что все они говорят по-английски, и все они христиане. Это настолько облегчает все дела.

— Вы знаете, как они там борются с преступностью? — спросил меня Кросби.

— Не-а.

— У них там просто нет никакой преступности. «Папа» Монзано сделал преступность такой чертовски непривлекательной, что любого просто стошнит, едва он только подумает об этом. Слышал я, можно положить бумажник посреди тротуара и вернуться неделю спустя — и он будет на месте, с деньгами и всем остальным внутри.

— Хм.

— Вы знаете, какое у них наказание за кражу чего угодно?

— Не-а.

— Крюк, — сказал он. — Никаких штрафов, никаких испытательных сроков, никаких тридцати суток за решёткой. Крюк. Крюк за кражу, за убийство, за поджог, за государственную измену, за изнасилование, за подглядывание. Нарушил закон — вообще любой чёртов закон — и вот тебе крюк. Это может понять всякий, и Сан Лоренцо — страна, где ведут себя лучше всех в мире.

— Что такое крюк?

— Ставят виселицу, понимаешь? Два столба и поперёк балка. И затем берут типа громадного железного рыболовного крючка и свешивают его с поперечной балки. Затем берут кого-нибудь, достаточно тупого, чтобы нарушить закон, и протыкают остриём крючка его брюхо с одной стороны на другую, и так вот оставляют его — там он, Господи, и висит, чертовски жалкий нарушитель закона.

— О, Боже!

— Я не говорю, что это хорошо, — сказал Кросби, — но и не говорю, что это плохо. Иногда мне любопытно, могло бы что-нибудь наподобие этого устранить подростковую преступность. Крюк, возможно, несколько крайняя мера для демократии. Публичные повешения подошли бы лучше. Вздёрнуть бы несколько малолетних угонщиков автомобилей на фонарных столбах перед их домами с табличками на шее: «Мама, вот твой мальчик». Сделать это несколько раз и, я думаю, замки зажигания отправятся вслед за откидными сидениями и подножками.

— Мы видели ту штуку в Лондоне, в подвале музея восковых фигур, — сказала Хэйзел.

— Какую штуку? — спросил я её.

— Крюк. Внизу, в подвальной «Комнате Ужасов» у них была восковая фигура, висящая на крюке. Она выглядела так реально, что меня чуть не стошнило.

— Гарри Трумэн вообще не был похож на Гарри Трумэна, — сказал Кросби.

— Простите?

— В музее восковых фигур, — сказал Кросби. — Статуя Трумэна вообще не была на него похожа.

— Впрочем, большинство из них похожи, — сказала Хэйзел.

— Это был кто-то конкретный, висящий на крюке? — спросил я её.

— Я так не думаю. Это был просто некто.

— Просто демонстратор? — спросил я.

— Ага. Перед ним была чёрная бархатная занавеска, и надо было её отодвинуть, чтобы посмотреть. И была ещё табличка, прикреплённая к занавеске, где говорилось, что детям не полагается смотреть.

— Но дети смотрели, — сказал Кросби. — Там внизу были дети, и все они смотрели.

— Таблички наподобие этой — просто приманки для детей, — сказала Хэйзел.

— Как реагировали дети, когда они видели фигуру на крюке? — спросил я.

— О-о, — сказала Хэйзел, — они реагировали примерно так же, как и взрослые. Они просто смотрели на неё и ничего не говорили, просто переходили к следующему экспонату.

— Какой же был следующий экспонат?

— Это было железное кресло в котором живьём зажарили человека, — сказал Кросби. — Он был зажарен за убийство своего сына.

— Правда, после того, как его зажарили, — любезно уточнила Хэйзел, — выяснилось, что он вовсе не убивал своего сына.

Сочувствующие коммунистам 44

Когда я снова занял своё кресло сбоку от дупрассы Клэр и Хорлика Минтонов, у меня была кое-какая новая информация о них. Я получил её от Кросби.

Кросби не знали Минтона, но им была известна его репутация. Они негодовали по поводу назначения его Послом. Они рассказали мне, что Минтона однажды увольняли из Госдепартамента за его мягкость по отношению к коммунизму, но коммунистические простофили, или даже кто похуже, восстановили его.

— Очень приятный маленький бар там, сзади, — сказал я Минтону, как только уселся.

— Хм? — Он и его жена всё ещё читали рукопись, лежавшую между ними.

— Там, сзади, славный бар.

— Хорошо. Я рад.

Эти двое читали, казавшись незаинтересованными разговаривать со мною. И затем Минтон неожиданно обернулся ко мне с горько-сладкой улыбкой и потребовал: “Ну и кто это был?”

— Кто был кто?

— Мужчина, с которым вы разговаривали в баре. Мы заходили туда выпить и, уходя, слышали, что вы разговариваете с мужчиной. Тот мужчина разговаривал очень громко. Он сказал, что я сочувствую коммунистам.

— Производитель велосипедов по имени Х. Лоув Кросби, — сказал я. Я чувствовал, что краснею.

— Я был уволен за пессимизм. Коммунизм тут не при чём.

— Его уволили из-за меня, — сказала его жена. — Единственным реальным свидетельством против него было письмо, которое я написала в «Нью-Йорк Таймс» из Пакистана.

— Что же в нём было?

— В нём было много всего, — сказала она, — поскольку я была очень расстроена тем, насколько американцы не могут себе представить, как это — быть чем-нибудь иным, быть чем-нибудь иным и гордиться этим.

— Я понимаю.

— Но было там одно предложение, которое на слушаниях о благонадёжности вытаскивали снова и слова, — вздохнул Минтон. — "Американцы", — сказал он, цитируя письмо своей жены в «Таймс», — "вечно ищут любви в тех формах, которые она никогда не принимает, и в тех местах, где её никогда не может быть. Должно быть, это как-то связано с исчезнувшим фронтиром¹".

-----
¹ Фронтир — историческое наименование границы продвижения переселенцев на Дикий Запад.

Почему американцев ненавидят 45

Письмо Клэр Минтон в «Таймс» было опубликовано в худшие времена сенатора Маккарти, и её мужа уволили через двенадцать часов после того, как напечатали письмо.

— Что же такого ужасного было в письме? — спросил я.

— Наивысшая форма государственной измены из всех возможных, — сказал Минтон, — это говорить, что американцев не любят, куда бы они ни пришли, что бы они ни делали. Клэр пыталась сформулировать, что американская внешняя политика должна распознать ненависть, а не воображать любовь.

— Я полагаю, что американцев ненавидят во многих местах.

— Людей ненавидят во многих местах. Клэр указывала в своём письме, что американцы, подвергаясь ненависти, просто платят обычную цену за то, что являются людьми, и что они глупы, если думают, что должны каким-то образом стать исключением. Но комитет по благонадёжности не обратил на это никакого внимания. Всё, что они знали — это то, что Клэр и я, мы оба ощущали, что американцев не любят.

— Ну, я рад, что история закончилась хорошо.

— Хм? — сказал Минтон.

— В конечном итоге всё в порядке, — сказал я. — Вот вы здесь, по пути в ваше собственное посольство.

Минтон и его жена снова обменялись теми жалостными дупрассными взглядами. Затем Минтон сказал мне: "Да. Горшочек золота на кончике радуги теперь наш".

Бокононистский способ обхождения с Кесарем 46

Я поговорил с Минтонами о правовом статусе Франклина Хёникера, который был, в конце концов, не только звездой в правительстве «папы» Монзано, но и скрывающимся от правосудия Соединённых Штатов.

— Обо всём этом написано, — сказал Минтон. — Он больше не гражданин Соединённых Штатов, а там, где он сейчас, он, кажется, занят добрыми делами — вот как-то так.

— Он отказался от гражданства?

— Любой, кто присягнул иностранному государству, или служит в его вооружённых силах, или занял пост в его правительстве, теряет своё гражданство. Почитайте ваш паспорт. Вы не можете стать героем международного приключенческого романа, каким стал Фрэнк, и в то же время оставаться под крылышком Дяди Сэма.

— В Сан Лоренцо очень его любят?

Минтон взвесил на руках рукопись, которую до этого читал со своей женой. — “Пока ещё не знаю. Эта книга говорит, что нет”.

— Что это за книга?

— Это единственный справочник, когда-либо написанный о Сан Лоренцо.

— Типа справочника, — сказала Клэр.

— Типа справочника, — эхом откликнулся Минтон. — Она ещё не опубликована. Это одна из пяти копий. — Он передал её мне, предлагая почитать столько, сколько понравится.

Я открыл книгу на титульной странице и увидел, что название книги было «Сан Лоренцо: Страна, История, Народ». Автором был Филип Касл, сын Джулиана Касла, владеющий отелем сын великого альтруиста, на встречу с которым я направлялся.

Я дал книге раскрыться там, где она сама раскроется. Так вот случилось, что она раскрылась на главе об островном святом человеке вне закона, Бóкононе.

На странице передо мной была цитата из «Книг Боконона». Те слова прыгнули со страницы прямо в моё сознание и нашли там радушный приём.

Слова были парафразом рекомендации Иисуса: "Поэтому отдайте Кесарю вещи, которые кесаревы".

Парафраз Бóконона был такой:

“Не обращайтесь никакого внимания на Кесаря. Кесарь не имеет ни малейшего представления о том, что происходит в реальности”.

Динамическое напряжение 47

Я был настолько поглощён книгой Филипа Касла, что даже не оторвался, когда мы на десять минут сделали посадку в Сан Хуане, Пуэрто Рико. Я даже не взглянул, когда кто-то позади меня взволнованно зашептал о том, что на борт поднялся карлик.

Немного позже я посмотрел вокруг, но не смог увидеть карлика. Я всё же увидел, прямо перед Хэйзел и Х. Лоувом Кросби, платиновую блондинку с лошадиными чертами лица — женщину, новую среди пассажиров. Рядом с ней было кресло, казавшееся пустым — кресло, которое вполне могло приютить карлика так, что я не увидел бы даже его макушки.

Но Сан Лоренцо — страна, история, народ — вот что интриговало меня тогда, так что больше я не высматривал карлика. Карлики, в конце концов, — это развлечение для

легкомысленного или спокойного времяпровождения, а я был серьёзен и возбуждён бокононовской теорией того, что он называл «Динамическим Напряжением» — его пониманием бесценного равновесия между добром и злом.

Когда в книге Филипа Касла я впервые увидел термин «Динамическое Напряжение», я рассмеялся над тем, что вообразил беспредельно смешным. Термин, согласно книге молодого Касла, был одним из любимых у Бóконона, и я предположил, что знаю то, о чём Бóконон не знает — что этот термин был опошлен Чарльзом Атласом, культуристом и автором буклетов.

Как я выяснил, бегло продолжив чтение, Бóконон совершенно точно знал, кто такой Чарльз Атлас. Бóконон, собственно, прошёл его школу культуризма.

Чарльз Атлас верил в то, что мускулы можно развивать и без штанги или пружинных тренажёров — можно развивать, просто настраивая одну группу мышц работать против другой.

А Бóконон верил в то, что хорошее общество можно построить, только сталкивая добро со злом и постоянно поддерживая на высоком уровне напряжение между ними.

И в книге Касла я прочитал своё первое бокононистское стихотворение, или «калипсо». Оно звучало примерно так:

*«Папа» Монзано очень, очень-очень плохой,
Но без плохого «папы» я потеряю покой;
Поскольку без «папиной» злобы,
Скажи мне, разве правдоподобно,
Чтоб вечно казался добрым
Бóконон — старый и злобный?*

Совсем как святой Августин 48

Бóконон, как узнал я из книги Касла, родился в 1891 году. Он был негром, урождённым членом англиканской церкви и британским подданным на острове Тобаго.

При крещении он был наречён Лайонелом Бойдом Джонсоном.

Он был младшим из шести детей, рождён в богатой семье. Богатство его семьи происходило из найденного дедом Бóконона пиратского клада стоимостью четверть миллиона долларов — предположительно, сокровища Чёрной Бороды — Эдварда Тича.

Сокровище Чёрной Бороды было вложено семьёй Бóконона в асфальт, копру, кокосы, скот и домашнюю птицу.

Юный Лайонел Бойд Джонсон обучался в церковной школе, хорошо успевал, и заметнее, нежели большинство, интересовался обрядовостью. В молодости, несмотря на весь свой интерес к внешним приманкам организованной религии, он, по-видимому, был кутилой, поскольку в своей «Четырнадцатой калипсо» предлагает нам спеть вместе с ним:

*Когда я был молодым,
Беспечен я был и некрепок,
Выпивал я, и щупал девок
Совсем как юный святой Августин.
Святой Августин,
Дано ему было стать святым.
И если дано мне ещё стать одним,
Пожалуйста, в обморок, мама, не падай.*

Рыба, выброшенная на брег разгневавшимся морем 49

Лайонел Бойд Джонсон был интеллектуально достаточно амбициозен, чтобы в 1911 году в одиночку уйти под парусом из Тобаго в Лондон на шлюпе по имени «Дамский Тапок». Его целью было получение высшего образования.

Он зачислился в «Лондонскую школу экономических и политических наук».

Его образование было прервано Первой Мировой Войной. Он записался в пехоту, доблестно сражался, на поле боя получил офицерское звание, четыре раза упоминался в донесениях. Он был отравлен газом во второй Битве при Ипре, в течение двух лет был госпитализирован и, затем, освобождён от службы.

И он ушёл под парусом домой, на Тобаго, — снова в одиночку на «Дамском Тапке».

Когда до дома оставалось всего семьдесят миль, его остановила и обыскала германская субмарина «У-99». Он был взят в плен, а его маленькое судно гансы использовали в качестве мишени. Всё ещё находясь на поверхности, субмарина была застигнута и захвачена британским миноносцем «Ворон».

Джонсон и немцы были взяты на борт миноносца, а «У-99» — затоплена.

«Ворон» направлялся в Средиземноморье, но так туда и не попал. Он потерял управление — мог лишь беспомощно качаться на волнах или делать огромные круги по часовой стрелке. Наконец, он встал на ремонт на Островах Зелёного Мыса.

Джонсон оставался на тех островах восемь месяцев, ожидая случая переправиться в Западное полушарие.

Наконец он нанялся моряком на рыболовецкое судно, перевозившее нелегальных иммигрантов в Нью-Бредфорд, Массачусетс. Судно прибило к берегу в Ньюпорте, Род-Айленд.

К тому времени у Джонсона сложилось убеждение, что по какой-то причине что-то пытается куда-то его отправить. Поэтому он на время остался в Ньюпорте посмотреть, не там ли его судьба. Он работал садовником и плотником в знаменитом «Поместье Рамфурд».

За это время он мельком видел множество выдающихся гостей Рамфурдов, среди них Дж. П. Моргана, генерала Джона Дж. Першинга, Франклина Делано Рузвельта, Энрико Карузо, Уоррена Гамалиэля Гардинга и Гарри Гудини. И в это самое время подошла к концу Первая Мировая Война, убив десять миллионов человек и двадцать миллионов ранив — среди них и Джонсона.

Когда закончилась война, молодой повеса из семейства Рамфурдов, Ремингтон Рамфурд Четвёртый, задумал на своей паровой яхте «Шехерезада» обогнуть земной шар, посещая Испанию, Францию, Италию, Грецию, Египет, Индию, Китай и Японию. Он предложил Джонсону отправиться с ним старшим помощником, и Джонсон согласился.

В этом путешествии Джонсон повидал многие чудеса света. В Бомбейской гавани, в тумане, «Шехерезада» потерпела крушение, и спасся один только Джонсон. Он оставался в Индии два года, став последователем Мохандаса К. Ганди. Его арестовали за предводительство группы, которая протестовала против британского правления, ложась на железнодорожные пути. Когда тюремный срок закончился, его отправили домой на Тобаго за счёт казны.

Там он построил другую шхуну, которую назвал «Дамский Тапок – Два».

И он отправился на ней по всем Карибам — бездельник, всё ещё ищущий шторма, который наконец-то прибил бы его к берегу, предназначенному для него судьбой.

В 1922 году он искал укрытия от урагана в Порт-о-Пренсе, на Гаити — в стране, которая в то время была оккупирована морской пехотой Соединённых Штатов.

Там с Джонсоном сблизился блестящий, самообразованный, идеалистичный морпех — дезертир по имени Эрл Маккейб. Маккейб был капрал. Он только что украл отпускной фонд своей команды. Он предложил Джонсону пять сотен долларов за доставку в Майами.

И эти двое ушли под парусом в Майами.

Но сильный штормовой ветер погнал шхуну на скалы Сан Лоренцо. Судно пошло ко дну. Джонсон и Маккейб, абсолютно нагие, ухитрились выплыть на берег. Вот как сам Бóконон повествует об этом приключении:

*Рыба, выброшенная на берег,
Разгневавшимся морем,
Я воздух ртом хватал, но окреп,
И стал я самим собою.*

Он был зачарован таинством выхода нагишом на берег незнакомого острова. Он решил предоставить этому приключению идти своим чередом — решил посмотреть, насколько далеко может зайти человек, появляясь голым из солёной воды.

Это стало для него вторым рождением:

*"Будь, словно ребёнок," —
Библия говорит моя,
И я остаюсь как ребёнок
До этого самого дня.*

Как он получил имя Бóконон, оказалось очень просто. «Бóконон» было произношением имени Джонсон на островном диалекте английского языка.

Что касается того диалекта...

Диалект Сан Лоренцо одновременно лёгок для понимания и труден для написания. Я говорю, что его легко понять, но я говорю только за себя. Другие нашли его таким же недоступным для понимания, как язык басков, так что моё понимание его может быть телепатическим.

Филип Касл в своей книге привёл фонетическую демонстрацию этого диалекта и очень хорошо передал его колорит. Для примера он выбрал сан-лоренценскую версию «Звёздочка, мерцай, мерцай».

На американском английском одна из версий этих бессмертных стихов звучит так:

*Звёздочка, мерцай, мерцай,
Мне загадку загадай:
Что сверкает, словно лёд,
Ночью в небе круглый год?
Звёздочка, мерцай, мерцай,
Мне загадку загадай.*

На сан-лоренценском диалекте, согласно Каслу, те же самые стихи звучали так:

*Звеб-буу-га, мен-зай, мен-зай,
Мне за-габ-бу заг-га-бай:
Шут-то зве-ру-гит лоб-но лёб-бу,
Ночь-чу в небе ругло гоб-бу?
Звеб-буг-га, мен-зай, мен-зай,
Мне за-габ-бу заг-га-бай.*

Вскоре после того, как Джонсон стал Бóкононом, на берегу была случайно найдена спасательная шлюпка с его разбившегося судна. Позже ту шлюпку позолотили и сделали кроватью верховного правителя острова.

“Есть легенда, созданная Бóкононом, — писал Филип Касл в своей книге, — что золотая шлюпка вновь отправится в плавание, когда приблизится конец света”.

Славный карлик 50

Моё чтение о жизни Боконона было прервано женой Х. Лоува Кросби, Хэйзел. Она стояла в проходе рядом со мной. “Вы никогда не поверите, — сказала она, —но я только что нашла ещё двух хузеров в этом самолёте”.

— Будь я проклят.

— Они не урождённые хузеры, но они живут там теперь. Они живут в Индианаполисе.

— Очень интересно.

— Хотите познакомиться с ними?

— Вы думаете, мне следует?

Вопрос расстроил её. — “Это же ваши собратья хузеры”.

— Как их зовут?

— Её фамилия Коннерс, и его фамилия Хёникер. Они брат и сестра, и он карлик. Впрочем, он славный карлик. — Она подмигнула. — Он находчивый малыш.

— Он называет вас «мама»?

— Я уже почти попросила его. И затем я остановилась и подумала, что, возможно, было бы грубо просить об этом карлика.

— Нонсенс.

О-Кей, мама 51

Вот так я пошёл в хвостовую часть поговорить с Энджелой Хёникер Коннерс и маленьким Ньютоном Хёникером — членами моей карассы.

Энджела была той платиновой блондинкой с лошадиными чертами лица, которую я заметил ранее.

Ньют был действительно очень маленьким молодым мужчиной, хотя и не гротескным. Он был столь же хорошо соразмерен, как Гулливер среди Бробдингнегов, и столь же пронизательно наблюдателен.

Он держал бокал шампанского, который был включен в стоимость его билета. Тот бокал был ему как круглый аквариум нормальному человеку, но он пил из него с элегантно лёгкостью — как если бы он и бокал просто не могли подойти друг другу лучшим образом.

У маленького сукина сына в термосе, среди багажа, был кристалл льда-девять, и у его несчастной сестры — тоже, в то время как под нами было один Бог знает сколько воды — Карибское море.

Когда Хэйзел получила всё, какое только могла, удовольствие, представляя хузеров хузерам, она оставила нас одних. “Помните, — уходя, сказала она, — с этого момента называйте меня «мама»”.

— О-Кей, мама, — сказал я.

— О-Кей, мама, — сказал Ньют. Его голос был довольно высоким, в соответствии с его маленькой гортанью. Но он ухитрялся делать этот голос отчётливо мужским.

Энджела продолжала обращаться с Ньютом, как с младенцем, — и он прощал ей это с любезным изяществом, какое я счёл бы невозможным для того, кто так мал.

Ньют и Энджела вспомнили меня, вспомнили письма, которые я написал, и пригласили меня занять пустующее третье сидение в их ряду.

Энджела извинилась за то, что так и не ответила на мои письма.

— Я не могла вспомнить ничего такого, что кому-нибудь было бы интересно прочитать в книге. Я могла выдумать что-нибудь о том дне, но я не думаю, что вы этого хотели. Тот день, собственно, был как любой другой обычный день.

— Ваш брат написал мне очень хорошее письмо.

Энджела была удивлена. “Ньют? Разве мог Ньют о чём-нибудь помнить? — Она повернулась к нему. — Милый, ты же ничего не помнишь о том дне, так ведь? Ты же был просто младенцем”.

— Я помню, — мягко сказал он.

— Хотела бы я взглянуть на то письмо. — Она имела в виду, что Ньют всё ещё был слишком незрелым, чтобы напрямую общаться с окружающим миром. Энджела была отвратительно бестактной женщиной, без всякого понимания того, что означает для Ньюта малость.

— Милый, ты должен был показать мне то письмо, — пожурила она.

— Извини, — сказал Ньют. — Я не подумал.

— Я могла бы также рассказать вам, — сказала Энджела мне, — что д-р Брид говорил, что мне не полагается сотрудничать с вами. Он сказал, что вы не заинтересованы дать правдивый портрет отца. — Она показывала мне, что из-за этого я ей не нравлюсь.

Я несколько умиротворил её, сказав, что книга, вероятно, вообще никогда не состоится, что у меня больше нет ясной идеи о том, что она будет или же должна значить.

— Ну, если вы когда-нибудь всё же сделаете эту книгу, лучше вам сделать отца святым, потому что именно таким он и был.

Я пообещал, что приложу все свои усилия, чтобы изобразить такую картину. Я спросил, направляются ли они с Ньютом в Сан Лоренцо для воссоединения семьи с Фрэнком.

— Фрэнк женится, — сказала Энджела. — Мы собираемся на вечеринку в честь помолвки.

— О-о? Кто эта счастливая девушка?

— Я покажу вам, — сказала Энджела, и она достала из своей сумочки что-то вроде складной пластиковой гармошки. В каждой складке гармошки была фотография. Энджела пролистала фотографии, позволив мне мельком увидеть маленького Ньюта на пляже мыса Код, д-ра Феликса Хёникера, получающего свою Нобелевскую премию, невзрачных близняшек самой Энджелы, Фрэнка, запускающего модель самолёта на корде.

И затем она показала мне фото девушки, на которой Фрэнк собирался жениться.

Она могла бы с тем же эффектом ударить меня в пах.

На карточке, которую она мне показала, была Мона Аамонс Монзано — женщина, которую я любил.

Никакой боли 52

Как только Энджела раскрыла свою пластиковую гармошку, она не была расположена закрывать её до тех пор, пока кто-нибудь не посмотрит на каждую фотографию.

— Это люди, которых я люблю, — объявила она.

Вот так я взглянул на людей, которых она любила. То, что заключила она в плексиглас, то, что хранила она, словно ископаемых жуков в янтаре, были изображения большей части нашей карассы. Её коллекция не была гранфалуном.

Было много фотографий д-ра Хёникера, отца бомбы, отца троих детей, отца льда-девять. Он был невысоким человеком — официальный родитель карлика и великанши.

Моё любимое фото старика из энджеловской коллекции ископаемых показывало его с ног до головы закутанным от холода, в пальто, шарфе, галошах и вязаном шерстяном кепи с большим помпоном на макушке.

Это фото, рассказала мне Энджела прерывающимся голосом, было сделано в Хайаннисе всего лишь примерно за три часа до того, как старик умер. Газетный фотограф распознал в кажущемся рождественском эльфе того великого человека, каким он был.

— Ваш отец умер в больнице?

— О, нет! Он умер в нашем коттедже, в большом белом плетёном кресле, глядя на море. Ньют и Фрэнк гуляли тогда внизу на пляже, в снегу...

— Это был очень тёплый снег, — сказал Ньют. — Это было почти как идти сквозь цвет апельсиновых деревьев. Это было очень странно. Ни в одном из других коттеджей никого не было...

— Наш был единственным с отоплением, — сказала Энджела.

— Никого на целые мили, — мечтательно вспоминал Ньют, — и мы с Фрэнком наткнулись на ту большую чёрную собаку на пляже, лабрадора-ретривера. Мы бросали палки в океан, и он приносил их нам назад.

— Я уходила в посёлок за лампочками для рождественской ёлки, — сказала Энджела. — У нас всегда была ёлка.

— Ваш отец радовался Рождественской ёлке?

— Он никогда не говорил, — сказал Ньют.

— Я думаю, она ему нравилась, — сказала Энджела. — Он просто был не очень демонстративным. Некоторые люди не демонстративны.

— А некоторые люди — да, — сказал Ньют. Он слегка пожал плечами.

— Как бы то ни было, — сказала Энджела, — когда мы вернулись домой, мы нашли его в кресле. — Она покачала головой. — Я не думаю, что он вообще страдал. Он выглядел просто спящим. Он не мог бы выглядеть так, если была бы хоть капелька боли.

Она опустила интересную часть этой истории. Она опустила тот факт, что именно в этот канун Рождества она и Фрэнк и маленький Ньют поделили между собой оставшийся у старика лёд-девять.

Президент «Фабри-Тек» 53

Эджела поощряла меня продолжить просмотр снимков.

— Это я, если вы можете в это поверить. — Она показала мне девушку-подростка ростом шесть футов. На фото она держала кларнет и была в парадной униформе оркестра Илиумской средней школы. Её волосы были убраны под оркестрантскую шляпу. Она улыбалась робкой доброй улыбкой.

А затем Энджела — женщина, которой Бог не дал практически ничего, чем можно было бы завлечь мужчину, — показала мне фото своего мужа.

— Вот, это Харрисон С. Коннерс. — Я был ошеломлён. Её муж был потрясающе красивым мужчиной и смотрел так, словно знал это. Он был щёголем, и в глазах его был вальяжный экстаз Дон Жуана.

— Что... — чем он занимается? — спросил я.

— Он президент «Фабри-Тек».

— Электроника?

— Не могла бы вам сказать, даже если бы знала. Всё это очень секретные разработки по заказу правительства.

— Оружие?

— Ну, в любом случае, военные.

— Как случилось, что вы познакомились?

— Он работал у отца лаборантом, — сказала Энджела. — Затем он выехал в Индианаполис и основал «Фабри-Тек».

— Так ваша с ним женитьба была счастливым окончанием длительного романа?

— Нет. Я даже не знаю, знал ли он, что я есть на свете. Я привыкла думать, что он славный, но он никогда не обращал на меня никакого внимания, пока не умер отец.

— Однажды он появился в Илиуме. Я сидела в том большом старом доме, опустив руки, думая, что моя жизнь окончена... — Она говорила об ужасных днях и неделях, последовавших за смертью её отца. — Только я и маленький Ньют в том большом старом доме. Фрэнк исчез, и призраки шумели в десять раз громче, чем мы с Ньютом. Я посвятила всю свою жизнь заботам об отце — привозила и увозила его с работы, закутывала его, когда было холодно, раскутывала его, когда было жарко, заставляла его есть, платила по его счетам. И вдруг, мне стало нечего делать. У меня никогда не было близких друзей, вообще ни одной живой души, кроме Ньюта.

— И затем, — продолжала она, — раздался стук в дверь, и там стоял Харрисон Коннерс. Он был самым красивым созданием, какое я когда-либо видела. Он вошёл, и мы поговорили о последних днях отца и вообще о старых временах.

Теперь Энджела почти плакала.

— Две недели спустя мы были женаты.

Коммунисты, нацисты, монархисты, парашютисты и призывники-уклонисты 54

Вернувшись на своё сидение в самолёте, чувствуя себя убогим за то, что потерял Мону Аамонс Монзано в пользу Фрэнка, я продолжил чтение рукописи Филипа Касла.

Я поискал в указателе «Монзано, Мона Аамонс» и нашёл «см. Аамонс, Мона».

Вот я и посмотрел «Аамонс, Мона», и обнаружил почти так же много страничных ссылок, как и после имени самого «папы» Монзано.

И после «Аамонс, Мона» шло «Аамонс, Нестор». Так что я обратился к тем немногим страницам, которые имели отношение к Нестору и узнал, что он был отцом Моны, урождённым финном, архитектором.

Нестор Аамонс был взят в плен русскими, затем во время Второй Мировой Войны освобождён немцами. Его освободители не вернули его домой, но заставили служить в инженерном подразделении вермахта, которое было отправлено сражаться с югославскими партизанами. Он попал в плен к четникам, сербским партизанам-монархистам, а затем к партизанам-коммунистам, которые атаковали четников. Его освободили итальянские парашютисты, которые застали врасплох коммунистов — и он был переправлен в Италию.

Итальянцы определили его проектировать фортификационные сооружения на Сицилии. Там он угнал рыболовецкое судно и достиг нейтральной Португалии.

Находясь там, он встретил американского уклониста от призыва по имени Джулиан Касл.

Касл, узнав, что Аамонс был архитектором, предложил ему отправиться с ним на остров Сан Лоренцо и спроектировать для него госпиталь, который назывался бы «Дом Надежды и Милосердия в Джунглях».

Аамонс согласился. Он спроектировал госпиталь, женился на туземной женщине по имени Селия, стал отцом прекрасной дочери и умер.

Никогда не составляйте указатели к своим собственным книгам 55

Что касается жизни Аамонс, Моны, указатель сам по себе уже давал кричащую, сюрреалистическую картину множества конфликтующих сил, обрушившихся на неё, а также её испуганной реакции на эти силы.

“Аамонс, Мона: — говорил указатель, — внутреннее простодушие, 67-71, 80, 95с, 116д., 209, 274п., 400-406, 566д., 678; возвращается к Боконону, 197; возвращается к Монзано, 199; воспитывается у Боконона, 63-80; виртуоз ксилофона, 71; детский роман с Ф. Каслом, 72с; детство в посёлке «Дома Надежды и Милосердия», 63-81; её стихи, 89, 92, 193; живёт у Боконона, 92-98, 196-197; пишет письмо в Организацию Объединённых Наций, 200; помолвка с Ф. Каслом, 193; пытается себя изуродовать, чтобы перестать быть эротическим символом островитян, 89, 95с, 116п., 209, 247п., 400-406, 566п., 678; сбегает от Боконона, 199; сбегает от Монзано, 197; смерть матери, 92с; смерть отца, 89сс; смущение ролью национального эротического символа, 80, 95с, 116п., 209, 247п., 400-406, 566п., 678; стихи о ней, 2п., 26, 114, 119, 311, 316, 477п., 501, 507, 555п., 689, 718сс, 799сс, 800п., 841, 846сс, 908п., 971, 974; удочерена Монзано, чтобы поднять популярность Монзано, 194-199, 216д”.

Я показал этот пункт указателя Минтонам, спрашивая их, не думают ли они, что это, само по себе, завораживающая биография — биография богини любви поневоле. Как иногда случается в жизни, я неожиданно получил экспертное мнение. Оказалось, что Клэр Минтон в своё время была профессиональным составителем указателей. До этого я никогда не слышал о такой профессии.

Она рассказала мне, что на свои заработки составителя указателей помогала мужу в годы его учёбы в колледже, что заработки были хорошие, и что немногие люди могут грамотно составить указатель.

Она сказала, что составление указателя — это работа, которую только самые непрофессиональные писатели самостоятельно делают для своих книг. Я спросил её, что она думает об указателе Филипа Касла.

— Лестный по отношению к автору, оскорбительный по отношению к читателю, — сказала она. — Говоря одним словом, — заключила она с расчётливой любезностью эксперта, — «самопотакающий». Я всегда смущаюсь, когда вижу указатель, составленный автором к своей собственной работе.

— Смущаетесь?

— Это очень откровенная вещь, указатель автора к своей собственной работе, — проинформировала она меня. — Это бесстыдный эксгибиционизм — для тренированного взгляда.

— По указателю она может прочитать характер, — сказал её муж.

— О-о? — сказал я. — Что же вы можете рассказать о Филипе Касле?

Она слегка улыбнулась. — “То, что я лучше воздержусь рассказывать незнакомцам”.

— Простите.

— Он, очевидно, влюблён в эту Мону Аамонс Монзано, — сказала она.

— Я догадываюсь, что это правда о любом мужчине в Сан Лоренцо.

— У него смешанные чувства к своему отцу, — сказала она.

— Это правда о любом мужчине на Земле. — Я мягко подначивал её.

— Он неуверен в себе.

— А кто из смертных уверен? — допытывался я. Тогда я не знал о том, что прошу о чём-то очень бокононистском.

— Он никогда на ней не женится.

— Почему нет?

— Я сказала всё, что собиралась сказать, — сказала она.

— Приятно встретить составителя указателей, который уважает частную жизнь других.

— Никогда не составляйте указатели к своим собственным книгам, — заключила она.

Дупрасса, говорит нам Боконон, — это ценный инструмент для зарождения и формирования, в закрытом пространстве нескончаемой любовной связи, откровений, которые эксцентричны, но истинны. Искусный минтоновский анализ указателей определённо был тем самым случаем. Дупрасса, говорит нам Боконон, — это также умилительно тщеславное учреждение. Учреждение Минтонов не было исключением.

Несколько позже Посол Минтон и я встретились в проходе самолёта вдали от его жены, и он показал, что ему было важно, чтобы я оценил, что его жена могла узнавать из указателей.

— Вы знаете, почему Касл никогда не женится на той девушке, даже при том, что он любит её, даже при том, что она любит его, даже при том, что они выросли вместе? — зашептал он.

— Нет, сэр, не знаю.

— Потому что он гомосексуалист, — прошептал Минтон. — Из указателя она может узнать и это.

Беличье колесо на принципах самокупаемости 56

Когда Лайонела Бойда Джонсона и капрала Эрла Маккея голыми выплеснуло на берег Сан Лоренцо, прочитал я, их приветствовали люди, бедствовавшие гораздо хуже, чем они. У людей Сан Лоренцо не было ничего, кроме болезней, которые они были не в состоянии лечить или даже назвать. Джонсон и Маккейб, наоборот, обладали сияющими сокровищами литературы, амбиций, любознательности, наглости, непочтительности, здоровья, юмора и обширной информации о внешнем мире.

Снова из «Калипсо»:

*О, что за жалкий народ такой
Здесь меня встретил пугливо.
Музыки не было у них никакой, да,
У них даже не было пива.
И где б ни пытались приткнуться они,
Всё и повсюду, поверьте,
Католической принадлежало Церкви
Или «Касл Шуга¹, Инкорпорэйтид».*

Данное описание ситуации с недвижимостью в Сан Лоренцо в 1922 году — совершенно точное, согласно Филипу Каслу. «Касл Шуга» была основана, так вот случилось, прадедом Филипа Касла. В 1922 году она владела каждым клочком пахотной земли на острове.

“Деятельность «Касл Шуга» в Сан Лоренцо, — писал молодой Касл, — никогда не приносила прибыль. Но, ничего не платя работникам за их труд, компания ухитрялась год за годом сводить концы с концами, зарабатывая денег ровно столько, чтобы хватало на жалование истязателям работников”.

“Формой правления была анархия, за исключением ситуаций, когда «Касл Шуга» хотела чем-нибудь завладеть или чего-нибудь добиться. В таких ситуациях формой правления был феодализм. Знать состояла из боссов плантаций «Касл Шуга» — хорошо вооружённых белых людей из внешнего мира. Дворянство составляли рослые туземцы, которые, за небольшие подарки и ничтожные привилегии, убивали или калечили или мучили по приказу. Заботу о духовных потребностях людей, пойманных в этом дьявольском беличьем колесе, взяла на себя горстка жирдяев-священников”.

“Сан Лоренценский Собор, взорванный динамитом в 1923 году, был одним из общепризнанных рукотворных чудес Нового Света”, — писал Касл.

-----
¹ «Сахар Касла» (англ.)

Тошнотная дремота 57

То, что капрал Маккейб и Джонсон смогли взять власть в Сан Лоренцо, не было чудом ни в каком смысле. Многие люди захватывали Сан Лоренцо и неизменно не встречали сопротивления. Причина была простой — Бог, в Своей Бесконечной Мудрости, создал этот остров не представляющим никакой ценности.

Эрнан Кортес был первым человеком, написавшим на бумаге о своём бескровном завоевании Сан Лоренцо. Кортес и его люди высадились на берег за пресной водой в 1519 году, объявили его владением Императора Карла Пятого и больше туда не возвращались. Последующие экспедиции за золотом и алмазами и рубинами и пряностями ничего не нашли, сожгли ради развлечения и за ересь несколько туземцев и отплыли.

“Когда в 1682 году Сан Лоренцо присвоила Франция, — писал Касл, — не возмущился ни один испанец. Когда в 1699 году Сан Лоренцо присвоила Дания, не возмущился ни один француз. Когда в 1704 году Сан Лоренцо присвоила Голландия, не возмущился ни один датчанин. Когда в 1706 году Сан Лоренцо присвоила Англия, не возмущился ни один голландец. Когда в 1720 году Сан Лоренцо снова присвоила Испания, не возмущился ни один англичанин. Когда в 1786 году африканские негры взбунтовались на британском работоторговческом судне, направили его на берег Сан Лоренцо и провозгласили Сан Лоренцо независимой страной, империей с императором во главе, не возмущился, собственно, ни один испанец”.

Императором был Там-бамуа, единственный, кто когда-либо считал остров достойным того, чтобы его оборонять. Маньяк Там-бамуа повелел возвести Сан Лоренценский Собор и фантастические укрепления на северном берегу острова — укрепления, внутри которых находится теперь личная резиденция так называемого Президента Республики.

Эти укрепления никогда не подвергались атаке, и ещё ни один здравый человек не назвал ни одной причины, почему бы они могли быть атакованы. Они так ничего и не защитили. Говорят, во время их строительства погибло четырнадцать сотен человек. Говорят, из этих четырнадцати сотен около половины было публично казнено за недостаточное усердие.

«Касл Шуга» пришла в Сан Лоренцо в 1916 году во время сахарного бума в Первую Мировую Войну. Правительства не было вообще. Компания вообразила, что при такой высокой цене на сахар даже глинисто-каменистые поля Сан Лоренцо можно возделывать с прибылью. Не возмущился никто”.

Когда Маккейб и Джонсон прибыли в 1922 году и провозгласили, что берут власть в свои руки, «Касл Шуга» безвольно ретировалась, словно из тошнотной дремоты.

Тирания, отличная от других 58

“По меньшей мере одно качество новых завоевателей Сан Лоренцо было действительно новым, — писал молодой Касл. — Маккейб и Джонсон мечтали сделать Сан Лоренцо Утопией”.

“С этой целью Маккейб перетряхнул экономику и законы”.

“Джонсон разработал новую религию”.

Касл снова процитировал «Калипсо»:

*Желал я всякой вещи
Иметь свой смысл и вес,
Чтоб это всем нам доставляло
Счастье, а не стресс.
Я враки сочинил,
Лишь бы не вышло невпопад,
И превратил сей грустный мир
В рай-ский сад.*

За чтением я почувствовал, что кто-то потянул меня за рукав. Я поднял взгляд. В проходе рядом со мной стоял маленький Ньют Хёникер. “Я подумал, может быть, вы не возражаете пойти назад в бар, — сказал он, — и слегка принять”.

Вот так мы и приняли, и опрокинули слегка, и язык Ньюта развязался достаточно, чтобы рассказать мне кое-что о Зинке — своей русской подруге, карлице-танцовщице. Их любовное гнёздышко, рассказал он мне, было в коттедже его отца на мысе Код.

— Возможно, я так никогда и не женюсь, но у меня, по крайней мере, был медовый месяц.

Он рассказал мне об идиллических часах, которые он со своей Зинкой провели в объятиях друг друга, забравшись в старое белое плетёное кресло Феликса Хёникера — кресло с видом на море.

И Зинка танцевала для него. — “Представьте женщину, танцующую только для меня”.

— Я вижу, вы ни о чём не жалеете.

— Она разбила мне сердце. Не то, чтобы мне это нравилось, но такова была цена. В этом мире вы получаете то, за что платите.

Он предложил галантный тост. “За возлюбленных и жён”, — воскликнул он.

Пристегните ремни безопасности 59

Когда показался Сан Лоренцо, я находился в баре с Ньютом, Х. Лоувом Кросби и ещё парой незнакомцев. Кросби рассуждал о мухосрани: “Знаете, что я имею в виду под мухосранью?”

— Слышал это слово, — сказал я, — но для меня оно, очевидно, не имеет тех ярких ассоциаций, какие имеет для вас.

Кросби был навеселе и питал пьяную иллюзию, что может говорить откровенно, при условии, что заговорит ласково. Он заговорил откровенно и ласково о размере Ньюта — о том, что никто другой в баре до этого момента не комментировал.

— Я не имею в виду маленького приятеля вроде этого. — Кросби повесил свою мясистую руку на плеча Ньюта. — Совсем не размер делает человека мухосранью. Делает образ его мыслей. Я видел людей раза в четыре выше этого маленького приятеля, и они были мухосранью. И я видел мелких парней — ну, не настолько мелких, конечно, но чертовски маленьких, Господи, — и я назову их настоящими людьми.

— Спасибо, — любезно сказал Ньют, даже не покосившись на чудовищную руку на своём плече. Никогда не видел я человеческое существо, лучше приспособленное к такому унижительному физическому недостатку. Вместе с восхищением меня пробил озноб.

— Вы говорили о мухосрани, — сказал я Кросби, надеясь снять вес его руки с Ньюта.

— Чертовски верно, говорил. — Кросби выпрямился.

— Вы ещё не рассказали нам, что такое мухосрань, — сказал я.

— Мухосрань это тот, кто думает, до чего же он чертовски умён — он никогда не может заткнуться. Неважно, кто что сказал — он сразу же спорит с этим. Вы говорите, что вам что-то нравится, и, Господи, он расскажет вам, почему неправильно, что вам это нравится. Мухосрань сделает всё возможное, чтобы заставить вас всё время чувствовать себя дураком. Не важно, что вы говорите — он знает лучше.

— Не очень привлекательная характеристика, — заметил я.

— Однажды моя дочь собиралась выйти замуж за мухосрань, — мрачно сказал Кросби.

— Вышла?

— Я прихлопнул его, как муху. — Кросби стукнул по стойке бара, вспоминая то, что мухосрань сказала и сделала. — Боже! — сказал он, — мы все были в колледже! — Его пристальный взгляд снова упал на Ньюта. — Вы учились в колледже?

— Корнелл, — сказал Ньют.

— Корнелл! — радостно воскликнул Кросби. — Боже мой, я ходил в Корнелл.

— И он тоже. — Ньют кивнул на меня.

— Три корнелльца — и все в одном самолёте! — сказал Кросби, и у нас состоялся ещё один гранфалунский фестиваль.

Когда всё немного утихло, Кросби спросил Ньюта, чем он занимается.

— Работаю кистью.

— Красите дома?

— Рисую картины.

— Будь я проклят, — сказал Кросби.

— Вернитесь на ваши сидения и пристегните ремни безопасности, пожалуйста, — предупредила стюардесса. — Мы над аэропортом Монзано, Боливар, Сан Лоренцо.

— Господи! Ну подождите же одну чёртову минутку, — сказал Кросби, глядя вниз на Ньюта. — До меня только что дошло, что вашу фамилию я где-то раньше слышал.

— Мой отец был отцом атомной бомбы. — Ньют не сказал, что Феликс Хёникер был одним из отцов. Он сказал, что Феликс был отцом.

— Так ли это? — спросил Кросби.

— Это так.

— Мне подумалось о чём-то другом, — сказал Кросби. Ему пришлось крепко задуматься.

— Что-то о танцовщице.

— Думаю, нам лучше вернуться обратно в кресла, — сказал Ньют, несколько напрягаясь.

— Что-то о русской танцовщице. — Кросби напился так, что не видел ничего особенного в том, чтобы громко рассуждать вслух. — Я помню редакционную статью о том, что танцовщица, возможно, была шпионкой.

— Пожалуйста, господа, — сказала стюардесса, — вы в самом деле должны вернуться на ваши сидения и пристегнуть ремни.

Ньют невинно посмотрел на Х. Лоува Кросби: “Вы уверены, что фамилия была Хёникер?” И, чтобы исключить для Кросби малейшую возможность обознаться, он произнёс для него фамилию по буквам.

— Я мог ошибиться, — сказал Х. Лоув Кросби.

Обездоленная страна 60

Остров, видимый с высоты, был поразительно правильным прямоугольником. Из моря вздымались грубые и бесполезные каменные иглы. Они оконтуривали окружность вокруг него.

На южной оконечности острова был портовый город Боливар.

Это был единственный город.

Это была столица.

Он был построен на ровном заболоченном участке земли. Взлётные полосы аэропорта Монзано находились на его границе с водой.

К северу от Болизара резко поднимались горы, заполняя остаток острова своими грубыми горбами. Они назывались горы Сангре де Кристо¹, но мне показались похожими на свиней у корыта.

У Боливара было много имён, среди них: Каз-ма-каз-ма, Санта Мария, Сэйнт Луис, Сэйнт Джордж и Порт Глори. Его нынешнее имя было дано ему Джонсоном и Маккэйбом в 1922 году в честь Симона Боливара, великого латиноамериканского идеалиста и героя.

Когда Джонсон и Маккэйб нагрянули в город, он был выстроен из прутьев, жестянок, плетёных корзин и грязи — зиждился на катакомбах триллиона счастливых сортировщиков мусора, катакомбах в кислом пюре из помоев, грязи и тины.

Примерно таким же нашёл его и я, за исключением новых архитектурных фальшивых фасадов вдоль береговой линии.

Джонсон и Маккэйб не смогли поднять народ из нищеты и дерьма.

«Папа» Монзано тоже не смог.

Всякий был обречён на поражение, поскольку Сан Лоренцо был столь же непродуктивным, как и равная ему площадь в Сахаре или в полярных льдах.

В то же самое время, население было столь же плотным, как и везде, не исключая Индию и Китай. На каждую квадратную милю, включая необитаемые, приходилось четыреста пятьдесят обитателей.

“Во время идеалистической фазы маккэйбовской и джонсоновской реорганизации Сан Лоренцо было провозглашено, что валовой доход страны будет поровну разделён между всеми взрослыми жителями, — писал Филип Касл. — В первый и единственный раз, когда попытались это сделать, каждая доля составила где-то шесть-семь долларов”.

-----
¹ Кровь Христова (исп.)

Что стоил один капрал 61

В таможенной будке аэропорта Монзано всем нам потребовали пройти досмотр багажа и конвертировать деньги, которые мы намеревались потратить в Сан Лоренцо, в местную валюту — в капралы, каждый из которых, по настоянию «папы» Монзано, стоил пятьдесят американских центов.

Будка была аккуратная и новая, но на стены было уже наклеено множество плакатов — в полнейшем беспорядке.

“ВСЯКИЙ УЛИЧЁННЫЙ БОКОНОНИСТ В САН ЛОРЕНЦО, — говорил один, — УМРЁТ НА КРЮКЕ!”

Другой постер изображал портрет Боконона — пожилого худощавого цветного мужчину, курящего сигару. Он выглядел и умным, и добрым, и довольным.

Под картинкой были слова: “РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЖИВЫМ ИЛИ МЁРТВЫМ, НАГРАДА 10 000 КАПРАЛОВ!”

Я взглянул поближе на этот постер и обнаружил в самом низу репродукцию чего-то вроде анкеты из полицейской картотеки, заполненной Бокононом ещё в 1929 году. По-видимому, она была воспроизведена, чтобы показать охотникам за Бокононом, на что похожи его отпечатки пальцев и почерк.

Но гораздо больше меня заинтересовали некоторые из тех слов, которые в 1929 году Боконон выбрал для занесения в анкету. Везде, где возможно, он являл космическое мышление — например, принимал во внимание такие вещи, как краткость жизни и длительность вечности.

Он сообщал, что его хобби: “Быть живым”.

Он сообщал, что его основное занятие: *“Быть мёртвым”*.

“ЭТО ХРИСТИАНСКАЯ СТРАНА! ВСЯКИЕ ИГРЫ СТУПНЯМИ БУДУТ НАКАЗАНЫ КРЮКОМ”, — гласил другой плакат. Этот плакат был для меня бессмысленным, поскольку я ещё не знал, что бокононисты сливаются своими душами воедино, прижимаясь друг к другу подошвами ступней.

И самой величайшей загадкой, поскольку я не прочитал книгу Филипа Касла целиком, оставалось то, как Боконон, закадычный друг капрала Маккэйба, оказался вне закона.

Почему Хэйзел не испугалась 62

Нас, вышедших в Сан Лоренцо, было семеро: Ньют и Энджела, Посол Минтон и его жена, Х. Лоув Кросби и его жена, и я. Когда наши таможенные дела были улажены, мы кучкой прошли через дверь и оказались на трибуне.

Там прямо перед нами стояла очень тихая толпа.

Пять тысяч, если не больше, сан-лоренциан глазели на нас. Островитяне были цвета овсяной каши. Люди были тощие. Не было видно ни одного толстяка. У каждого не хватало зубов. У многих ноги были кривыми или распухшими.

Ни одна пара глаз не была ясной.

Груды женщин были неприкрытыми и жалкими. Мужчины носили свободные набедренные повязки, едва прятавшие пенисы, подобные маятникам в дедушкиных часах.

Было много собак, но ни одна не лаяла. Было много младенцев, но ни один не плакал. Здесь и там кто-то кашлял — вот и всё.

Военный оркестр замер в ожидании перед толпой. Он не играл.

Перед оркестром стоял знамённый караул. Он держал два знамени — «Звёзды и Полосы» и флаг Сан Лоренцо. Флаг Сан Лоренцо представлял собой нашивки капрала морской пехоты на лазоревом поле. День был безветренный, и знамёна безжизненно свешивались вниз.

Мне показалось, что откуда-то издалека я слышу буханье кувалды о бронзовый барабан. Такого звука не было. Просто в моей душе резонировали биения бронзовой, звенящей жары сан-лоренценского климата.

— Я определённо рада, что это христианская страна, — зашептала Хэйзел Кросби своему мужу, — а то я бы немного испугалась.

Позади нас стоял ксилофон.

На ксилофоне была сверкающая надпись. Надпись была выполнена гранатами и хрустальными стразами.

Надпись говорила: “МОНА”.

Праведные и вольные 63

С левой стороны от нашей трибуны выстроились в ряд шесть винтовых самолётов-истребителей — военная помощь Сан Лоренцо от Соединённых Штатов. На фюзеляже каждого самолёта с детской кровожадностью был нарисован удав, до смерти сжимающий дьявола своими кольцами. Из дьяволовых ушей, носа и рта выступала кровь. Из сатанинских красных пальцев выпадал трезубец.

Перед каждым самолётом стоял пилот цвета овсяной каши — тоже молча.

Затем над этим непомерным молчанием появился назойливый звук, подобный звуку комара. Это приближалась сирена. Сирена была на «папином» глянцевом чёрном «Кадиллак-лимузине».

Лимузин подъехал, чтобы остановиться перед нами — шины задымались.

Наружу вылезли «папа» Монзано, его приёмная дочь Мона Аамонс Монзано и Франклин Хёникер.

По вялому, надменному знаку «папы» толпа запела национальный гимн Сан Лоренцо. Мелодия его была — «Дом на пастбище»¹. Слова были написаны в 1922 году Лайонелом Бойдом Джонсоном — Бокононом. Слова были такие:

*О, наша страна,
Как прекрасна она,
Здесь мужчины храбры без прикрас;
Жёны наши чисты,
И мы очень горды —
Наши дети пойдут дальше нас.
Сан, Сан Лоренцо!
Остров счастья средь тёплых морей!
Знают наши враги,
Не сломить им таких
Праведных, вольных людей.*

-----
¹ «Дом на пастбище» (англ. «Home on the Range») — известная вестерн-баллада, в настоящее время официальная песня штата Канзас.

Изобилие и мир 64

И затем толпа снова сделалась мертвенно тихой.

И «папа», и Мона, и Фрэнк присоединились к нам на трибуне. Одинокий малый барабан всё играл и играл, пока они поднимались. Дробь прекратилась, когда «папа» указал на барабанщика пальцем.

Поверх своего кителя он носил плечевую кобуру. В кобуре был хромированный кольт 45-го калибра. Он был старым человеком — стариком, как и очень многие члены моей карассы. Он был в плохой форме. Его шаги были мелкими и неупругими. Он всё ещё был толстяком, но сало его быстро таяло, и простая униформа сделалась ему велика. Белки его жабьих глаз были жёлтыми. Его руки дрожали.

Его личным телохранителем был генерал-майор Франклин Хёникер, чья униформа была белой. Фрэнк — с тонкими запястьями, узкими плечами — выглядел как ребёнок, давно уже пропустивший своё обычное время идти в кровать. На его груди была медаль.

Я наблюдал этих двоих, «папу» и Фрэнка, с некоторым трудом — не потому, что моему взгляду что-то мешало, но потому, что я не мог отвести глаз от Моны. Я был взволнован, сердечно сокрушён, смешон, невменяем. Каждая жадная, неразумная мечта моя о том, что такое должна быть женщина, воплотилась в Моне. Там, возлюби Бог её тёплую и нежную душу, были изобилие и мир на все времена.

Девушка — и было ей всего восемнадцать — была восторженно безмятежной. Казалось, она понимала всё и была всем, что только достойно понимания. В «Книгах Боконона» она упоминается по имени. Среди прочего, Боконон говорит о ней: *“Мона проста во всём”*.

Её платьем была белая греческая туника.

На своих маленьких коричневых ступнях она носила плоские сандалии.

Её бледно-золотые волосы были прямые и длинные.

Её бёдра были лирой.

О, Боже.

Изобилие и мир на все времена.

Она была единственной красивой девушкой в Сан Лоренцо. Она была национальным сокровищем. «Папа» удочерил её, согласно Филипу Каслу, чтобы оттенить божественностью жестокость своего правления.

Ксилофон подкатили к переднему краю трибуны. И Мона играла на нём. Она играла «Когда день завершён». Всё было сплошным тремоло — нарастание, затухание, снова нарастание. Толпа была отравлена красотой. И затем пришло время для «папы» поприветствовать нас.

Удачное время приехать в Сан Лоренцо 65

«Папа» был самообразованный человек, в прошлом мажордом капрала Маккэйба. Он никогда не покидал остров. Он довольно сносно говорил на американском английском.

Всё, что любой из нас произносил на трибуне, выкрикивалось в толпу трубами судного дня — репродукторами.

Всё, что ни проходило сквозь эти трубы, нечленораздельно раскатывалось по широкому, короткому бульвару позади толпы, отскакивало от стеклянных фасадов трёх новостроек в конце бульвара и кудахтаньем возвращалось назад.

“Добро пожаловать, — сказал «папа». — Вы приехали к лучшему другу из всех, что имела Америка. Америку много где неправильно понимают, но не здесь, мистер Посол”. — Он поклонился Х. Лоуву Кросби, производителю велосипедов, приняв его за нового Посла.

“Я знаю, у вас тут хорошая страна мистер Президент, — сказал Кросби. — Всё, что я когда-либо слышал о ней, звучит для меня просто здорово. Вот только...”

— А?

“Я не Посол, — сказал Кросби. — Хотел бы я им быть, но я простой, обычный бизнесмен. — Ему больно было говорить, кто настоящий Посол. — Вот тот мужчина и есть большая шишка”.

—А-а! — «Папа» улыбнулся над своей ошибкой. Внезапно улыбка прошла. Некая боль внутри заставила его поморщиться, затем согнуться, закрыть глаза — заставила его сконцентрироваться на преодолении боли.

Фрэнк Хёникер подошёл помочь — немощно, неумело: “Всё в порядке?”

“Извините, — наконец прошептал «папа», несколько выпрямляясь. На его глазах были слёзы. Он смахнул их прочь, выпрямляясь окончательно. — Прошу извинить меня”.

Казалось, на мгновение у него возникло сомнение насчёт того, где он, и что от него ожидают. И затем он вспомнил. Он пожал руку Хорлику Минтону. — “Здесь вы среди друзей”.

— Я уверен в этом, — мягко сказал Минтон.

— Христиан, — сказал «папа».

— Хорошо.

— Антикоммунистов, — сказал «папа».

— Хорошо.

— Никаких тут коммунистов, — сказал «папа». — Они слишком боятся крюка.

— Надо думать, боятся, — сказал Минтон.

— Вы выбрали самое удачное время приехать к нам, — сказал «папа». — “Завтра будет один из счастливейших дней в истории нашей страны. Завтра наш величайший национальный праздник — День Сотни Мучеников за Демократию. Он будет также днём помолвки генерал-майора Франклина Хёникера с Моной Аамонс Монзано — самой драгоценной особой в моей жизни и в жизни Сан Лоренцо.

— Я желаю вам большого счастья, мисс Монзано, — с теплотой произнёс Минтон. — И я поздравляю вас, генерал Хёникер.

Молодые кивнули в знак своей благодарности.

Теперь Минтон говорил о так называемой Сотне Мучеников за Демократию, и он говорил вопиющую ложь: “Нет такого американского школьника, кто не знал бы историю благородной жертвы Сан Лоренцо во Второй Мировой Войне. Сотня храбрых сан-лоренциан, чей день наступает завтра, отдали самое большее, что только могут отдать свободолюбивые люди. Президент Соединённых Штатов попросил меня быть его личным представителем на завтрашней церемонии, чтобы бросить венок — дар американского народа народу Сан Лоренцо — в море”.

“Народ Сан Лоренцо благодарит вас и вашего Президента, и щедрый народ Соединённых Штатов Америки за их заботливость, — сказал «папа». — Вы окажете нам честь, если бросите этот венок в море во время завтрашнего празднования помолвки”.

— Для меня это честь.

«Папа» велел всем нам на следующий день оказать ему честь своим присутствием на церемонии с венком и на праздновании помолвки. Мы должны были появиться в его дворце к полудню.

— Что за дети будут у этих двоих! — сказал «папа», предлагая нам полюбоваться Фрэнком и Моной. — Какая кровь! Какая красота!

Боль снова поразила его.

Он снова закрыл глаза, чтобы справиться с этой болью.

Он ждал, чтобы она прошла, но она не проходила.

По-прежнему мучаясь, он повернулся от нас лицом к толпе и микрофону. Он пытался сделать толпе жест — не вышло. Он пытался что-то сказать толпе — не вышло.

И затем слова прорвались. “Уходите домой,— крикнул он, задыхаясь. — Уходите домой!”

Толпа рассеялась подобно листьям.

«Папа» снова обернулся к нам, всё ещё обезображенный болью...

И затем он рухнул.

Самое сильное, что только есть 66

Он не был мёртв.

Но он определённо выглядел мёртвым — разве что время от времени, в состоянии, казавшемся смертью, его дёргал судорожный спазм.

Фрэнк громко протестовал, что «папа» не умер, что он не мог умереть. Он был в отчаянии: ««Папа!» Ты не можешь умереть! Ты не можешь!»

Фрэнк расстегнул «папин» воротничок и китель, тёр его запястья. — «Дайте ему воздуха! Дайте «папе» воздуха!»

Подбежали пилоты истребителей, чтобы помочь нам. У одного хватило рассудка побежать в медпункт аэропорта.

Оркестр и знаменный караул, не получившие приказов, оставались в трепетном напряжении.

Я поискал взглядом Мону и нашёл, что она по-прежнему безмятежна и отошла к поручню трибуны. Смерь, если дело шло к смерти, не тревожила её.

Рядом с ней стоял пилот. Он не смотрел на неё, но до блеска покрылся испариной, что я приписал его пребыванию в такой близости от неё.

К «папе» теперь возвращалось некое подобие сознания. Рукой, трепыхавшейся, словно пойманная птица, он указал на Фрэнка. «Ты...» — сказал он.

Мы все застыли в молчании, чтобы услышать его слова.

Его губы двигались, но мы не могли услышать ничего, кроме булькающих звуков.

Кому-то в голову пришло то, что выглядело тогда чудесной идеей — что выглядит в ретроспективе идеей чудовищной. Кто-то — я думаю, пилот — взял микрофон со стойки и держал его перед «папиными» булькающими губами, чтобы усилить его слова.

И вот предсмертные хрипы и судорожные взвизгивания всех сортов эхом отразились от новостроек.

И затем послышались слова.

— Ты, — хрипло сказал он Фрэнку, — ты, Франклин Хёникер, — ты будешь следующим Президентом Сан Лоренцо. Наука — у тебя есть наука. Наука — это самое сильное, что только есть.

— Наука, — сказал «папа». — Лёд. — Он закатил свои жёлтые глаза и снова потерял сознание.

Я глядел на Мону.

Её выражение не изменилось.

Однако черты пилота рядом с ней выражали кататоническую, оргиастическую скованность награждаемого Медалью Почёта¹.

Я поглядел вниз и увидел то, что немисливо было видеть.

Мона сбросила свою сандалию. Её маленькая коричневая ступня была босой.

И этой ступнёй она разминала, разминала и разминала — бесстыдно разминала — взъём пилотского ботинка.

---

¹ Высшая военная награда США.

Куу-рюг-гуу! 67

«Папа» не умер — на этот раз.

Его укатали прочь в большом красном санитарном автомобиле аэропорта. Минтонов увёз в их посольство американский лимузин.

Ньюта и Энджелу увезли в дом Фрэнка на сан-лоренценском лимузине.

Кросби и меня увезло в отель «Каза Мона» единственное сан-лоренценское такси — похожий на катафалк «Крайслер-лимузин» 1939 года с пружинными сидениями. На такси было написано «Касл Транспортэйшн Инк». Владельцем такси был Филип Касл — владелец «Каза Моны», сын совершенно неэгоистичного человека, у которого я приехал брать интервью.

И Кросби, и я были расстроены. Наше смятение выражалось вопросами, на которые мы немедленно хотели получить ответы. Кросби хотели знать, кто такой Боконон. Они были шокированы мыслью, что некто противостоит «папе» Монзано.

Я же совсем некстати понял, что мне немедленно надо узнать, кто такие были Сотня Мучеников за Демократию.

Кросби первыми получили свой ответ. Они не могли понять сан-лоренценский диалект, так что мне пришлось переводить для них. Основной вопрос Кросби к нашему водителю был: “Кто же, чёрт возьми, вообще эта мухосрань Боконон?”

— Очень плохой человек, — сказал водитель. В действительности он произнёс — Отень блёг-га телавеггу.

— Коммунист? — спросили Кросби, когда услышали мой перевод.

— О, конечно.

— Есть у него последователи?

— Сэр?

— Кто-нибудь думает, что он в чём-то хороший?

— О, нет, сэр, — благочестиво ответил водитель. — Таких безумцев нет.

— Почему же он не пойман? — настаивал Кросби.

— Трудно отыскать, — сказал водитель. — Очень хитёр.

— Ну, люди, должно быть, прячут его и дают ему еду, иначе бы его тут же схватили.

— Никто не прячет его, никто не кормит его. Каждый слишком умён, чтобы делать это.

— Вы уверены?

— О, уверен, — сказал водитель. — Всякий кормящий того безумного старика, всякий дающий ему место для ночлега — они получают крюк. Никто не хочет крюк.

Последнее слово он проговаривал «куу-рюг-гуу».

Зо-то-туна Му-ужн-гу 68

Я спросил водителя, кто такие были Сотня Мучеников за Демократию. Бульвар, по которому мы ехали, я видел, назывался Бульваром Сотни Мучеников за Демократию.

Водитель рассказал мне, что Сан Лоренцо объявила войну Германии и Японии через час после атаки на Пёрл Харбор.

Сан Лоренцо призвала сто мужчин сражаться на стороне демократии. Эту сотню мужчин посадили на корабль, направлявшийся в Соединённые Штаты, где их должны были вооружить и тренировать.

Немецкая субмарина потопила тот корабль прямо на выходе из гавани Боливара.

— Уни, соор, — сказал он, — и эсту Зо-то-туна Му-ужн-гу зу Баму-крац-уу.

— Они, сэр, — сказала он на диалекте, — и есть Сотня Мучеников за Демократию.

Большая мозаика 69

Кросби и я имели любопытный опыт быть самыми первыми гостями в новом отеле. Мы должны были первыми вписаться в книгу постояльцев «Каза Моны».

Кросби добрались до стойки регистрации раньше меня, но Х. Лоув Кросби был так озадачен совершенно чистой книгой постояльцев, что просто не мог заставить себя вписаться. Он должен был некоторое время обдумать это.

“Вписывайтесь вы”, — сказал он мне. И затем, не смущаясь, что я могу подумать о его суеверности, он объявил, что хочет сфотографировать мужчину, который выкладывал огромную мозаику на стене в холле.

Мозаика была портретом Моны Аамонс Монзано. Она была двадцати футов в высоту. Мужчина, работавший над ней, был молодым и мускулистым. Он сидел на верхушке лестницы-стремянки. На нём не было ничего кроме белых плавок ныряльщика.

Он был белым мужчиной.

Мозаичист выкладывал кусочками золота тонкие волосы на тыльной стороне лебединой шеи Моны.

Кросби подошёл сфотографировать его, вернулся и сообщил, что мужчина — самая откровенная мухосрань, какую он только встречал. Кросби был цвета томатного сока, когда сообщал это. — “Ни черта нельзя сказать ему так, чтобы он не вывернул это наизнанку”.

Вот я и подошёл к мозаичисту, некоторое время посмотрел на него и затем сказал: “Завидую вам”.

— Я так и знал, — вздохнул он, — если я подожду достаточно долго, то кто-нибудь подойдёт и позавидует мне. Я постоянно уговаривал себя набраться терпения, что рано или поздно кто-нибудь завистливый да подойдёт.

— Вы американец?

— Имею такое счастье. — Он продолжал работать, ему даже не было интересно, на что я похож. — Вы тоже хотите меня сфотографировать?

— Вы возражаете?

— Я думаю, поскольку я существую, постольку могу быть сфотографирован.

— Боюсь, у меня нет с собой фотоаппарата.

— Ну так найдите его, ради Христа! Вы же не из тех людей, кто доверяет своей памяти, не так ли?

— Не думаю, что очень скоро забуду лицо, над которым вы сейчас работаете.

— Вы забудете его, как только умрёте, и я тоже. Когда я умру, я собираюсь забыть абсолютно всё — и вам советую сделать то же самое.

— Она позировала для этого, или вы работаете по фотографиям, или как?

- Я работаю по «или как».
- Что?
- Я работаю по «или как». — Он коснулся своего виска. — Всё внутри вот этой моей головы, возбуждающей зависть.
- Вы знаете её?
- Имею такое счастье.
- Фрэнк Хёникер — счастливчик.
- Фрэнк Хёникер — кусок дерьма.
- Вы предельно откровенны.
- А ещё я богат.
- Рад слышать это.
- Если хотите мнение эксперта, деньги не обязательно делают людей счастливыми.
- Спасибо за информацию. Вы только что спасли меня от кучи неприятностей. Я уже почти было получил кое-какие деньги.
- Как?
- Писательство.
- Я как-то раз писал книгу.
- Как она называлась?
- «Сан Лоренцо», — сказал он, — «Страна, История, Народ».

Воспитанники Боконона 70

- Я понял, вы, — сказал я мозаичисту, — Филип Касл, сын Джулиана Касла.
- Имею такое счастье.
- Я здесь, чтобы встретиться с вашим отцом.
- Вы торговец аспирином?
- Нет.
- Очень плохо. Отцу не хватает аспирина. Как насчёт волшебных таблеток? Отец время от времени любит предаваться грёзам.
- Я не наркоторговец. Я писатель.
- Почему вы решили, что писатель — это не наркоторговец.
- Соглашусь с этим. Полностью виновен.
- Отцу требуется такая книга, чтобы читать её людям, кто умирает или испытывает ужасную боль. Не думаю, чтобы вам удалось что-нибудь такое написать.
- Пока нет.
- Я думаю, она принесёт деньги. Вот ещё одна ценная подсказка для вас.
- Полагаю, что мог бы переложить «Двадцать третий Псалом» — слегка переиначить его так, чтобы никто не догадался, что изначально он не мой.
- Боконон пытался переложить его, — сказал он мне. — Боконон обнаружил, что не может изменить ни единого слова.
- Вы знаете и его?

— Имею такое счастье. Когда я был маленьким мальчиком, он был моим воспитателем. — Он сентиментальный повёл рукой в сторону мозаики. — Он также был воспитателем Моны.

— Он был хорошим учителем?

— Мы с Моной оба умеем и читать, и писать, и немного складывать, — сказал Касл, — если вы это имеете в виду.

Счастье быть американцем 71

Х. Лоув Кросби подошёл сделать ещё один заход на Касла — на мухосрань.

— Как вы там себя называете, — ухмыльнулся Кросби, — битник или как?

— Я называю себя бокононистом.

— В этой стране это противозаконно, не так ли?

— Мне случилось иметь счастье быть американцем. Я могу говорить, что я бокононист, всегда, когда мне, чёрт возьми, вздумается, и до сих пор меня вообще никто не донимал.

— Я верю в соблюдение законов какой бы то ни было страны, где мне случится бывать.

— Вы не сообщили мне ничего нового.

Кросби побагровел. — “Да пошёл ты, сопляк!”

— Да пошёл ты, ханжа, — мягко сказал Касл, — и захвати с собой День Матери с Рождеством в придачу.

Кросби прошагал через холл к регистратору за стойкой и сказал: “Я хочу заявить о том мужчине — о той мухосрани, так называемом художнике. У вас замечательная маленькая страна, пытающаяся привлекать туристов и новые инвестиции в промышленность. Тот мужчина так разговаривал со мной, что я больше видеть не хочу Сан Лоренцо — и если кто из моих друзей спросит меня о Сан Лоренцо, я скажу ему держаться к дьяволу подальше. Возможно там, на стене, вы получите прекрасную картину, но, Боже, мухосрань, которая делает её — это самый оскорбительный, обескураживающий сукин сын, какого я когда-либо встречал в своей жизни”.

На регистратора было жалко смотреть. — “Сэр...”

— Я слушаю, — сказал Кросби, весь пылая.

— Сэр, он владелец отеля.

Мухосранский «Хилтон» 72

Х. Лоув Кросби и его жена выписались из «Каза Моны». Кросби назвал его «Мухосранский Хилтон» и потребовал размещения в американском посольстве.

Так я остался единственным гостем в отеле на сто номеров.

Мой номер был приятным. Он выходил, как и все номера, на бульвар Сотни Мучеников за Демократию, аэропорт Монзано и гавань Боливара позади них. «Каза Мона» была построена наподобие книжного шкафа — с глухими боковыми и задней стенками и с фасадом из голубовато-зелёного стекла. Убожество и нищету города, находившиеся по бокам и позади «Каза Моны», увидеть было невозможно.

Мой номер был с кондиционером. Там было почти холодно. И, войдя из звенящей жары в эту прохладу, я чихнул.

На прикроватном столике были свежие цветы, но постель ещё не была заправлена. На постели не было даже подушки. Там просто лежал новый, не бывший в употреблении бьютирестовский матрас. И в шкафу не было вешалок, и в душевой комнате не было туалетной бумаги.

Вот я и вышел в коридор посмотреть, нет ли горничной, которая могла бы меня немного доукомплектовать. Там никого не было, но в дальнем конце была открытая дверь, и доносились очень слабые звуки жизни.

Я подошёл к двери и обнаружил большой номер, застланный дерюгой. В номере шла побелка, но двое маляров, когда я появился, не были заняты работой. Они сидели на скамье, поставленной во всю ширину оконной стены.

Они были без обуви. Из глаза были закрыты. Они сидели лицом к лицу.

Они прижимались друг к другу ступнями своих босых ног.

Каждый обхватывал свои лодыжки, придавая телу жёсткость треугольника.

Я прокашлялся.

Двое скатились со скамьи и упали на забрызганную дерюгу. Они приземлились на четвереньки и оставались в этом положении — задницами вверх, носами к полу.

Они словно ждали, что их убьют.

— Простите, — изумлённо произнёс я.

— Не рассказывайте, — жалобно попросил один. — Пожалуйста-пожалуйста, не рассказывайте.

— Рассказывайте что?

— То, что вы видели!

— Я ничего не видел.

— Если вы расскажете, — сказал он и прижался щекой к полу, и посмотрел на меня умоляюще, — если вы расскажете, мы умрём на куу-рюг-гуу!

— Слушайте, друзья, — сказал я, — либо я зашёл слишком рано, либо слишком поздно, но, снова говорю вам, я не видел ничего такого, о чём бы стоило кому-либо рассказывать. Пожалуйста — поднимайтесь.

Они поднялись, всё ещё не сводя с меня взглядов. Они дрожали и сжимались от страха. Наконец, я убедил их, что никогда не расскажу о том, что я видел.

То, что я видел, был, конечно, боконостский ритуал боко-мару, или слияние сознаний.

Мы, бокононисты, верим, что невозможно находиться ступня-к-ступне с кем-нибудь другим, не испытывая к нему любви — даже при условии, что ноги у обоих чистые и хорошо ухоженные.

Церемония ступней основана вот на этом «калипсо»:

*Ради всего, что мы стóим, да,
Да, сядем, ступней касания внемля,
И будем любить друг друга, да,
Да, как любим Мать нашу — Землю*

Чёрная смерть 73

Когда я вернулся обратно в свой номер, то обнаружил, что Филип Касл — мозаичист, историк, составитель указателей к своим книгам, мухосрань и владелец отеля — прилаживает рулон туалетной бумаги в моей душевой.

— Большое спасибо, — сказал я.

— Совершенно не за что.

— Вот это я называю — отель с настоящей душой. Много ли владельцев отелей проявляют столь непосредственный интерес к удобствам гостей?

— Много ли владельцев отелей имеют только одного гостя?

— У вас было трое.

— Увы, прошло то время.

— Знаете, возможно, я говорю это некстати, но мне трудно понять, как личность с вашими интересами и талантами могла увлечься отельным бизнесом.

Он растерянно нахмурился. — “А что, я не кажусь столь любезным с гостями, как мог бы?”

— Я знал нескольких людей из «Гостиничной Школы Корнелла» и не могу избавиться от чувства, что они обошлись бы с Кросби как-то по-другому.

Он неохотно кивнул. “Я знаю. Я знаю. — Он хлопнул руками. — Чёрт возьми, если я знаю, зачем построил этот отель — что-то сделать со своей жизнью, наверное. Способ найти занятие, способ избавиться от тоски. — Он покачал головой. — Было так: стать отшельником или открыть отель — и никакой середины”.

— Разве воспитали вас не при госпитале вашего отца?

— Это правда. И Мона, и я выросли там.

— Ну, и разве не было у вас соблазна сделать со своей жизнью то, что ваш отец сделал со своей?

Молодой Касл слабо улыбнулся, уходя от прямого ответа. “Забавный он человек, отец, — сказал он. — Я думаю, он вам понравится”.

— Ожидая, что да. Не так уж много людей, кто был бы так неэгоистичен, как он.

— Однажды, — сказал Касл, — когда мне было около пятнадцати лет, неподалёку отсюда случился мятеж на греческом корабле, направлявшемся из Гонконга в Гавану с грузом плетёной мебели. Мятежники захватили корабль, но не знали, как управлять им, и разбили его о скалы неподалёку от замка «папы» Монзано. Потонули все, кроме крыс. Крысы и плетёная мебель попали на берег.

Это казалось концом рассказа, но я не мог быть уверен. — “И?”

— И кому-то досталась бесплатная мебель, а кому-то — бубонная чума. В отцовском госпитале у нас было четырнадцать сотен смертей за десять дней. Вы когда-нибудь видели умершего от бубонной чумы?

— Не имел такого несчастья.

— Лимфатические железы в паху и в подмышечных впадинах раздуваются до размера грейпфрута.

— Охотно готов поверить.

— После смерти тела чернеют — в случае Сан Лоренцо это как приехать в Ньюкасл со своим углём. Когда чума поимела всё на своём пути, «Дом Надежды и Милосердия в Джунглях» выглядел как Аушвиц или Бухенвальд. Штабеля мертвецов были у нас такие высокие и широкие, что бульдозер реально глох, пытаюсь сдвинуть их по направлению к

общей могиле. Отец целыми днями работал не засыпая — работал не только не засыпая, но и не спасая множество жизней.

Жуткую историю Касла прервал зазвонивший телефон.

— Боже, — сказал Касл, — Я даже не знал, что телефоны уже подключены.

Я поднял трубку: “Алло?”

Мне позвонил не кто иной, как генерал-майор Франклин Хёникер. Он был, словно запыхавшись, и говорил испуганно-натянутым голосом. — “Послушайте! Вам необходимо приехать ко мне домой прямо сейчас. Нам необходимо поговорить. Это может быть очень важным для вас!”

— Не могли бы вы хотя бы намекнуть?

— Не по телефону, не по телефону. Приезжайте ко мне домой. Приезжайте прямо сейчас! Пожалуйста!

— Хорошо.

— Я вас не разыгрываю. Это действительно важный момент в вашей жизни. Важнее, чем всё, что было прежде. — Он повесил трубку.

— О чём это всё? — спросил Касл.

— Не имею ни малейшего представления. Фрэнк Хёникер хочет видеть меня прямо сейчас.

— Не спешите вы так. Расслабьтесь. Он debil.

— Он сказал, что это важно.

— Откуда ему знать, что важно? Я из банана мог бы вырезать человека получше, чем он.

— Ладно, давайте всё-таки закончим вашу историю.

— На чём я остановился?

— Бубонная чума. Бульдозер глох от трупов.

— О, да. Как бы то ни было, одну бессонную ночь я оставался с отцом, пока он работал. Всё, что мы только и могли сделать — это отыскать какого-нибудь живого пациента, чтобы ухаживать за ним. Кровать за кроватью и за кроватью — мы находили мертвецов.

— И отец стал хихикать, — продолжил Касл.

— Он не мог остановиться. Он вышел в ночную тьму со своим фонариком. Он по-прежнему хихикал. Лучом фонарика он выписывал танцевальные па над всеми мертвецами, сложенными снаружи в штабеля. Он опустил свою руку мне на голову — и вы знаете, что сказал мне этот чудесный человек? — спросил Касл.

— Не-а.

— “Сын”, — сказал мне отец, — “однажды всё это станет твоим”.

Кошкина люлька 74

Я ехал к дому Фрэнка в единственном такси Сан Лоренцо.

Мы миновали сцены чудовищной нищеты. Мы взбирались на склон горы Маккэйб. Воздух становился прохладнее. Стоял лёгкий туман.

Дом Фрэнка был когда-то домом Нестора Аамонса — отца Моны, архитектора «Дома Надежды и Милосердия в Джунглях».

Аамонс его и спроектировал.

Дом стоял над водопадом; его консольная терраса выдвигалась прямо в поднимающуюся снизу водяную пыль. Это была хитроумная решётка из очень лёгких стальных стоек и балок. Междоузлия решётки где-то были свободными, где-то — заложёнными природным камнем, застеклёнными, а то и завешенными холстиной.

Впечатление от дома было такое, что сумасбродство человеческой деятельности здесь ничуть не скрывалось — напротив, громко провозглашалось.

Слуга вежливо поприветствовал меня и сказал, что Фрэнка ещё нет дома. Фрэнка ждут в любой момент. Фрэнк оставил указания с таким расчётом, чтобы мне сделалось счастливо и комфортно, и что я должен буду остаться на ужин и ночлег. Слуга, представившийся как Стэнли, был первый увиденный мною упитанный сан-лоренцианин.

Стэнли провёл меня в мою комнату — провёл вокруг центральной части дома, вниз по лестничному маршу, вырубленному в скальном склоне, — лестничному маршу под стальным каркасом в виде хаотически состыкованных прямоугольников. Моей постелью был коврик из губчатой резины на каменном ложе — ложе, вырубленном из скалы. Стенами моей комнаты были холстины. Стэнли продемонстрировал, как я могу сворачивать их вверх или разворачивать вниз — как мне понравится.

Я спросил Стэнли, есть ли дома кто-нибудь ещё, и он сказал мне, что только Ньют. Ньют, сказал он, — на выступающей террасе, рисует картину. Энджела, сказал он, ушла любоваться видами к «Дому Надежды и Милосердия в Джунглях».

Я вышел на головокругительную террасу, что нависала над водопадом, и нашёл маленького Ньюта спящим в жёлтом раскладном кресле.

Картина, над которой работал Ньют, была установлена на мольберте рядом с алюминиевым ограждением. Картина была обрамлена туманными видами неба, моря и долины.

Картина Ньюта была маленькой, чёрной и бугорчатой.

Она состояла из бороздок, проделанных в чёрном, смолистом импасто. Бороздки формировали что-то вроде паутины, и я задумался — не липкие ли это сети человеческой никчёмности, развешенные на просушку в безлунную ночь.

Я не стал будить карлика, создавшего это жуткое творение. Я курил, прислушиваясь к воображаемым голосам в звуках воды.

Маленького Ньюта разбудил звук выстрела далеко внизу. Он отразился от склона долины и ушёл к Богу. Это была пушка у водной кромки Боливара, как рассказал мне мажордом Фрэнка. Она стреляла каждый день в пять.

Маленький Ньют завозился.

Всё ещё в полудрёме, он провёл своими чёрными, испачканными краской руками по рту и подбородку, оставляя там чёрные разводы. Он протёр глаза и оставил чёрные разводы ещё и вокруг них.

— Привет, — сонно сказал он мне.

— Привет, — сказал я. — Мне понравилась ваша живопись.

— Вы видите, что там такое?

— Предполагаю, для каждого смотрящего это значит что-то своё.

— Это «кошкина люлька».

— Ага, — сказал я. — Очень хорошо. Бороздки — это шнурок. Верно?

— Это одна из древнейших игр — «кошкина люлька». Она известна даже эскимосам.

— И не говорите!

— Может быть, уже сотню тысяч лет или больше взрослые размахивают перепутанными шнурками перед лицами своих детей.

— Хм.

Ньют оставался свернувшимся в кресле. Он выставил свои испачканные краской руки так, словно между ними была растянута «кошкина люлька». — “Неудивительно, что дети вырастают безумными. «Кошкина люлька» — это всего лишь пучок косых крестиков между чьими-то руками, а маленькие дети вглядываются, и вглядываются, и вглядываются во все эти крестики...”

— И?

— Никакой чёртовой кошки и никакой чёртовой люльки.

Передайте моё почтение Альберту Швейцеру 75

И затем пришла Энджела Хёникер Коннерс, ньютлова дылда-сестра, вместе с Джулианом Каслом, отцом Филипа и основателем «Дома Надежды и Милосердия в Джунглях». Касл носил белый мешковатый льняной костюм и галстук-ленточку. У него были всклокоченные усы. Он был лысый. Он был худощавый. Я думаю, он был святой.

Он представился Ньюту и мне на выступающей террасе. Он пресекал все намёки на свою возможную святость тем, что разговаривал уголком своего рта, словно киношный гангстер.

— Я так понимаю, что вы последователь Альберта Швейцера, — сказал я ему.

— На расстоянии... — Он выдал криминальную ухмылку. — Я никогда не встречал этого джентльмена.

— Он несомненно должен знать о вашей работе, как и вы знаете о его.

— Может быть, а может и нет. Вы когда-нибудь видели его?

— Нет.

— Вы ожидаете когда-нибудь увидеть его?

— Когда-нибудь, может, увижу.

— Ну, — сказал Джулиан Касл, — на случай, если в одном из путешествий вы пересечётесь с д-ром Швейцером, можете сказать ему, что он не мой герой. — Он стал раскуривать большую сигару.

Когда сигара достаточно раскурилась, он указал её рдеющим концом на меня. “Вы можете сказать ему, что он не мой герой, — повторил он, — но вы можете также сказать, что, благодаря ему, это — Иисус Христос”.

— Я думаю, он будет рад услышать это.

— Да мне плевать, будет он рад или нет. Это касается только Иисуса и меня.

Джулиан Касл соглашается с Ньютом, что всё бессмысленно 76

Джулиан Касл и Энджела подошли к ньютовой картине. Касл сложил большой и указательный пальцы колечком и прищурился сквозь него на картину.

— Что вы думаете об этом? — спросил я у него.

— Черным-черно. Что это — ад?

— Это означает всё, что угодно, — сказал Ньют.

— Тогда это ад, — прорычал Касл.

— Совсем недавно мне сказали, что это «кошкина люлька», — сказал я.

— Информация из первоисточника всегда помогает, — сказал Касл.

— Не думаю, что это очень мило, — пожаловалась Энджела. — Я думаю, что это уродство, но я ничего не знаю о современном искусстве. Иногда мне хочется, чтобы Ньют взял несколько уроков — так, чтобы он мог наверняка знать, дельные его занятия или нет.

— Самоучка, не так ли? — Джулиан Касл спросил Ньюта.

— А кто не самоучка? — уточнил Ньют.

— Очень хороший ответ. — Касл сделался почтительным.

Я начал было объяснять глубинный смысл «Кошкиной люльки», поскольку Ньют, похоже, не был расположен повторять это представление по-новой.

И Касл глубокомысленно кивал. — “Таким образом, это картина о бессмысленности всего! Абсолютно с этим согласен”.

— Вы действительно согласны? — спросил я. — Минуту назад вы говорили что-то об Иисусе.

— О ком? — сказал Касл.

— Иисусе Христе.

— О-о, — сказал Касл. — О Нём. — Он пожал плечами. — Людям необходимо о чём-нибудь разговаривать — просто, чтобы поддерживать свой голосовой аппарат в рабочем состоянии, так, чтобы иметь хороший голосовой аппарат на случай, если надо будет сказать что-то, действительно имеющее смысл.

— Понимаю. — Я понимал, что писать популярную статью о нём не будет лёгким времяпровождением. Я приходил к необходимости сконцентрироваться на его святых делах и игнорировать его сатанинские мысли и разговоры.

— Можете процитировать меня, — сказал он. — “Человек порочен, и человек не делает ничего, достойного деяния; не знает ничего, достойного познания”.

Он наклонился и пожал испачканную краской руку маленького Ньюта. — “Верно?”

Ньют кивнул, в тот же момент, похоже, заподозрив, что дело приобрело несколько гротескный оборот. — “Верно”.

И тут святой прошагал к ньютовой картине и снял её с мольберта. Он широко улыбался всем нам. — “Мусор — как и всё остальное”.

И он швырнул картину с выступающей террасы. Она спланировала вверх в восходящем потоке, завалилась на бок, бумерангом пошла назад и врезалась в водопад.

Маленький Ньют не мог вымолвить ни слова.

Первой заговорила Энджела: “Ты вымазал в краске всё своё лицо, милый. Пойди, смой”.

Аспирин и боко-мару 77

— Скажите мне, доктор, — спросил я Джулиана Касла, — как здоровье «папы» Монзано?

— Откуда мне знать?

— Я думал, вы, вероятно, его врач.

— Мы не разговариваем... — Касл улыбнулся. — То есть, он не разговаривает со мной. Последнее, что он мне сказал, а было это около трёх лет назад, так это что моё американское гражданство — единственное, что спасает меня от крюка.

— Что же вы сделали, чтобы его оскорбить? Вы поселились здесь и на свои собственные деньги основали бесплатный госпиталь для его народа...

— «Папе» не нравится наш метод комплексного ухода за пациентом, — сказал Касл, — в особенности, комплексного ухода, когда пациент при смерти. В «Доме Надежды и Милосердия в Джунглях» мы отправляем последние ритуалы Бокононистской Церкви для всех, кто их захочет.

— На что похожи эти ритуалы?

— Очень простые. Они начинаются чтением с повторением. Хотите попробовать?

— Прямо сейчас я не настолько близок к смерти, если вы не возражаете.

Он зловеще подмигнул мне. — “Мудро поступаете, что осторожничаете. Люди, принимающие последние ритуалы, приговариваются умереть по команде. Впрочем, я думаю, мы смогли бы вовремя удержать вас, если не станем касаться ступнями”.

— Ступнями?

Он рассказал мне о бокононистской точке зрения относительно ступней.

— Это объясняет то, что я видел в отеле. — Я рассказал ему о двух малярах на скамье у окна.

— Вы знаете, это работает, — сказал он. — Люди, которые делают это, действительно чувствуют себя лучше по отношению друг к другу и остальному миру.

— Хм.

— Боко-мару.

— Сэр?

— Так называются эти дела со ступнями, — сказал Касл. — Это работает. Я благодарен вещам, которые работают. Вы знаете, не так много вещей работает.

— Полагаю, что да.

— Возможно, я не смог бы управляться с тем моим госпиталем, если бы не аспирин и боко-мару.

— Я прихожу к выводу, — сказал я, — что на острове всё ещё есть несколько бокононистов, несмотря на законы, несмотря на куу-рюг-гуу...

Он рассмеялся. — “Вы всё ещё не поняли?”

— Понял что?

— Каждый в Сан Лоренцо — преданный бокононист, невзирая на куу-рюг-гуу.

Стальное кольцо 78

— Когда Боконон и Маккэйб много лет назад взяли власть в этой жалкой стране, — сказал Джулиан Касл, — они вышвырнули священников. И затем Боконон, цинично и игриво, изобрёл новую религию.

— Я знаю, — сказал я.

— Ну, когда стало очевидным, что никакая правительственная или экономическая реформа не сделает народ гораздо менее убогим, религия стала единственным реальным инструментом надежды. Правда была врагом народа, поскольку правда была столь ужасна, поэтому Боконон сделал своим занятием снабжение людей всё лучшей и лучшей ложью.

— Как же он дошёл до того, чтобы оказаться вне закона?

— Это была его собственная идея. Он попросил Маккэйба объявить вне закона его самого и его религию тоже, чтобы придать религиозной жизни народа больше азарта, больше остроты. Между прочим, он написал об этом небольшое стихотворение.

Касл процитировал эти стихи, которых нет в «Книгах Боконона»:

*Вот так я ушёл из правительства,
И причину обозначил, и цену:
Ибо доброй религии строительство —
Та же форма государственной измены.*

— Боконон также предложил и крюк — как должное наказание за бокононизм, — сказал он. — Что-то такое он видел в «Комнате Ужасов» Мадам Тюссо. — Он дьявольски подмигнул. — Это тоже было для остроты.

— Много ли людей умерло на крюке?

— Не сразу, не сразу. Сначала всё было понарошку. О казнях умело распускались слухи, но ни один не был реально знаком с кем-либо, умершим этой смертью. В старые добрые времена Маккэйб не скупился на кровавадные угрозы против бокононистов — которыми был каждый.

— И Боконон ушёл в уютное убежище в джунглях, — продолжал Касл, — где он писал и проповедовал целыми днями, и ел вкусную еду, которую приносили ему его последователи.

— Маккэйб стал организовывать безработных, которыми был практически каждый, на великую охоту за Бокононом.

— Примерно каждые шесть месяцев Маккэйб триумфально провозглашал, что Боконон окружён стальным кольцом, которое безжалостно сжимается.

— И затем командиры безжалостного кольца должны были докладывать Маккэйбу, в досаде и полном ступоре, что Боконон сделал невозможное.

— "Он вырвался, испарился, выжил, чтобы проповедовать снова. Чудо!"

Почему огрубела душа Маккэйба 79

— Маккэйб и Боконон не преуспели в улучшении того, что принято называть жизненными стандартами, — сказал Касл. — Правда заключалась в том, что жизнь как была и короткой, и жестокой, и подлой — так и осталась.

— Но люди не должны были уделять слишком много внимания отвратительной правде. По мере того, как развивалась живая легенда о жестоком тиране в городе и добром святом человеке в джунглях, росло и счастье в народе. Всё своё время они были заняты в качестве актёров в пьесе, которую они понимали, — пьесе, которой могло сочувствовать и аплодировать любое человеческое существо, где бы то ни было.

— Таким образом, жизнь стала творением искусства, — восхитился я.

— Да. Была только одна беда.

— А?

— Эта драма слишком грубо отразилась на душах двух главных актёров — Маккэйба и Боконона. Молодыми людьми они имели довольно значительное сходство — оба полуангелы, полупираты.

— Но драма требовала, чтобы пиратская половина Боконона и ангельская половина Маккэйба зачали. И Маккэйб, и Боконон платили ужасную цену в страданиях за счастье народа: Маккэйб — познавая страдания тирана, и Боконон — познавая страдания святого. Они оба стали практически душевнобольными.

Касл согнул указательный палец своей левой руки. — “И тогда люди действительно начали умирать на куу-рюг-гуу”.

— Но Боконона так и не схватили? — спросил я.

— Маккэйб никогда не доходил до такого безумия. Он никогда не делал по-настоящему серьёзные усилия схватить Боконона. Сделать это было бы легко.

— Почему он не схватил его?

— Маккэйб всегда был достаточно здрав, чтобы понимать, что без святого человека, против которого он воюет, он сам станет лишённым смысла. «Папа» Монзано тоже это понимает.

— Люди всё ещё умирают на крюке?

— Это фатальная неизбежность.

— Я имел в виду, — сказал я, — действительно ли «папа» казнит людей таким способом?

— Он казнит кого-нибудь каждые два года — просто для поддержания кипения в котле, так сказать. — Он вздохнул, глядя в вечернее небо. — Би-и-ип, би-и-ип, би-и-ип.

— Сэр?

— Вот так мы, бокононисты, говорим, — сказал он, — когда чувствуем, что происходит множество загадочных вещей.

— Вы? — Я был изумлён. — Также бокононист?

Он спокойно и пристально посмотрел на меня. — “Вы тоже. Вам ещё предстоит это узнать”.

Водопадные фильтры 80

На выступающей террасе были Энджела и Ньют вместе с Джулианом Каслом и мной. Мы пили коктейли. От Фрэнка всё ещё не было вестей.

Оказалось, что и Энджела, и Ньют весьма не прочь были выпить. Касл рассказал мне, что его плейбойские деньки стоили ему почки, и что он, к несчастью, поневоле вынужден держаться имбирного эля.

Энджела, опрокинув в себя несколько бокалов, жаловалась, до чего же мир облапошил её отца: “Он отдавал так много, а ему платили так мало”.

Я настоял, чтобы она привела примеры мировой скаредности, и получил некоторые точные данные. “«Многопрофильная Кузнечно-Литейная» платила ему бонус в сорок пять долларов за каждый патент на основе его работы, — сказала она. — Точно такой же патентный бонус платили в компании каждому. — Она печально покачала головой. — Сорок пять долларов — и подумать только, какими патентами были некоторые из них!”

— Хм, — сказал я. — Я полагаю, он также получал и жалование.

— Самое большее, что он когда-либо зарабатывал, это двадцать восемь тысяч долларов в год.

— Я сказал бы, что это довольно неплохо.

Она сильно надулась. — “Вы знаете, сколько зарабатывают кинозвезды?”

— Много, иногда.

— Вы знаете, что д-р Брид зарабатывал в год на десять тысяч долларов больше, чем отец?

— Это определённо несправедливо.

— Я устала от несправедливости.

Она была так пронзительно встревожена, что я сменил тему. Я спросил Джулиана Касла, как он думает, что случилось с картиной, которую он швырнул в водопад.

— Внизу есть маленькая деревня, — рассказал он мне. — Я бы сказал, пять или десять лачуг. Кстати, место рождения «папы» Монзано. Там водопад заканчивается в большой каменной чаше.

— У деревенских есть проволочная сетка, растянутая поперёк прорези в чаше. Через прорезь вода вытекает в ручей.

— И вы думаете, ньютова картина сейчас в этой сетке? — спросил я.

— Это бедная страна — если вы ещё не заметили, — сказал Касл. — Ничто не остаётся в сетке очень надолго. Я предполагаю, что уже сейчас ньютову картину высушивают на солнце — вместе с окурком моей сигары. Четыре квадратных фута липкой холстины, четыре фрезерованных и обрезанных под углом куски подрамника, также несколько гвоздей и сигара. Всё вместе — довольно славный улов для какого-нибудь бедного, бедного человека.

— Иногда я просто могу взвыть, — сказала Энджела, — когда думаю о том, как много платят некоторым людям и как мало платили отцу — и как много он отдавал. — До пьяной истерики ей оставалось совсем чуть-чуть.

— Не плачь, — мягко упрашивал её Ньют.

— Иногда я ничего не могу поделать с этим, — сказала она.

— Сходи за своим кларнетом, — настаивал Ньют. — Это всегда помогает.

Сперва я подумал, что это предложение было явно комичным. Но затем, по реакции Энджелы, я понял, что предложение было серьёзным и практичным.

— Когда со мной такое происходит, — сказала она нам с Каслом, — иногда это единственная вещь, которая помогает.

Но она была слишком робкой, чтобы так сразу достать свой кларнет. Нам пришлось упрашивать её сыграть, и ей пришлось выпить ещё два бокала.

— Она действительно просто чудесна, — обещал маленький Ньют.

— Я с удовольствием послушал бы, как вы играете, — сказал Касл.

— Хорошо, — сказала, наконец, Энджела, нетвёрдо поднимаясь. — Хорошо — я буду.

Когда она оказалась за пределом слышимости, Ньют извинился за неё. — “У неё были тяжёлые времена. Ей нужен отдых”.

— Она болела? — спросил я.

— Её муж дьявольски низок по отношению к ней, — сказал Ньют. Он показывал нам, что ненавидит молодого и красивого мужа Энджелы, крайне успешного Харрисона С. Коннерса, президента «Фабри-тек». — Он почти не приходит домой, а когда приходит, он пьян и весь испачкан губной помадой.

— По тому, как она рассказывала, — сказал я, — я думал, что это очень счастливое замужество.

Маленький Ньют раздвинул свои ладони на шесть дюймов одну от другой и развёл пальцы. — “Видишь кошку? Видишь люльку?”

Белая невеста для сына проводника пульмановского вагона 81

Я не знал, что за звуки выйдут из кларнета Энджелы. Никто не смог бы представить себе, что выйдет оттуда.

Я ожидал что-нибудь патологическое, но я не ожидал глубины, буйства, и почти невыносимой красоты страдания.

Энджела увлажнила и согрела мундштук, но не выдула ни единой пробной ноты. Её глаза остекленели, и её длинные, костлявые пальцы пробежались, не извлекая звуков, по бесшумным клапанам.

Я ждал с нетерпением, и я вспомнил, что рассказал мне Марвин Брид — что единственной отдушиной Энджелы в её унылой жизни с отцом было закрыться в своей комнате на ключ и играть под граммофонные записи.

Ньют уже поставил долгоиграющую пластинку на большой граммофон в комнате, выходящей на террасу. Он вернулся назад с конвертом от пластинки, который передал мне.

Пластинка называлась «Пианино в кошачьем доме». На ней была записана фортепьянная музыка в исполнении Мида Люкса Льюиса.

Поскольку Энджела, чтобы углубить свой транс, дала Льюису сыграть свой первый номер, не присоединяясь к нему, я прочитал кое-что из того, что конверт рассказывал о Льюисе.

“Родившись в Луисвилле, Кентукки, в 1905 году, — прочитал я, — м-р Льюис не обращался к музыке до тех пор, пока не прошло шестнадцать лет с его рождения, а затем инструментом, полученным от отца, была скрипка. Год спустя юному Льюису посчастливилось услышать игру на фортепьяно Джимми Янси¹. “Это”, — как вспоминает Льюис, — “была реальная вещь”. Вскоре, — читал я, — Льюис самостоятельно учился играть на фортепьяно буги-вуги, впитывая всё, что только возможно, от старшего Янси, который до самой своей смерти оставался близким другом и идиолом м-ра Льюиса.

Поскольку отец его был проводником пульмановского вагона, — читал я, — семья Льюиса жила неподалёку от железной дороги. Перестук поездов вскоре стал естественным ритмом для юного Льюиса, и он сочинил сольное буги-вуги, теперь классическое в своём стиле, ставшее известным как «Разбитной вагонный блюз».

Я поднял голову от своего чтения. Первая запись на пластинке закончилась. Граммофонная игла царапала теперь свой неторопливый путь сквозь пустоту ко второй. Вторая запись, узнал я из конверта, была «Змиев блюз».

Мид Люкс Льюис в одиночестве сыграл четыре ноты, и — вступила Энджела Хёникер.

Её глаза были закрыты.

Я был поражён.

Она была великолепна.

Она импровизировала под музыку сына проводника пульмановского вагона — переходила от плавного лиризма к отрывистой страстности, к пронзительной капризности испуганного ребёнка, к героиневому бреда.

Её глиссандо говорили о рае и аде, и обо всём, что лежит между ними.

Такая музыка от такой женщины могла быть либо в случае шизофрении либо при одержимости демоном.

Мои волосы встали дыбом, как если бы Энджела каталась по полу, пускала изо рта пену и бегло болтала по-вавилонски.

Когда музыка закончилась, я воскликнул Джулиану Каслу, который тоже не мог пошевелиться: «Боже мой — жизнь! Кто способен понять хотя бы одну её малую минуту?»

— И не пытайтесь, — сказал он. — Просто убедите себя, что понимаете.

— Это... Это очень хороший совет. — Я с трудом подбирал слова.

Касл процитировал ещё одно стихотворение:

*Тигру — добычу искать,
Птице — взлететь в вышину,
Человеку — сесть и гадать: "Почему, почему?"
Тигру — уснуть в траве,
Птице — вернуться в стаю,
Человеку — сказать себе: "Вроде бы, понимаю".*

— Откуда это? — спросил я.

— Откуда это может быть, кроме как из «Книг Боконона»?

— Хотел бы я когда-нибудь увидеть экземпляр.

— Копии трудно достать, — сказал Касл. — Они не печатаются. Они пишутся от руки. И конечно, нет такой вещи, как полная копия, поскольку Бококон добавляет новое каждый день.

— Религия! — хмыкнул маленький Ньют.

— Простите? — сказал Касл.

«Видите кошку? — спросил Ньют. — Видите люльку?»

---

¹ Джимми Янси (1898—1951) — афроамериканский композитор и пианист в стиле буги-вуги.

Заа-маа-ки-бо 82

Генерал-майор Франклин Хёникер не появился и к ужину.

Он позвонил по телефону и настаивал на разговоре со мной и ни с кем другим. Он рассказал мне, что дежурит у «папиной» постели, что «папа» умирает в старших муках. Голос Фрэнка звучал испуганно и одиноко.

— Послушайте, — сказал я, — почему бы мне не вернуться в отель — мы с вами можем встретиться позже, когда кризис пройдёт.

— Нет, нет, нет. Оставайтесь на месте! Я хочу, чтобы вы были там сразу же, как только я смогу заполучить вас! — Он паниковал, что я ускользну из его хватки. Поскольку я не мог объяснить его заинтересованность во мне, я тоже начинал паниковать.

— Не могли бы вы намекнуть, по какому поводу хотите меня видеть? — спросил я.

— Не по телефону.

— Что-то, связанное с вашим отцом?

— Что-то, связанное с вами.

— Что-то, что я сделал?

— Что-то, что вам предстоит сделать.

Фоном, на фрэнковском конце линии, мне послышалось куриное кудахтанье. Я услышал, как открылась дверь, и из какой-то комнаты донеслась ксилофонная музыка. Музыка снова была «Когда день завершён». А затем дверь закрылась, и я больше не мог слышать музыку.

— Я был бы очень признателен, если бы вы дали мне какой-нибудь слабый намёк относительно того, что вы от меня ожидаете — так, чтобы я мог настроиться, — сказал я.

— Заа-маа-ки-бо.

— Что?

— Это бокононистское слово.

— Я не знаю никаких бокононистских слов.

— Джулиан Касл там?

— Да.

— Спросите у него, — сказал Фрэнк. — Сейчас мне надо идти. — Он повесил трубку. Вот так я спросил у Джулиана Касла, что означает «заа-маа-ки-бо».

— Вы хотите простой ответ или полный ответ?

— Давайте, начнём с простого.

— Судьба — неизбежная участь.

Д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд скоро сравняет счёт 83

— Рак, — сказал Джулиан Касл за ужином, когда я рассказал ему, что «папа» умирает в муках.

— Рак чего?

— Рак почти всего. Вы сказали, сегодня он рухнул на трибуне?

— Конечно, рухнул, — сказала Энджела.

— Это действие наркотиков, — объявил Касл. — Сейчас он в состоянии, когда наркотики и боль едва уравниваются. Больше наркотиков убило бы его.

— Думаю, я убил бы себя, — пробормотал Ньют. Он сидел в некоем подобии складного высокого кресла, которое брал с собой, оправляясь с визитами. Оно было сделано из алюминиевых трубок и холста. — Обидно сидеть на словаре, на атласе и на телефонной книге, — сказал он, раскладывая его.

— Конечно, капрал Маккэйб так и сделал, — сказал Касл. — Он назначил преемником своего мажордома и затем застрелился.

— Тоже рак? — спросил я.

— Не могу быть в этом уверен; впрочем, я так не думаю. Неустанное злодейство просто вымотало его — вот моё предположение. Всё это было до меня.

— Это определённо жизнерадостная беседа, — сказала Энджела.

— Думаю, всякий согласится, что сейчас настали жизнерадостные времена, — сказал Касл.

— Хорошо, — сказал я ему, — Я думаю, у вас гораздо больше причин быть жизнерадостнее большинства людей — делая в своей жизни то, что вы делаете.

— Вы знаете, у меня ещё однажды была яхта.

— Не понимаю.

— Иметь яхту — тоже причина быть жизнерадостнее большинства людей.

— Если не вы «папин» врач, — сказал я, — то кто?

— Один из моих сотрудников, д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд.

— Немец?

— Вроде того. Четырнадцать лет он служил в СС. Шесть из этих лет он был лагерным врачом в Аушвице.

— В «Доме Надежды и Милосердия» он что, совершает покаяние?

— Да, — сказал Касл, — и продвигается гигантскими шагами, спасая жизни направо и налево.

— Успехов ему.

— Да. Если он не сбавит сегодняшний темп, работая день и ночь, количество людей, которых он спас, сравняется с количеством тех, к чьей смерти он причастен, году так в 3010-м.

Вот и ещё один член моей карассы — д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд.

Отключение 84

Через три часа после ужина Фрэнк всё ещё не пришёл домой. Джулиан Касл извинился и ушёл назад в «Дом Надежды и Милосердия в Джунглях».

Мы с Энджелой и Ньютом сидели на выступающей террасе. Под нами очаровательно светились огни Боливара. Там был большой, иллюминированный крест на верхушке административного здания аэропорта Монзано. Оснащённый моторным приводом, он медленно поворачивался, с электрической набожностью проходя все румбы компаса.

На острове были и другие яркие места, к северу от нас. Горы не позволяли нам видеть их напрямую, но мы могли видеть на небе зарева их огней. Я попросил Стэнли, мажордома Фрэнка Хёникера, разъяснить мне источники этих сияний.

Он стал указывать по порядку, против часовой стрелки: ««Дом Надежды и Милосердия в Джунглях», «папин» дворец и Форт Иисус».

— Форт Иисус?

— Тренировочный лагерь наших солдат.

— Он назван в честь Иисуса Христа?

— Конечно. Почему нет?

На севере быстро разрасталось ещё одно зарево. Ещё до того, как я успел спросить, стало понятно, что это свет фар автомобиля, переваливающего через гребень горы. Свет фар направлялся к нам. Он принадлежал автоколонне.

Автоколонна состояла из пяти армейских грузовиков американского производства. На верху кабин были установлены пулемётные турели.

Конвой остановился на подъездном пути Фрэнка. Сразу же высадились солдаты. Они принялись за работу в земле, выкапывая стрелковые ячейки и пулемётные гнёзда. Я вышел с мажордомом Фрэнка спросить командира, что происходит.

— Нам приказано защищать следующего Президента Сан Лоренцо, — сказал офицер на островном диалекте.

— Он сейчас не здесь, — проинформировал я его.

— Ничего об этом не знаю, — сказал он. — У меня приказ окопаться здесь. Вот всё, что я знаю.

Я рассказал об этом Энджеле и Ньюту.

— Вы думаете, есть какая-нибудь реальная опасность? — спросила меня Энджела.

— Я сам здесь не местный, — сказал я.

В этот момент случился сбой электроснабжения. В Сан Лоренцо погасли все электрические огни.

Сборник фóмы 85

Слуги Фрэнка принесли керосиновые лампы и рассказали нам, что сбой электроснабжения в Сан Лоренцо — обычное дело, что нет повода бить тревогу. Однако я обнаружил, что мне нелегко отделаться от беспокойства, поскольку Фрэнк высказался о моём заа-маа-ки-бо.

Он создал во мне ощущение, словно моя собственная свобода воли столь же неуместна, как и свобода воли хрюшки, прибывающей на чикагские скотобойни.

Я снова вспомнил каменного ангела в Илиуме.

И я прислушивался к солдатам снаружи — к их брэнчащей, лязгающей, шелестящей работе.

Я был неспособен сконцентрироваться на разговоре с Энджелой и Ньютом, хотя они углубились в довольно интересную тему. Они рассказали мне, что у их отца был брат-близнец. Они никогда не встречались с ним. Его звали Рудольф.

— Отец едва ли когда-нибудь упоминал о нём, — сказала Энджела.

— Отец едва ли когда-нибудь упоминал о ком-либо, — заявил Ньют.

У старика также была и сестра, рассказали они мне. Её звали Селия. Она разводила ризеншнауцеров в городе Шелтер Айленд, Нью Йорк.

— Она всегда присылала открытку к Рождеству, — сказала Энджела.

— С изображением ризеншнауцера, — сказал маленький Ньют.

— Спору нет, забавно, до чего разными оказываются люди в разных семьях, — заключила Энджела.

— Совершенно верно, и отлично сказано, — согласился я. Я извинился, что собираюсь покинуть блистательную компанию, и спросил Стэнли, мажордома, нет ли где-нибудь в доме экземпляра «Книг Боконона».

Стэнли как будто бы не понял, о чём я говорю. А затем он проворчал, что «Книги Боконона» — это мерзость. А затем он стал настаивать, что каждый, кто их читает, должен умереть на крюке. А затем он принёс мне экземпляр из тумбочки Фрэнка.

Это была тяжёлая вещь, размером примерно с большой словарь. Она была написана от руки. Я уволок её в свою спальню, на свой резиновый коврик на каменном ложе.

Указателя не было, так что мой поиск значений заа-маа-ки-бо был затруднён — был, собственно, бесплодным в ту ночь.

Я узнал кое-какие вещи, но они едва ли были полезными. Например, я узнал о бокононистской космогонии, в которой Борасиси, солнце, держал Пабу, луну, в своих объятиях, и надеялся, что Пабу выносит ему огненного ребёнка.

Но бедная Пабу рожала детей, которые были холодны, которые не могли гореть — и Борасиси в отвращении отшвыривал их прочь. То были планеты, которые кружатся вокруг своего ужасного отца на безопасном расстоянии.

Затем бедную Пабу саму выгнали прочь, и она ушла жить к своему любимому ребёнку, которым была Земля. Земля была любимицей Пабу, поскольку у неё были люди; и люди смотрели вверх на Пабу, любили её и ей сочувствовали.

И какого же мнения был Боконон о своей собственной космогонии?

“Фóма! Выдумки! — писал он. — Сборник фóмы!”

Два маленьких термоса 86

Трудно поверить, что я вполне заснул, но я должен — иначе как бы я мог объяснить, что почувствовал себя разбуженным серией хлопков и морем света?

Я скатился с постели при первом же хлопке и побежал к центру дома в безмозгом экстазе пожарного-добровольца.

Я обнаружил, что сломя голову несусь на Ньюта и Энджелу, которые вскочили со своих собственных постелей.

Мы все резко затормозили, робко анализируя звуки ночного кошмара вокруг нас, отделяя среди них исходящие из радиоприёмника, от посудомоечной машины, от насоса — всего, пробудившегося к шумной жизни при возвращении электроэнергии.

Все трое, мы достаточно пробудились, чтобы осознать, что наша ситуация комична, что мы отреагировали до смешного по-человечески на ситуацию, казавшуюся смертельной, но не бывшую таковой. И, чтобы продемонстрировать власть над своей иллюзорной участью, я выключил радио.

Мы все захихикали.

И, стремясь сохранить лицо, мы соревновались друг с другом за право быть величайшим исследователем человеческой природы — личностью с безотказнейшим чувством юмора.

Самым быстрым был Ньют — он указал мне, что я держу в руках свой паспорт, бумажник и наручные часы. Я не имел ни малейшего представления о том, что же я схватил перед лицом смерти — даже не знал, что я вообще что-то схватил.

Я весело парировал тем, что спросил Энджелу и Ньюта, почему так получилось, что оба они несли маленькие термосы — одинаковые красно-серые термосы, способные вместить около трёх чашек кофе.

Для них обоих оказалось новостью, что они несут такие термосы. Они были в шоке, когда увидели их в своих руках.

Они были избавлены от объяснений тем, что снаружи раздались новые хлопки. Я тут же обязался выяснить, чем они вызваны, и, с дерзостью, столь же неоправданной, как и моя предшествующая паника, я вышел на разведку и обнаружил Фрэнка Хёникера, копающегося в моторном генераторе, установленном на грузовике.

Этот генератор был новым источником нашего электричества. Бензиновый мотор, бывший его приводом, стрелял и дымился. Фрэнк пытался починить его.

Неземная Мона была рядом с ним. Она наблюдала за ним, как всегда, серьёзно.

— Эй, у меня для вас есть новости! — заорал он и провёл меня обратно в дом.

Энджела и Ньют по-прежнему были в гостиной, но они как-то ухитрились куда-то деть свои странные термосы.

Содержимым этих термосов, конечно же, были части наследства д-ра Феликса Хёникера — части вампитера моей карассы, крупинки льда-девять.

Фрэнк отвёл меня в сторону. — “Вы не засыпаете?”

— Я бодр, как всегда.

— Я надеюсь, вы в самом деле совершенно проснулись, потому что мы должны поговорить прямо сейчас.

— Начинайте.

— Давайте, немного уединимся. — Фрэнк попросил Мону как-нибудь занять себя. — Мы позовём, если ты нам понадобишься.

Я умилительно посмотрел на Мону и подумал, что я никогда ни в ком не нуждался так, как теперь нуждался в ней.

Контур моего кливера 87

Об этом Франклине Хёникере — узколицый юнец говорил с тембром и уверенностью казу¹. Я слышал, в армии говорят, что такой-то или такой-то разговаривает, как человек с бумажной прямой кишкой. Таким человеком был генерал Хёникер. Бедный Фрэнк, прошедший скрытное детство Секретным Агентом «Икс-9», почти не имел навыков беседы с кем-либо.

Теперь же, надеясь быть сердечным и убедительным, он говорил мне неуклюжие фразы — фразы вроде «Мне нравится контур вашего кливера²!» или «Хочу поговорить с вами начистоту, как мужчина с женщиной!»

И он повёл меня вниз в своё, как он выразился, «логово», чтобы мы могли «...назвать пику — пикой, и пусть щепки падают там, где им вздумается».

Вот так мы спустились по ступенькам, вырезанным в скале и ведущим в естественную пещеру ниже и позади водопада. Там внизу была пара чертёжных столов, три белёсых деревянных скандинавских кресла, книжный шкаф, вмещавший книги по архитектуре — книги на немецком, французском, финском, итальянском, английском.

Всё было освещено электрическим светом — светом, который пульсировал в такт одышке моторного генератора.

И самым поразительным в этой пещере были картины, нарисованные на стенах, нарисованные с детсадовской дерзостью, нарисованные в глиняной, земляной и угольной палитре самых ранних людей. Мне не нужно было спрашивать Фрэнка, насколько древняя эта пещерная живопись. Я был в состоянии датировать её, исходя из тематики. Рисунки изображали не мамонтов, не саблезубых тигров, не итифаллических пещерных медведей.

В этих рисунках рассматривались бесчисленные аспекты маленькой девочки — Моны Аамонс Монзано.

— Это... — это где работал отец Моны? — спросил я.

— Так и есть. Он был финн, который спроектировал «Дом Надежды и Милосердия в Джунглях».

— Я знаю.

— Я привёл вас сюда разговаривать не об этом.

— Это что-то о вашем отце?

— Это о вас. — Фрэнк положил руку мне на плечо и заглянул мне в глаза. Эффект был удручающий. Фрэнк хотел внушить чувство товарищества, но его голова смотрелась мне маленькой причудливой совой, ослеплённой светом и примостившейся на высоком насесте.

— Может, было бы лучше перейти к сути?

— Нет смысла ходить вокруг да около, — сказал он. — Я довольно хорошо сужу о характерах, уж если я сам так говорю, и мне нравится контур вашего кливера.

— Спасибо.

— Я думаю, мы с вами могли бы действительно найти общий язык.

— Я в этом не сомневаюсь.

— У нас обоих есть то, что сцепляется.

Я был благодарен, когда он убрал руку с моего плеча. Он сцепил пальцы своих рук, словно зубцы шестерёнок. Одна рука, я полагаю, изображала его, а другая изображала меня.

— Мы нужны друг другу. — Он пошевелил пальцами, чтобы показать мне, как работает сцепление.

Некоторое время я молчал, впрочем, внешне дружелюбно.

— Понимаете, о чём я? — спросил, наконец, Фрэнк.

— Вы и я — мы будем делать что-то вместе?

— Так и есть! — Фрэнк захлопал в ладоши. — Вы — светская личность, привыкли встречаться с публикой, а я — личность техническая, привык работать за сценой, приводя вещи в движение.

— Как же вы могли узнать, какого типа я личность? Мы только что познакомились.

— Ваша одежда, ваша манера разговаривать. — Он снова положил руку на моё плечо. — Мне нравится контур вашего кливера!

— Вы говорили это.

Фрэнку не терпелось, чтобы я закончил его мысль, сделал это с энтузиазмом — но я всё ещё плавал. — “Надо ли мне так понимать, что... что вы предлагаете мне какую-то работу, здесь, в Сан Лоренцо?”

Он захлопал в ладоши. Он был обрадован. — “Так и есть! Что бы вы сказали насчёт сотни тысяч долларов в год?”

— Боже правый! — воскликнул я. — Что же мне придётся делать за это?

— Практически ничего. И вы каждый вечер будете пить из золотых кубков и есть с золотых тарелок и иметь дворец в полном своём распоряжении.

— Что за работа?

— Президент Республики Сан Лоренцо.

-----
¹ Казу — разновидность мембранофона, духовой инструмент, искажающий голос.

² Кливер — треугольный парус над бушпритом парусного судна.

Почему Фрэнк не мог быть президентом 88

— Меня? Президентом? — Я открыл рот.

— А кого же ещё?

— Бред!

— Не говорите «нет», пока вы по-настоящему не обдумаете это. — Фрэнк смотрел на меня с тревогой.

— Нет!

— Вы не обдумали это по-настоящему.

— Достаточно, чтобы знать, что это безумие.

Фрэнк снова изобразил своими пальцами сцепление. — “Мы должны работать вместе. Я буду всё время стоять за вами”.

— Хорошо. Итак, если меня заткнут спереди, вам тоже достанется.

— Заткнут?

— Застрелят! Совершат покушение!

Фрэнк был озадачен. — “Зачем кому бы то ни было стрелять в вас?”

— Затем, чтобы он мог стать Президентом.

Фрэнк покачал головой. — “Никто в Сан Лоренцо не хочет быть Президентом, — пообещал он мне. — Это против их религии”.

— И против вашей религии тоже? Я думал, вы собираетесь быть следующим Президентом.

— Я... — сказал он, и не нашёл сил продолжать. Он выглядел затравленным.

— Вы, что? — спросил я.

Он отвернул лицо к водяной стене, занавешивавшей пещеру. “Зрелость, как я её понимаю, — сказал он мне, — это знать, где лежат ваши пределы”.

В определении зрелости он не был далёк от Боконона. *“Зрелость, — говорит нам Боконон, — это горькое разочарование, от которого не существует лекарства, если только смех нельзя назвать лекарством от чего угодно”*.

— Я знаю, я ограничен, — продолжал Фрэнк. — Я ограничен в том же самом, что и мой отец.

— А?

— У меня множество очень хороших идей, точно так же, как и у моего отца, — Фрэнк рассказывал мне и водопаду, — но он не был хорош на публике — и я тоже.

Ватка 89

— Вы принимаете должность? — с тревогой осведомился Фрэнк.

— Нет, — сказал я ему.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы захотеть эту должность? — Фрэнк давал классическую иллюстрацию того, что Боконон называет «ватка». Ватка, в бокононистском смысле, — это участь тысяч и тысяч личностей, оказавшихся в руках «туппы». Туппа — это ребёнок, заблудившийся в тумане.

Я рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Не обращайтесь внимания, когда я смеюсь, — попросил я его. — В этом отношении я неисправимый извращенец.

— Вы смеётесь надо мной?

Я покачал головой.

— Нет.

— Слово чести?

— Слово чести.

— Люди всё время потешались надо мной.

— Должно быть, вы это себе вообразили.

— Они имели привычку хором дразнить меня. Я это не вообразил.

— Люди иногда недобры, сами того не желая, — предположил я. В этом я не стал бы давать ему слово чести.

— Вы знаете, как они дразнили меня?

— Нет.

— Они дразнили меня: “Эй, Икс-9, куда идёшь?”

— Это не так уж обидно.

— Так они привыкли звать меня, — сказал Фрэнк в угрюмых воспоминаниях, — «Секретный Агент Икс-9».

Я не стал рассказывать ему, что уже знал об этом.

— “Куда идёшь, Икс-9?” — повторил Фрэнк снова.

Я представил, на что стали похожи насмешники — представил, куда Судьба, в конце концов, подтолкнула и пристроила их. Умники, которые дразнили Фрэнка, конечно же славно устроились на постылых должностях в «Многопрофильной Кузнечно-Литейной», в «Илиумском Энергосвете», в «Телефонной Компании»...

А Секретный Агент Икс-9, генерал-майор, ей Богу, был здесь и предлагал сделать меня королём... — в пещере, занавешенной тропическим водопадом.

— Они реально изумились бы, остановись я и расскажи им, куда иду.

— Вы имеете в виду, у вас было некое предвидение о том, кем вы станете здесь? — Это был бокононистский вопрос.

— Я шёл в «Товары Джека для Хобби», — сказал он без всякого чувства разочарования.

— А-а.

— Все они знали, что я иду туда, но они не знали, что в действительности там происходило. Они реально изумились бы — особенно девушки — если бы узнали, что в действительности происходило. Девушки не догадывались, что я знаю о девушках всё.

— Что же в действительности происходило?

— Я тёр жену Джека каждый день. Вот так дошло, что в средней школе я всё время засыпал. Вот так дошло, что я никогда не достигал своего полного потенциала.

Он оторвался от этого постыдного воспоминания. — “Давайте. Станьте Президентом Сан Лоренцо. Вы, с вашими личностными качествами, будете в этом действительно хороши. Пожалуйста?”

Один-единственный подвох 90

И ночь, и пещера, и водопад — и каменный ангел в Илиуме...

И 250 000 сигарет, и 3 000 кварт выпивки, и две жены, и ни одной жены...

И никакая любовь не ждёт меня где бы то ни было...

И вялая жизнь бумагомарателя...

И Пабу — луна, и Борасиси — солнце, и их дети...

Всё словно сговорилось сформировать единый космический вин-дит, единый могучий толчок в бокононизм — веру, что Бог руководит моей жизнью, и что у Него есть для меня работа. И, внутренне, я сарунировал — иначе говоря, молча подчинился кажущимся требованиям своего вин-дита.

Внутренне, я согласился стать следующим Президентом Сан Лоренцо.

Внешне, я оставался насторожённым, подозрительным. “Здесь должен быть подвох”, — увиливал я.

— Его нет.

— Будут выборы?

— Их никогда не было. Мы просто объявим, кто теперь новый Президент.

— И никто не будет протестовать?

- Никто не протестует ни по какому поводу. Им не интересно. Им всё равно.
- Здесь должен быть подвох!
- Есть одно обстоятельство, — признал Фрэнк.
- Я так и знал! — я начал уклоняться от своего вин-дита. — Что за обстоятельство? В чём подвох?
- Ну, на самом деле, это не подвох, поскольку вы не обязаны делать это, если не хотите. Впрочем, это была бы отличная идея.
- Позвольте выслушать эту великую идею.
- Ну, если вы собираетесь быть Президентом, я думаю, вам действительно следует жениться на Моне. Но вы не обязаны, если не хотите. Вы — босс.
- Она выйдет за меня?
- Если она готова была выйти за меня, она выйдет за вас. Всё, что вам нужно сделать — попросить её.
- Почему она непременно скажет «да»?
- В «Книгах Боконона» предсказано, что она выйдет замуж за следующего Президента Сан Лоренцо, — сказал Фрэнк.

Мона 91

Фрэнк привёл Мону в пещеру её отца и оставил нас вдвоём. Сначала нам было трудно разговориться. Я был робок. Её платье было прозрачным. Её платье было небесно-голубым. Это было простое платье, слегка перехваченное в талии шёлковым шнурком. Все остальные формы принадлежали самой Моне. Её груди были словно плоды граната или чего там ещё, но более всего остального это были груди молодой женщины.

Её ноги были почти босыми. На пальцах её ступней был сделан изящный педикюр. Её лёгкие сандалии были золотыми.

- Как... как вы? — спросил я. Моё сердце колотилось. Кровь вскипала в моих ушах.
- Оплошность сделать невозможно, — заверила она меня. Я не знал, что это было традиционное приветствие всех бокононистов при встрече с робкой личностью. Поэтому я откликнулся лихорадочными рассуждениями о том, возможно ли сделать оплошность, или нет.
- Боже мой, вы даже не представляете, как много оплошностей я уже сделал. Перед вами чемпион мира по оплошностям, — ляпнул я — и далее в том же духе. — Вы не догадываетесь, что Фрэнк только что сказал мне?
- Обо мне?
- Обо всём, но особенно о вас.
- Он сказал, что я могу стать вашей, если вы захотите.
- Да.
- Это правда.
- Я... я... я...
- Да?
- Я не знаю, что дальше сказать.
- Боко-мару поможет, — предложила она.

— Что?

— Сними свои туфли, — скомандовала она. И она с величайшей грацией сбросила свои сандалии.

Я человек светский — у меня было, по однажды сделанным мною подсчётам, более пятидесяти трёх женщин. Я могу сказать, что я видел раздевающихся женщин во всевозможных видах. Я видел скрытые детали каждой вариации финального акта.

И всё же, единственная женщина, заставившая меня непроизвольно стонать, не сделала ничего большего, кроме как сняла свои сандалии.

Я пытался расшнуровать свои туфли. Ни у одного жениха не вышло бы это более неуклюже. Я избавился от одной туфли, но ещё туже затянул другую. Я сломал об узел ноготь большого пальца; в конце концов, сорвал туфлю, не расшнуровывая её.

Затем пришла очередь моих носков.

Мона уже сидела на полу: её ноги — вытянуты, её руки — согнуты и выставлены позади корпуса для поддержки, её голова — наклонена назад, её глаза — закрыты.

Теперь мне предстояло совершить моё первое, моё первое, моё первое, Боже Милостивый!..

Боко-мару.

Восторг поэта по случаю его первого боко-мару 92

Это слова не Боконона. Они мои.

Сладкий призрак,
Лёгкая дымка...
Я —
Душа моя —
Призрак, любовью слишком долго томимый
В одиночестве слишком долгом,
Другую желала ты милую душу встретить?
Вспомни мой давний совет,
Ты, страждущая,
О том, где две мятущиеся души
Повстречаться могли бы.
Подошвы, подошвы моих ступней!
Душа моя, душа моя,
Отправляйся туда,
Дорогая душа,
И растворись в поцелуе.
Ммммммммм.

Как я почти потерял свою Мону 93

- Теперь тебе легче разговаривать со мною? — осведомилась Мона.
- Как если бы я знал тебя тысячу лет, — признался я. Я готов был расплакаться. — Я люблю тебя, Мона.
- Я люблю тебя. — Она сказала это легко.
- Какой же дурак был Фрэнк!
- А?
- Что отказался от тебя.
- Он не любил меня. Он собирался жениться на мне только потому, что так хотел «папа». Он любит другую.
- Кого?
- Женщину, которую он знал в Илиуме. Счастливицей была, должно быть, жена владельца «Товаров Джека для Хобби».
- Он рассказал тебе?
- Сегодня вечером, когда он освободил меня для замужества с тобой.
- Мона?
- Да?
- Есть... есть ли кто-нибудь ещё в твоей жизни?
- Она была озадачена. “Многие”, — сказала она, наконец.
- Те, кого ты любишь?
- Я люблю каждого.
- Так же... так же сильно, как меня?
- Да. — У неё, казалось, и мысли не было, что это может меня беспокоить. Я поднялся с пола, сел в кресло и начал надевать свои носки и туфли обратно.
- Я полагаю, ты... ты совершаешь... ты делаешь то, что мы только что делали, с... с другими людьми?
- Боко-мару?
- Боко-мару.
- Конечно.
- С этого дня, я не хочу, чтобы ты делала это с кем-либо, кроме меня, — объявил я. Слезы наполнили её глаза. Она обожала свою свободу отношений; была разгневана тем, что я пытаюсь заставить её почувствовать стыд. — “Я делаю людей счастливыми. Любовь — это хорошо, а не плохо”.
- Как твой муж, я буду хотеть, чтобы вся твоя любовь принадлежала мне.
- Она уставилась на меня расширившимися глазами. — “Син-уэт!”
- Что это?
- Син-уэт! — заплакала она. — Человек, который хочет заполучить всю любовь кого-нибудь. Это очень плохо.
- В случае женитьбы, я думаю, это очень хорошо. Других вариантов нет.

Она всё ещё была на полу, а я, теперь уже в носках и туфлях, стоял. Я ощущал себя очень высоким, хотя я не очень высокий, и я ощущал себя очень сильным, хотя я не очень сильный, и мой собственный голос стал мне почтительно незнаком. Мой голос имел металлическую властность, что было ново.

Став разговаривать чеканным тоном, я был вдруг озарён осознанием того, что происходило — что уже происходило. Я уже начинал править.

Я рассказал Моне, что вскоре после моего прибытия я увидел её занимающейся чем-то вроде вертикального боко-мару с пилотом на трибуне. “У тебя с ним больше ничего не должно быть, — сказал я ей. — Как его имя?”

— Я даже не знаю, — прошептала она. Теперь она смотрела вниз.

— А как насчёт молодого Филипа Касла?

— Ты имеешь в виду боко-мару?

— Я имею в виду всё, что бы то ни было. Как я понимаю, вы с ним выросли вместе.

— Да.

— Вас обоих воспитывал Боконон?

— Да. — От воспоминания она снова просияла.

— Я полагаю, в те дни было множество боко-мару."

— О, да! — сказала она счастливо.

— С ним ты тоже не должна больше видеться. Это ясно?

— Нет.

— Нет?

— Я не выйду замуж за син-уэта. — Она поднялась. — Всего хорошего.

— Всего хорошего? — я был сокрушён.

— Боконон говорит нам, что очень неправильно не любить каждого в точности так же, как всякого другого. А что говорит твоя религия?

— Я... у меня её нет.

— А у меня есть.

Моё правление закончилось. “Я понял, что есть”, — сказал я.

— Всего хорошего, человек-без-религии. — Она направилась к каменным ступеням.

— Мона...

Она остановилась. — “Да?”

— Мог бы я принять твою религию, если бы захотел?

— Конечно.

— Я хочу.

— Хорошо. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — вздохнул я.

Высочайшая гора 94

Вот так на рассвете я обручился с самой красивой в мире женщиной. И я согласился стать следующим Президентом Сан Лоренцо.

«Папа» ещё не умер, и у Фрэнка возникло ощущение, что я, по возможности, должен получить «папино» благословение. И вот, когда Борасиси — солнце — взошло, мы с Фрэнком ехали в замок «папы» на джипе, который мы реквизируем у солдат, охранявших следующего Президента.

Мона осталась в доме Фрэнка. Я благоговейно поцеловал её, и она отошла к благословенному сну.

Мы с Фрэнком ехали через горы, сквозь рожицы диких кофейных деревьев, и пламенеющий восход освещал нас с правой стороны.

Как раз в момент восхода мне открылась величественная, словно кит, высочайшая вершина острова — гора Маккэйб. Это был огромный горб — голубой кит — с пиком в виде одинокого причудливого каменного обрубка на спине. В масштабе кита этот обрубок вполне соответствовал наконечнику воткнувшегося гарпуна, и он казался настолько не имеющим отношения к остальной части горы, что я спросил Фрэнка, не был ли он построен людьми.

Он рассказал мне, что это природное образование. Более того, он утверждал, что ни один человек, насколько ему известно, никогда не был на вершине горы Маккэйб.

— Выглядит так, как будто не очень сложно залезть, — прокомментировал я. За исключением обрубка на вершине, гора представляла собой склоны не более неприступные, чем ступеньки здания суда. И сам обрубок — во всяком случае, на расстоянии, — выглядел имеющим удобные скаты и уступы.

— Он какой-то священный? — спросил я.

— Может, был когда-нибудь раньше, до Боконона.

— Тогда почему на него никто не взобрался?

— Никто ещё этого не захотел.

— Возможно, я залезу на него.

— Вперёд. Вас никто не останавливает.

Мы ехали в молчании.

— Что священо для бокононистов? — спросил я через некоторое время.

— Даже не Бог, насколько я могу судить.

— Ничто?

— Всего одна вещь.

Я попробовал угадать. — «Океан? Солнце?»

— Человек, — сказал Фрэнк. — Вот и всё. Просто человек.

Я вижу крюк 95

Наконец, мы прибыли в замок.

Он был и приземистым, и чёрным, и brutальным.

Старинные пушки всё ещё покоились у амбразур. Ползучие растения и птичьи гнёзда закупирили бойницы, машикули и балистрарии¹.

На северной стороне парапеты замка примыкали к эскарпу чудовищной крутизны, обрывававшемуся с высоты шестисот футов² прямо в неосязаемо-тёплое море.

Замок поднимал вопрос, который поднимают все такие каменные нагромождения — как же переместили жалкие люди столь огромные камни? И, подобно всем таким каменным нагромождениям, он сам отвечал на этот вопрос. Тупой террор переместил те, столь огромные, камни.

Замок был выстроен по приказу Там-бамуа, Императора Сан Лоренцо — душевнобольного человека, беглого раба. Говорят, Там-бамуа взял его эскиз из какой-то детской книжки с картинками.

Жестокой, должно быть, была та книга.

Прямо перед тем, как мы достигли дворцовых ворот, дорожные колеи пронесли нас сквозь нескладную арку, сделанную из двух телефонных столбов и перекладины, их соединявшей.

Посреди перекладины свешивался огромный железный крюк. На крюк была насажена табличка.

— Этот крюк, — гласила табличка, — припасён для самого Боконона.

Я обернулся, чтобы снова взглянуть на крюк, и эта штука из острого железа напомнила мне, что я действительно собираюсь править. Я сброшу крюк!

И я льстил себе, что я буду надёжным, справедливым и добрым правителем, и что мой народ будет процветать.

Фата-Моргана.

Мираж!

-----
¹ Машикуль — вертикальная бойница в нависающей части крепостной стены.

Балистрарий — крестообразная бойница для стрельбы из арбалета.

² около 183 метров.

Колокольчик, книга и курица в шляпной коробке 96

Мы с Фрэнком не смогли тотчас же увидеть «папу». Д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд, лечащий врач, пробормотал, что нам придётся подождать около получаса. Так что мы с Фрэнком ждали в приёмной «папиных» покоев — в комнате без окон. Комната была квадратная, размером тридцати футов¹, обставленная несколькими грубыми скамьями и картонным столом. Картонный стол служил опорой электровентилятору. Стены были каменные. Ни картин, ни каких-либо иных украшений на стенах не было.

На стенах, однако, были закреплены кольца — с интервалом в шесть футов и на высоте семи футов от пола. Я спросил Фрэнка, не была ли когда-нибудь эта комната пыточной камерой.

Он сказал мне, что была, и что люк, на крышке которого я стоял, — это спуск в ублиет².

В приёмной находился вялый охранник. Там был ещё и христианский священник, готовый позаботиться о духовных нуждах «папы», как только они возникнут. У него был и бронзовый колокольчик, каким созывают к обеду, и шляпная коробка с дырочками, просверленными в ней, и Библия, и мясницкий нож — всё было разложено на скамейке рядом с ним.

Он рассказал мне, что в шляпной коробке была живая курица. Курица вела себя тихо, сказал он, потому что он накормил её транквилизаторами.

Подобно всем сан-лоренцианам, перешедшим черту двадцатипятилетия, он выглядел лет минимум на шестьдесят. Он рассказал мне, что имя его — д-р Вокс Хумана³, что его назвали в честь органного регистра, которым стукнуло его мать, когда в 1923-м году Сан Лоренценский Собор взорвали динамитом. Его отец, рассказал он мне, нисколько не смущаясь, был неизвестен.

Я спросил, какую именно христианскую секту он представляет, и я высказался откровенно, что курица и мясницкий нож — это какие-то новшества, во всяком случае, в моём понимании христианства.

— Насчёт колокольчика, — прокомментировал я, — могу понять, как славно он мог бы вписаться.

Он оказался интеллигентным человеком. Его докторская степень, в которой он предлагал мне удостовериться, была присуждена Библейским Университетом Западного Полушария в Литтл Роке, Арканзас. Этот университет он нашёл через тематическую рекламу в «Популярной Механике»⁴, рассказал он мне. Он сказал, что девиз университета стал его собственным девизом, и что этот девиз объясняет и курицу, и мясницкий нож. Девиз университета был таким:

ОЖИВИ РЕЛИГИЮ!

Он сказал, что ему пришлось нащупать свой путь в христианстве, поскольку католицизм и протестантизм были объявлены вне закона вместе с боконоизмом.

— Так что, если я собираюсь быть христианином в таких обстоятельствах, я должен выдумать много чего нового.

— Тук-ко, — сказал он на диалекте, — иззи йи зоби-ра-зю бит-ту крит-тином ву тикка обуз-бо-йаз'ва, йи боз-за выб-бу магу чи ноббо.

Очень немецкий, очень усталый, д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд вышел из «папиных» покоев, — “Теперь вы можете навестить «папу»”.

— Мы позаботимся, чтобы не утомить его, — обещал Фрэнк.

— Если бы вы могли его убить — сказал фон Кёнигсвальд, — я думаю, он был бы вам признателен.

-----
¹ около девяти метров.

² глухая каменная тюрьма для осуждённых на голодную смерть (от франц. oublier — забывать).

³ Vox Humana (лат.) — голос человеческий.

⁴ научно-популярный журнал.

Мерзкий христианин 97

«Папа» Монзано и его безжалостная болезнь лежали в кровати, сделанной из золотой шлюпки: румпель, фалинь, уключины, всё — всё позолоченное. Его кроватью была спасательная шлюпка со старой шхуны Боконона, «Дамского Тапка» — это была спасательная шлюпка судна, так много лет назад доставившего Боконона и капрала Маккэйба в Сан Лоренцо.

Стены комнаты были белыми. Но от «папы» исходила столь горячая и резкая боль, что стены, казалось, отсвечивали гневно-красным.

Он был раздет выше пояса; его блестящая от пота брюшная стенка сморщилась. Живот его вздрагивал, словно парус под ветром.

На шее у него висела цепочка с амулетом-цилиндром размером с винтовочный патрон. Я предположил, что цилиндрок содержал некие магические чары. Я ошибался. В нём был осколок льда-девять.

«Папа» едва мог говорить. Его зубы стучали, и он не мог контролировать дыхание.

«Папина» агонизирующая голова, откинувшись назад, опиралась на штевень шлюпки.

Рядом с кроватью стоял ксилофон Моны. По-видимому, прошлым вечером она пыталась утешить «папу» музыкой.

— Папа? — прошептал Фрэнк.

— Прощай, — выдохнул «папа». Его невидящие глаза выпучились.

— Я привёл друга.

— Прощай.

— Он будет следующим Президентом Сан Лоренцо. Он будет гораздо лучшим Президентом, чем был бы я.

— Лёд! — застонал «папа».

— Он просит льда, — сказал фон Кёнигсвальд. — Когда мы приносим его, он отказывается.

«Папа» закатил глаза. Он расслабил шею, снимая вес своего тела с макушки. И затем он снова откинул голову назад. «Не важно, — сказал он, — кто Президент Са... » Он не закончил.

За него закончил я: «Сан Лоренцо?»

— Сан Лоренцо, — согласился он. Он ухитрился выдать кривую улыбку. — Удачи! — прохрипел он.

— Спасибо, сэр, — сказал я.

— Не важно! Боконон. Достань Боконона.

Я предпринял попытку ответить на это театральную реплику. Я помнил, что для поднятия народного настроения Боконон всегда был преследуем, но никогда не был схвачен. — «Я достану его».

— Скажи ему...

Я наклонился ближе, чтобы услышать послание от «папы» к Боконону.

— Скажи ему, мне жаль, что я не убил его, — сказал «папа».

— Скажу.

— Ты убьёшь его.

— Так точно, сэр.

«Папа» обрёл достаточный контроль над своим голосом, чтобы сделать его командным.
— Я имею в виду — по-настоящему!

На это я ничего не сказал. Я не рвался никого убивать.

— Он учит людей лжи, лжи, и лжи. Убей его — и научи людей правде.

— Так точно, сэр.

— Ты с Хёникером — вы научите их науке.

— Так точно, сэр, мы научим, — пообещал я.

— Наука — это магия, которая работает.

Он замолчал, расслабился, закрыл глаза. И затем он прошептал: “Последние ритуалы”.

Фон Кёнигсвальд пригласил д-ра Вокс Хуману зайти. Д-р Хумана достал из шляпной коробки свою транквилизированную курицу, готовясь отправить последние христианские ритуалы — в своём понимании.

«Папа» открыл один глаз. “Не тебя, — ухмыльнулся он д-ру Хумане. — Убирайся!”

— Сэр? — спросил д-р Хумана.

— Я приверженец бокононистской веры, — прохрипел «папа». — Убирайся — ты, мерзкий христианин.

Последние ритуалы 98

Вот так я удостоился чести увидеть последние ритуалы бокононистской веры.

Мы предприняли усилие найти кого-нибудь среди солдат или прислуги, кто признался бы, что знает ритуалы, и отправил бы их «папе». Добровольцев мы не нашли. Это едва ли удивляло — в такой близости от крюка и ублюдета.

Так что д-р фон Кёнигсвальд сказал, что приступить к работе должен будет он. Раньше он никогда не отправлял ритуалы, но сотни раз видел, как делает это Джулиан Касл.

— Вы бокононист? — спросил я его.

— Я согласен с одной бокононистской мыслью. Я согласен, что все религии, включая бокононизм — не что иное, как выдумки.

— Будет ли вам, как учёному, досадно, — уточнил я, — проводить ритуал наподобие этого?

— Я очень плохой учёный. Я сделаю всё, чтобы человеческое существо почувствовало себя лучше, даже если это и ненаучно. Ни один учёный, достойный этого звания, не смог бы сказать такую вещь.

И он залез в золотую лодку с «папой». Он сел на корме. Стеснённое пространство вынудило его засунуть золотой румпель под мышку.

Он носил сандалии без носков, и он снял их. И затем он отвернул покрывало на постели, обнажив босые «папины» ноги. Он прижал подошвы своих ступней к ступням «папы», принимая классическую позу для боко-мару.

Бугга забал глун-ну 99

- Бокк создаль клину, — напел вполголоса д-р фон Кёнигсвальд.
  - Бугга забал глун-ну, — эхом откликнулся «папа» Монзано.
  - Бог создал глину, — вот что сказали они, каждый на своём диалекте. Я воспроизведу литанию¹ без диалектов.
  - Богу стало одиноко, — сказал фон Кёнигсвальд.
  - Богу стало одиноко.
  - И Бог сказал комку глины: "Сядь!"
  - И Бог сказал комку глины: "Сядь!"
  - "Увидь всё, что я создал, — сказал Бог, — холмы, море, небо, звёзды".
  - "Увидь всё, что я создал, — сказал Бог, — холмы, море, небо, звёзды".
  - И я был комком глины, которая села и огляделась вокруг.
  - И я был комком глины, которая села и огляделась вокруг.
  - Повезло же мне; повезло же глине.
  - Повезло же мне; повезло же глине. — По щекам «папы» катились слёзы.
  - Я, глина, сел и увидел, какую славную работу сделал Бог.
  - Я, глина, сел и увидел, какую славную работу сделал Бог.
  - Славно вышло, Боже!
  - Славно вышло, Боже! — «Папа» сказал это от всего сердца.
  - Никто, кроме Тебя, не смог бы сделать такого, Боже! Я — точно не смог бы.
  - Никто, кроме Тебя, не смог бы сделать такого, Боже! Я — точно не смог бы.
  - Я чувствую себя таким незначительным в сравнении с Тобой.
  - Я чувствую себя таким незначительным в сравнении с Тобой.
  - Один лишь способ мне почувствовать себя чуточку важным — подумать обо всей той глине, которой не дано было даже сесть и оглядеться вокруг.
  - Один лишь способ мне почувствовать себя чуточку важным — подумать обо всей той глине, которой не дано было даже сесть и оглядеться вокруг.
  - Я получил так много, а большая часть глины получила так мало.
  - Я получил так много, а большая часть глины получила так мало.
  - Спасипо Тепе за шесть! — воскликнул фон Кёнигсвальд.
  - Зубба-зибо Тии зу чезза! — прохрипел «папа».
- Оба они произнесли: "Спасибо Тебе за честь!"
- Теперь глина лежит и отходит ко сну.
  - Теперь глина лежит и отходит ко сну.
  - Какие чудесные для глины воспоминания!
  - Какие чудесные для глины воспоминания!
  - До чего интересные комки поднявшейся глины встретились мне!
  - До чего интересные комки поднявшейся глины встретились мне!
  - Я люблю всё, что я видел!
  - Я люблю всё, что я видел!
  - Доброй ночи.

— Доброй ночи.
— Теперь я отправляюсь на небеса.
— Теперь я отправляюсь на небеса.
— Я жду не дождусь...
— Я жду не дождусь...
— Когда узнаю точно, что было моим вампитером...
— Когда узнаю точно, что было моим вампитером...
— И кто был в моей карассе...
— И кто был в моей карассе...
— И всё то доброе, что наша карасса делала для Тебя.
— И всё то доброе, что наша карасса делала для Тебя.
— Аминь.
— Аминь.

-----
¹ Литания — молитва, состоящая из воззваний, произносимых священником и повторяемых паствой.

Фрэнк опускается в ублиет 100

Но «папа» не умер и не отправился на небеса — не в этот раз. Я спросил Фрэнка, как бы нам подобрать лучшее время, чтобы провозгласить моё вступление в президентство. От него не пришло ни помощи, ни идей — он всё переложил на меня.

— Я думал, вы будете поддерживать меня, — пожаловался я.
— Как только речь зайдёт о чём-либо техническом. — Насчёт этого Фрэнк был очень строг. Я не должен был нарушать целостность его, как технического работника, не должен был заставлять его выходить за пределы своей должности.

— Понятно.
— Как бы вы ни захотели обращаться с народом — меня это устроит. Это ваша ответственность.

Это резкое отстранение Фрэнка от всех человеческих отношений шокировало и возмутило меня, и я сказал ему, подразумевая сарказм: “Не возражаете ли вы сообщить мне, что — чисто в техническом смысле — запланировано на этот величайший день?”

Я получил строго технический ответ. — “Ремонт электростанции и постановка авиашоу”.
— Хорошо! Итак, одним из моих первых триумфов в качестве Президента будет возвращение электричества моему народу.

Фрэнк не увидел в этом ничего забавного. Он отдал мне честь. — Я постараюсь, сэр. Я сделаю для вас всё, что смогу, сэр. Я не могу ручаться за сроки, в которые мы восстановим ток.

— Это как раз то, что я хочу — страна, насыщенная токами.
— Я сделаю всё, что в моих силах, сэр. — Фрэнк снова отсалютовал мне.
— Кстати, авиашоу? — спросил я. — Что это?

Я получил ещё один сухой ответ. — “В час пополудни, сэр, шесть самолётов Военно-Воздушных Сил Сан Лоренцо пролетят над дворцом и поразят надводные мишени. Это —

часть празднования Дня Сотни Мучеников за Демократию. Американский Посол планирует также бросить в море венки”

И вот я решил, в предварительном порядке, что Фрэнк провозгласит мой апофеоз сразу же после церемонии с венком и авиашоу.

— Что вы думаете об этом? — сказал я Фрэнку.

— Вы — босс, сэр.

— Думаю, мне было бы лучше иметь подготовленную речь, — сказал я. — И должно быть что-то вроде принесения присяги, чтобы смотрелось достойно, торжественно.

— Вы — босс, сэр. — Всякий раз, когда он произносил эти слова, они казались удаляющимися всё дальше и дальше, как если бы Фрэнк спускался по ступенькам лестницы в глубокую шахту, в то время как я был обязан оставаться наверху.

И я с горечью осознал, что моё согласие стать боссом дало Фрэнку свободу делать то, что он хотел делать больше всего на свете, делать то, что делал его отец — получать почёт и творческий комфорт, избегая при этом всякой человеческой ответственности. Он достигал этой цели, опускаясь в духовный ублиет.

Подобно своим предшественникам, я объявляю Боконона вне закона 101

Вот так я написал свою речь в круглой, голой комнате в основании башни. Там были стол и кресло. И речь, которую я написал, была и круглой, и голой, а ещё и скудно украшенной. Она была обнадёживающей. Она была смиренной.

И я нашёл невозможным не опереться на Бога. До этого я никогда не нуждался в такой поддержке, и поэтому никогда не верил в то, что такая поддержка доступна.

Теперь же я обнаружил, что должен поверить в неё — и я поверил.

Вдобавок, мне понадобится помощь людская. Я запросил список гостей, которые должны были присутствовать на церемониях, и обнаружил, что Джулиана Касла и его сына не пригласили. Я сразу же отправил посыльных, чтобы их пригласить, поскольку они знали о моём народе больше, чем любой другой, за исключением Боконона.

Что касается Боконона:

Я размышлял, не попросить ли его войти в моё правительство, открыв, таким образом, что-то вроде новой эры для моего народа. И я подумывал приказать, чтобы отвратительный крюк перед воротами дворца был тотчас же сброшен, посреди великого ликования.

Но затем я понял, что новая эра должна будет предложить нечто большее, нежели святой, наделённый властью, что должны быть в изобилии и хорошие продукты для всех, и хорошее жильё для всех, и хорошие школы, и хорошее здоровье, и добрые времена для всех, и работа для всех, кто её захочет, — вещи, которые мы с Боконом были не в состоянии обеспечить.

Так что добро и зло должны были оставаться разделёнными: добро — в джунглях, зло — во дворце. Какое ни есть из этого развлечение — вот почти всё, что имели мы предложить народу.

В мою дверь постучали. Слуга сказал мне, что гости начали прибывать.

Так что я положил свою речь в карман и взошёл по спиральной лестнице своей башни. Я появился на самой верхней площадке своего замка и оглядел своих гостей, своих слуг, свой утёс и своё неосяземо-тёплое море.

Враги свободы 102

Когда я вспоминаю всех тех людей на самой верхней площадке моего замка, мне приходит на ум бокононовское «Сто девятнадцатое Калипсо», в котором он предлагает нам спеть вместе с ним:

"Где же старая добрая банда моя?"

Он сказал, глядя облаку вслед.

И тогда прошептал ему на ухо я:

"Они там, где нас ещё нет".

Присутствовали Посол Хорлик Минтон и его жена; Х. Лоув Кросби, производитель велосипедов, и его Хэйзел; д-р Джулиан Касл, гуманист и филантроп, и его сын Филип, писатель и владелец отеля; маленький Ньютон Хёникер, рисовальщик картин, и его музыкальная сестра, миссис Харрисон С. Коннерс; моя неземная Мона; генерал-майор Франклин Хёникер; и двадцать различных сан-лоренценских чиновников и военных.

Мертвы — почти все теперь мертвы.

Как говорит нам Боконон: *"Никогда не будет ошибкой сказать «прощай»"*.

На парапетной площадке моего замка был устроен буфет — буфет, который переполняли местные деликатесы: жареные славки в маленьких обёртках, сделанных из их собственных зелёно-голубых перьев; лавандовые сухопутные крабы, вынутые из своих панцирей, измельчённые, жареные в кокосовом масле и засунутые обратно в панцири; мальки барракуды, фаршированные банановым пюре; и маленькие кубики мяса варёного альбатроса на пресных, неприправленных кукурузных лепёшках.

Альбатроса, рассказали мне, подстрелили прямо из башенки, в которой стоял буфет. Предлагались два напитка, оба без льда: пепси-кола и местный ром. Пепси-колу подавали в пластиковых стаканчиках. Ром подавали в половинках кокосов. Я никак не мог распознать сладкий букет рома — впрочем, он чем-то напоминал мне о ранней юности.

Фрэнк смог назвать мне этот букет. — "Ацетон".

— Ацетон?

— Используется в авиамодельном клее.

Я не стал пить ром.

Посол Минтон много раз пиршественно, по-посольски поднимал свой кокос, делая вид, что любит всех людей и все напитки, которые их подкрепляют. Но я не видел, чтобы он пил. У него с собой, кстати, была ручная кладь, какую до этого я никогда не видел. Она выглядела как футляр от французского рожка и содержала, как выяснилось, мемориальный венок, который планировалось бросить в море.

Единственным, кого я видел пьющим ром, был Х. Лоув Кросби, у которого просто не было чувства обоняния. Он приятно проводил время, попивая ацетон из своего кокоса, сидя на пушке, закрыв запальное отверстие своим большим задом. Он глядел на море сквозь огромный японский бинокль. Он рассматривал мишени, установленные на притопленных буюх, заякоренных на удалении от берега.

Мишени были картонными человеческими фигурами.

Их должны были обстреливать и бомбить для демонстрации мощи шести самолётов Военно-Воздушных Сил Сан Лоренцо.

Каждая мишень была карикатурой на реального персонажа, и имя этого персонажа было напечатано на мишени спереди и сзади.

Я спросил, кто был карикатуристом, и узнал, что это д-р Вокс Хумана, христианский священник. Он стоял у моего локтя.

— Я не знал, что вы талантливы и в этом направлении.

— О, да. Когда я был юношей, мне было очень тяжело решить, кем стать.

— Думаю, сделанный вами выбор был правильным.

— Я молился о наставлении Свыше.

— Вы его получили.

Х. Лоув Кросби передал свой бинокль жене. — “Там старина Джо Сталин, ближе всех, и старина Фидель Кастро — стоит на якоре сразу за ним”.

— И ещё старина Гитлер, — радостно хихикнула Хэйзел. — И ещё старина Муссолини и какой-то старина-япошка.

— И ещё старина Карл Маркс.

— И ещё старина Кайзер Билл — шлем с пикой и всё такое, — проворковала Хэйзел — Никак не ожидала, что снова его увижу.

— И ещё старина Мао. Ты видишь старину Мао?

— Разве он на это не нарывался? — спросила Хэйзел. — Разве он не нарывался заполучить такой сюрприз? Вот уж точно остроумная идея.

— У них тут практически все враги, каких когда-либо знала свобода, — объявил Х. Лоув Кросби.

Медицинское мнение по поводу забастовки писателей 103

Ни один из гостей ещё не знал, что я должен стать Президентом. Ни один не знал, насколько «папа» близок к смерти. Фрэнк сделал официальное заявление, что «папа» спокойно отдыхает, что «папа» передаёт всем свои наилучшие пожелания.

Порядок событий, объявленный Фрэнком, был такой — Посол Минтон бросит свой венок в море, в честь Сотни Мучеников; затем самолёты расстреляют мишени в море; и затем он, Фрэнк, скажет несколько слов.

Он не стал говорить, что следом за его речью будет речь моя.

Так что меня считали не более чем приезжим журналистом, и я вовлекался в безобидное гранфалунство налево и направо.

— Привет, мама, — сказал я Хэйзел Кросби.

— А как же, разве ж это не мой мальчик! — Хэйзел заключила меня в надушенные объятия и стала рассказывать каждому, — Этот мальчик — хузер.

Каслы, отец и сын, стояли отдельно от остальной компании. Давно нежеланным в «папином» дворце, им было любопытно, почему же их теперь сюда пригласили.

Молодой Касл назвал меня «Хватом». — “Доброе утро, Хват. Что новенького в мировой игре?”

— О том же самом я мог бы спросить у вас, — ответил я.

— Я думаю о том, чтобы призвать всех писателей к всеобщей забастовке до тех пор, пока человечество, наконец, не образумится. Вы поддержите её?

— Разве писатели имеют право бастовать? Это как если бы забастовала полиция или пожарные.

— Или профессора колледжей.

— Или профессора колледжей, — согласился я. Я покачал головой — Нет, не думаю, что совесть позволит мне поддержать забастовку, подобную этой. Когда человек становится писателем, я считаю, он берёт на себя священную обязанность на полной скорости производить и красоту, и просвещение, и утешение.

— Я просто не могу перестать думать, какую реальную встряску получили бы люди, если бы совершенно вдруг не стало новых книг, новых пьес, новых историй, новых поэм...

— И как были бы вы горды, когда люди стали бы умирать, как мухи? — предположил я.

— Я думаю, они, скорее, умирали бы как бешеные собаки — рыча и хватая друг друга, и кусая свои собственные хвосты.

Я повернулся к Каслу-старшему. — “Сэр, как же умирает человек, когда он лишён утешения литературой?”

— Одним из двух путей, — сказал он, — окаменение сердца или отмирание нервной системы.

— Мне кажется, ни тот, ни другой не очень-то приятны, — предположил я.

— Да, — сказал Касл-старший. — Ради любви Божьей, вы оба — пожалуйста, не бросайте писать!

Сульфатиозол 104

Моя неземная Мона не приближалась ко мне и не воодушевляла меня томными взглядами подойти к ней. Она взяла на себя роль хозяйки дома, представляя Энджелу и маленького Ньюта сан-лоренцианам.

Когда теперь я размышляю о сущности этой девушки — вспоминаю её безразличие к «папиному» падению, к её обручению со мной — я колеблюсь между возвышенными и низменными оценками.

Представляла ли она высшую форму женской духовности?

Или была она бесчувственной, фригидной — по сути дела, холодной рыбой, помешанной на ксилофоне, культе красоты и боко-мару?

Я никогда не узнаю.

Боконон говорит нам:

*Любящий — тот же лжец,
Он лжёт самому себе.
Правдивые — те, кто не любит,
Глаза их — как сопли в воде!*

Так что, я полагаю, инструкции мои ясны. Я должен помнить свою Мону возвышенной.

— Скажите, — обратился я к молодому Филипу Каслу в День Сотни Мучеников за Демократию, — вы разговаривали сегодня с вашим другом и почитателем, Х. Лоувом Кросби?

— Он не узнал меня в костюме, туфлях и галстук, — отвечал молодой Касл. — Мы уже мило побеседовали о велосипедах. Можем ещё раз.

Я обнаружил, что меня больше не забавляет желание Кросби собирать велосипеды в Сан Лоренцо. Как глава исполнительной власти острова, я очень хотел велосипедную

фабрику. Во мне проявилось внезапное уважение к тому, чем был Х. Лоув Кросби, и что он мог сделать.

— Как, по-вашему, народ Сан Лоренцо воспримет индустриализацию? — спросил я Каслов, отца и сына.

— Народу Сан Лоренцо, — сказал мне отец, — интересны только три вещи: рыбалка, внебрачный секс и бокононизм.

— Не думаете ли вы, что их мог бы заинтересовать прогресс?

— В некоторой степени они с ним знакомы. Есть только один аспект прогресса, который их действительно возбуждает.

— Что же это?

— Электрическая гитара.

Я извинился и вновь присоединился к Кросби.

С ними был Фрэнк Хёникер — объяснял, кто такой Боконон, и против чего он. — “Он против науки”.

— Как может кто-либо в здравом уме быть против науки? — спросил Кросби.

— Сейчас я была бы мертва, если бы не пенициллин, — сказала Хэйзел. — И моя мать тоже.

— Сколько лет вашей матери? — поинтересовался я.

— Сто шесть. Разве это не чудесно?

— Несомненно, так, — согласился я.

— И ещё я была бы вдовой, если бы не лекарство, которое дали моему мужу в тот раз, — сказала Хэйзел. Ей пришлось спросить мужа, как называлось лекарство. — Милый, как называлось то, что спасло в тот раз твою жизнь?

— Сульфатаиазол.

И я совершил ошибку, взяв альбатросное канапе с проносимого мимо подноса.

Болеутоляющее 105

Так вот случилось, — *“И предполагалось тому случиться”*, — сказал бы Боконон — что мясо альбатроса так жестоко не поладило со мной, что мне стало дурно от первого же проглоченного куска. Я был вынужден лёгким галопом спуститься по каменной спиральной лестнице в поисках ванной комнаты. Я воспользовался той, что примыкала к «папиным» покоем.

Когда я, пошатываясь, вышел — несколько облегчённый, — мне подвернулся д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд, выскакивавший из «папиной» спальни. У него был безумный вид, и он схватил меня за руки и закричал: “Что это? Что это висело у него на шее?”

— Прошу прощения?

— Он принял это! Что бы ни было в том цилиндрике, «папа» принял его — и теперь он мёртв.

Я вспомнил цилиндрик, висевший у «папы» на шее, и сделал очевидное предположение о его содержимом: “Цианид?”

— Цианид? Цианид за секунду превращает человека в цемент?

— Цемент?

— Мрамор! Железо! До этого я никогда не видел таких жёстких трупов. Постучите по нему, и вы извлечёте ноту, как из маримбы¹! Взгляните! — Фон Кёнигсвальд подтолкнул меня в «папину» спальню.

На кровать — на золотую шлюпку — жутко было смотреть. «Папа» был мёртв, но это не был труп, о котором можно было бы сказать: “Упокоился, наконец”.

«Папина» голова была запрокинута назад, насколько это было возможно. Его вес держался на темени и подошвах ступней, в то время как остальное тело образовывало мостик, дугой выгибавшийся к потолку. Он принял форму подставки для дров в камине.

Было очевидно, что умер он от содержимого цилиндрика со своей шеи. Одна рука держала цилиндрик, и цилиндрик был без колпачка. А большой и указательный пальцы другой руки, словно только что отпустившие небольшую щепотку чего-то, застыли между зубов.

Д-р фон Кёнигсвальд вытянул стержень уключины из гнезда в борту позолоченной шлюпки. Он дотронулся до «папиного» живота стальной уключиной, и «папа» действительно издал звук, словно маримба.

И «папины» губы, и ноздри, и глазные яблоки были покрыты синевато-белой льдистой глазурью.

Такой синдром, видит Бог, теперь уже не в диковинку. Но в то время он, несомненно, был таковым. «Папа» Монзано был первым в истории человеком, умершим от льда-девять.

Я записываю этот факт на всякий случай. *“Записывайте всё”*, — говорит нам Боконон. На самом деле он говорит нам, конечно, о том, до чего же напрасно писать или читать исторические хроники. *“Без точных записей о прошлом, как могут мужчины и женщины рассчитывать избежать серьёзных ошибок в будущем?”* — спрашивает он иронически.

Итак, ещё раз: «Папа» Монзано был первым в истории человеком, умершим от льда-девять.

-----
¹ Маримба — африканский ударный инструмент наподобие ксилофона.

Что говорят бокононисты, когда совершают самоубийство 106

Д-р фон Кёнигсвальд, гуманист с ужасным отрицательным балансом Аушвица на счету своих добрых дел, был вторым умершим от льда-девять.

Он рассуждал на тему, которую я предложил, — о трупном окоченении.

— «Ригор мортис» не наступает за секунды, — объявил он. — Я отвернулся от «папы» лишь на мгновение. Он бредил...

— О чём? — спросил я.

— Боль, лёд, Мона — обо всём. И затем «папа» сказал: "Сейчас я уничтожу целый мир".

— Что он под этим подразумевал?

— Это то, что бокононисты говорят всегда, когда собираются совершить самоубийство. — Фон Кёнигсвальд подошёл к тазику с водой, намереваясь вымыть руки. — Когда я обернулся взглянуть на него, — сказал он мне, держа руки над водой, — он был мёртв — твёрдый, как статуя, в точности, каким вы его видите. Я провёл пальцами по его губам. Они выглядели так необычно.

Он опустил руки в воду. “Что за химикат мог, возможно...” — Вопрос оборвался.

Фон Кёнигсвальд поднял руки, и вода в тазике поднялась вместе с ними. Это была уже не вода, а полусфера из льда-девять.

Фон Кёнигсвальд прикоснулся кончиком языка к синевато-белому чуду.

Иней расцвёл на его губах. Он застыл, закачался и свалился.

Синевато-белая полусфера разбилась вдребезги. Обломки рассыпались по полу.

Я подошёл к двери и крикнул, чтобы пришли на помощь.

Прибежали солдаты и слуги.

Я приказал им немедленно привести в «папину» комнату Фрэнка и Ньюта с Энджелой.

Наконец-то я увидел лёд-девять!

Полюбуйтесь! 107

Я пропустил троих детей д-ра Феликса Хёникера в спальню «папы» Монзано. Я закрыл дверь и встал к ней спиной. Моё настроение было горьким и величественным. Я знал, что представлял собой лёд-девять. Я часто видел его во сне.

Не могло быть сомнений, что Фрэнк дал «папе» лёд-девять. И представлялось верным, что если уж был лёд-девять Фрэнка, то был также и лёд-девять Энджелы, и лёд-девять маленького Ньюта.

Так что я зарычал на всех троих, призывая их ответить за чудовишно преступное поведение. Я сказал им, что игра закончена, что я знаю о них и о льде-девять. Я старался донести до них тревогу о том, что лёд-девять — это средство покончить с жизнью на Земле. Я был настолько выразителен, что они даже не подумали спросить, как я узнал о льде-девять.

— Полюбуйтесь! — сказал я.

Ну, как говорит нам Боконон: *“Бог за всю Свою Жизнь не написал ни одной хорошей пьесы”*. Сцена в «папиной» комнате не испытывала недостатка в эффектных декорациях и реквизите; и моя вступительная речь была что надо.

Но первая же реплика Хёникеров разрушила всё великолепие.

Маленького Ньюта стошнило.

Фрэнк говорит нам, что делать 108

И тут всех нас потянуло блевать.

Ньют определённо делал то, что требовалось.

— Совершенно с вами согласен, — сказал я Ньюту. И я зарычал на Энджелу и Фрэнка, — Теперь, когда мы знаем мнение Ньюта, хотел бы я услышать, что имеете сказать вы двое.

— Ы-ык, — сказала Энджела — съевшись, с высунутым языком. Она была цвета оконной замазки.

— Таково и ваше мнение? — спросил я Фрэнка. — "Ы-ык?" Генерал, вы это хотите сказать? Фрэнк обнажил свои зубы, и его зубы были сжаты, и он часто и со свистом дышал сквозь них.

— Как та собака, — пробормотал маленький Ньют, глядя вниз на фон Кёнигсвальда.

— Какая собака?

Свой ответ Ньют прошептал почти беззвучно, одними лишь губами. Но в комнате с каменными стенами была такая акустика, что мы все услышали этот шёпот так чётко, как будто услышали звон хрустального колокольчика.

— Канун Рождества, когда умер отец.

Ньют разговаривал сам с собой. И когда я попросил его рассказать мне о той собаке и о том вечере, когда умер его отец, он посмотрел на меня так, словно я вторгся в его сон. Он находил меня неуместным.

Брат и сестра, однако, присутствовали в его сне. И, разговаривая со своим братом в том кошмаре, он сказал Фрэнку: “Ты отдал это ему”.

— И за это ты получил свою шикарную должность, не так ли? — задумчиво спросил Фрэнк Ньют. — Что ты ему сказал — что у тебя есть что-то получше водородной бомбы?

Фрэнк не воспринял вопрос. Он внимательно осматривал комнату, подмечая каждую деталь. Он разжал зубы, часто ими застучал, моргая глазами в такт зубам. К нему возвращался естественный цвет. Вот что он сказал:

— Послушайте, мы должны убрать это дерьмо.

Фрэнк защищается 109

— Генерал, — сказал я Фрэнку, — это, должно быть, одно из самых бесспорных утверждений, сделанных генерал-майорами в этом году. Как мой технический советник, что вы посоветуете, чтобы мы, как вы удачно выразились, «убрали это дерьмо»?

Фрэнк дал мне чёткий ответ. Он щёлкнул пальцами. Я мог видеть, как он отделял себя от причин этого дерьма, — отождествляя себя, с нарастающей гордостью и энергией, с чистильщиками, спасителями мира, уборщиками.

— Мётлы, совки, паяльная лампа, плита, ведра, — командовал он, и щёлкал, щёлкал, щёлкал пальцами.

— Вы предлагаете обработать тела паяльной лампой? — спросил я.

Фрэнк был так увлечён обдумыванием технических деталей, что он практически отбивал чечётку под щёлканье пальцев. — “Мы сметём с пола крупные куски, расплавим их в ведре на плите. Затем мы обработаем каждый квадратный дюйм пола паяльной лампой — на случай, если там остались микроскопические кристаллы. Что мы будем делать с телами и с кроватью...” — Ему пришлось задуматься.

— Погребальный костёр! — воскликнул он, не понарошку довольный собой. — У крюка я сложу огромный погребальный костёр — мы вынесем и сбросим в него тела и кровать.

Он собрался было уйти, чтобы распорядиться сложить костёр и взять вещи, необходимые нам, чтобы прибрать комнату.

Энджела остановила его. “Как ты мог?” — желала она знать.

Фрэнк одарил её стеклянной улыбкой: “Всё будет отлично”.

— Как ты мог отдать это такому человеку, как «папа» Монзано? — спросила его Энджела.

— Давай, сначала уберём дерьмо; а потом мы сможем поговорить.

Энджела взяла его за плечи и не давала уйти. “Как ты мог!” — Она встряхнула его.

Фрэнк с усилием снял с себя руки сестры. Его стеклянная улыбка пропала, и на мгновение он гадко ухмыльнулся — в тот миг, когда он сказал ей со всем возможным презрением: “Я

купил себе должность точно так же, как ты купила себе мужа-кобеля; точно так же, как Ньют купил себе неделю на мысе Код с русской карлицей!”

Стеклянная улыбка вернулась.

Фрэнк ушёл, хлопнув дверью.

Четырнадцатая книга 110

“Иногда пуул-паа, — говорит нам Боконон, — превосходит человеческую способность комментировать”. Боконон переводит «пуул-паа» в одном месте «Книг Боконона» как «ураган дерьма», а в другом месте — как «Божий гнев».

Из того, что Фрэнк сказал перед тем, как хлопнуть дверью, я заключил, что Республика Сан Лоренцо и трое Хёникеров не были единственными обладателями льда-девять. По-видимому, Соединённые Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик тоже обладали им. Соединённые Штаты получили его через мужа Энджелы, чей завод в Индианаполисе по понятной причине был окружён электрифицированной оградой и кровожадными немецкими овчарками. А Советская Россия достала его через ньютову маленькую Зинку — обаятельную блесёнку украинского балета.

Мне нечего было сказать.

Я опустил голову и закрыл глаза, и я ждал возвращения Фрэнка со скромными инструментами, нужными, чтобы прибрать одну-единственную спальню — одну спальню из всех спален мира, спальню, заражённую льдом-девять.

Где-то там, в фиолетовом, бархатном забытьи, я услышал, как Энджела мне что-то сказала. Это было не в её собственную защиту. Это было в защиту маленького Ньюта. — “Ньют ей это не давал. Она это украла”.

Я нашёл объяснение неинтересным.

“Какая ещё надежда может быть для человечества, — думал я, — когда существуют такие люди, как Феликс Хёникер, готовые дать такие игрушки, как лёд-девять, таким близоруким детям, какими являются почти все мужчины и женщины?”

И я вспомнил «Четырнадцатую Книгу Боконона», которую накануне ночью прочитал целиком. «Четырнадцатая Книга» озаглавлена: *«Какую Надежду Может Питать Мыслящий Человек в Отношении Человечества на Земле, Учитывая Опыт Последнего Миллиона Лет?»*

Читать «Четырнадцатую Книгу» не займёт много времени. Она состоит из одного слова с точкой.

Вот они:

Никакой.

Тайм-аут 111

Фрэнк вернулся назад с метлами и совками, паяльной лампой, и керосиновой плитой, и старым добрым ведром, и резиновыми перчатками.

Мы надели перчатки, чтобы не загрязнить наши руки льдом-девять. Фрэнк установил плиту на ксилофон неземной Моны и сверху поставил старое скромное ведро.

И мы поднимали крупные куски льда-девять с пола, и мы бросали их в то скромное ведро, и они плавилась. Они становились старой доброй, старой пресной, старой простой водой.

Мы с Эджелой подмели пол, а маленький Ньют заглянул под мебель, нет ли там кусочков льда-девять, которые мы могли пропустить. А Фрэнк следом за нами прошёлся очищающим пламенем паяльной лампы.

На нас снизошла безмозглая безмятежность уборщиц и дворников, работающих поздно ночью. В загаженном мире мы очищали хотя бы наш маленький уголок.

И вот я уже спокойным тоном просил и Ньюта, и Энджелу, и Фрэнка рассказать мне о кануне Рождества, когда умер старик, рассказать мне о той собаке.

И, по-детски уверенные, что они всё уладят, прибрав за собой, Хёникеры рассказали мне эту историю.

Эта история развивалась так:

В тот судьбоносный Сочельник Энджела ушла в посёлок за гирляндами для ёлки, а Ньют с Фрэнком отправились на прогулку по одинокому зимнему пляжу, где они встретили чёрного лабрадора-ретривера. Собака была дружелюбной, как все лабрадоры-ретриверы, и она последовала за Фрэнком и маленьким Ньютом в дом.

Феликс Хёникер умер — умер в своём белом плетёном кресле, глядя на море — пока его детей не было. Весь день старик дразнил своих детей намёками на лёд-девять, показывая его в маленькой бутылочке, на этикетке которой он нарисовал череп и кости; на этикетке которой он написал: «Опасно! Лёд-девять! Хранить в сухом месте!»

Весь день напролёт старик изводил своих детей, весело говоря им слова, подобными этим: “Давайте же, напрягите слегка свои мозги. Я же сказал вам, что оно плавится при ста четырнадцати и четырёх десятых по Фаренгейту, и я сказал вам, что оно не содержит ничего, кроме водорода и кислорода. Что бы это могло быть? Подумайте немного! Не бойтесь напрячь свои мозги. Они не сломаются”.

— Он всё время говорил нам напрячь наши мозги, — сказал Фрэнк, вспоминая старые времена.

— Я бросила пытаться напрягать свои мозги с тех пор как не-знаю-сколько-мне-было-лет, — призналась Энджела, опираясь на свою метлу. — Я даже не могла слушать его, когда он говорил о науке. Я просто кивала и делала вид, что пытаюсь напрячь свои мозги, но эти бедные мозги, когда речь шла о науке, не могли напрячься сильнее, чем поясok старой подвязки.

По-видимому, перед тем как усесться в своё плетёное кресло и умереть, старик устроил на кухне мокрые игры с водой, кастрюлями, сковородками и льдом-девять. Должно быть, он превращал воду в лёд-девять и обратно, поскольку все до единой кастрюли и сковородки оказались на кухонной столешнице. Там же был и термометр для мяса — так что старик, должно быть, измерял температуру предметов.

Старик предполагал лишь ненадолго посидеть в своём кресле, поскольку на кухне он оставил изрядный беспорядок. Частью того беспорядка была кастрюля-соусница, заполненная твёрдым льдом-девять. Несомненно, он собирался расплавить его, чтобы

свести мировые запасы синевато-белого вещества вновь к одному осколку в бутылке — после краткого тайм-аута.

Но, как говорит нам Боконон: *“Любой может попросить тайм-аут, но никто не может сказать, как долго этот тайм-аут продлится”*.

Ридикюль матери Ньюта 112

— Я должна была понять, что он умер, в ту же минуту, как вошла, — сказала Энджела, вновь опираясь на свою метлу. — Плетёное кресло — оно не издавало звуков. Оно никогда не молчало, всегда поскрипывало, когда отец был в нём, даже когда он спал.

Но Энджела решила, что отец спит, и она пошла украшать рождественскую ёлку.

Ньют и Фрэнк зашли вместе с лабрадором-ретривером. Они прошли на кухню, чтобы найти для собаки что-нибудь поесть. Они нашли стариковские лужи.

На полу была вода, и маленький Ньют взял тряпку и вытер её. Он кинул мокрую тряпку на столешницу.

Так вот случилось, что тряпка упала в кастрюлю с льдом-девять.

Фрэнк подумал, что в кастрюле была какая-то глазурь для кекса; он опустил её и наклонил так, чтобы показать Ньюту, что же наделала его небрежность с тряпкой.

Ньют отодрал тряпку от поверхности и обнаружил, что тряпка приобрела необычные, металлические, упругие свойства — как если бы она была сделана из тонкой золотой сеточки.

— Я говорю «золотой сеточки», — сказал маленький Ньют в «папиной» спальне, — потому что она сразу же напомнила мне мамин ридикюль, — ощущение от ридикюля.

Энджела сентиментально объяснила, что ребёнком Ньют хранил золотой ридикюль своей матери. Я понял так, что это была маленькая вечерняя сумочка.

— Он был мне так приятен на ощупь, как ни что другое, до чего я когда-либо дотрагивался, — сказал Ньют, анализируя своё старое пристрастие к ридикюлю. — Интересно, что же с ним случилось.

— Интересно, что же случилось с множеством вещей, — сказала Энджела. Этот вопрос эхом возвращается сквозь время — скорбный, потерянный.

Во всяком случае, с тряпкой, ощущавшейся как ридикюль, случилось то, что Ньют протянул её собаке, и собака её лизнула. И собака застыла намертво.

Ньют пошёл рассказать отцу об окоченевшей собаке и обнаружил, что его отец тоже окоченел.

История 113

Наша работа в «папиной» спальне была, наконец, сделана.

Но тела всё ещё требовалось перенести на погребальный костёр. Мы решили, что это следует сделать торжественно, что нам следует отложить, пока не закончится церемония в честь Сотни Мучеников за Демократию.

Последнее, что мы сделали, — поставили фон Кёнигсвальда на ноги, чтобы обработать место, где он лежал. И затем мы его спрятали, поставив в «папин» платяной шкаф.

Я не вполне понимаю, зачем мы его спрятали. Должно быть, это было сделано для упрощения сценической картины.

Что касается истории Ньюта, Энджелы и Фрэнка о том, как они делили мировой запас льда-девять в канун Рождества, — она выдохлась, когда они начали вдаваться в детали самого преступления. Хёникеры не могли вспомнить, чтобы кто-нибудь что-либо говорил в оправдание того, что они берут лёд-девять в личную собственность. Они обсуждали, что же такое лёд-девять, вспоминая стариковские загадки, но никаких разговоров о морали не было.

— Кто занимался дележом? — уточнил я.

Трое Хёникеров настолько тщательно изгладили свои воспоминания об инциденте, что им сложно было сообщить мне даже эту основную деталь.

— Это был не Ньют, — сказала, наконец, Энджела. — Я в этом уверена.

— Это была либо ты, либо я, — крепко задумавшись, размышлял Фрэнк.

— Ты взял с кухонной полки три закрывающиеся банки, — сказала Энджела. — Три маленьких термоса мы раздобыли не ранее следующего дня.

— Это верно, — согласился Фрэнк. — И затем ты взяла нож для колки льда и накрошила лёд-девять в соуснице."

— Это верно, — сказала Энджела. — Накрошила я. И затем кто-то принёс пинцет из ванной.

Ньют поднял свою маленькую руку. — "Я принёс".

Энджела и Ньют изумились, вспоминая, каким предприимчивым оказался маленький Ньют.

— Я был тот, кто брал осколки и складывал их в закрывающиеся банки, — отчитался Ньют. Он и не стремился скрыть самодовольство, которое, должно быть, почувствовал.

— Что же вы все сделали с собакой? — вяло спросил я.

— Мы засунули её в печь, — сказал мне Фрэнк. — Это единственное, что можно было сделать.

"История! — пишет Боконон. — Почитай и заплачь!"

Когда я почувствовал пулю, входящую в сердце 114

И вот я снова взошёл по спиральной лестнице своей башни, снова появился на самой верхней площадке своего замка, и ещё раз оглядел своих гостей, своих слуг, свой утёс и своё неосяземо-тёплое море.

Хёникеры были со мной. Мы заперли «папину» дверь на замок и распространили среди прислуги слух, что «папа» чувствует себя гораздо лучше.

Солдаты у крюка возводили теперь погребальный костёр. Они не знали, для чего этот костёр предназначен.

В тот день было много, много секретов.

Би-и-ип, би-и-ип, би-и-ип.

Я полагал, что церемонию можно было начинать, и дал указание Фрэнку предложить Послу Хорлику Минтону выступить с речью.

Посол Минтон со своим мемориальным венком в кейсе подошёл к обращённому в сторону моря парапету. И он произнёс удивительную речь в честь Сотни Мучеников за

Демократию. Он возвеличил погибших, их страну, и жизнь, закончившуюся для них, произнося «Сотня Мучеников за Демократию» на островном диалекте. Эти слова на диалекте звучали в его устах изящно и легко.

Остальная часть его речи была на американском английском. У него с собой был текст речи — я полагаю, напыщенной и высокопарной. Но когда он осознал, что будет говорить для столь немногих, и, по большей части, для своих, американцев, он отложил формальную речь в сторону.

Лёгкий морской ветер перебирал его жидкие волосы. “Я сейчас сделаю очень не по-посольски, — объявил он. — Я сейчас расскажу вам, что я чувствую на самом деле”.

Возможно, Минтон вдохнул слишком много ацетона, или, возможно, у него было предчувствие того, что готовится произойти с каждым, кроме меня. В любом случае, речь, которую он произнёс, была пронзительно боконостической.

“Мы собрались здесь, друзья, — сказал он, — чтобы почтить Зо-то-туну Му-ужн-гу зу Баму-крац-уу — погибших детей, всех погибших, всех убитых на войне. В дни, подобные этому, принято называть таких пропавших детей мужчинами. Я не способен назвать их мужчинами по одной простой причине — на той же самой войне, на которой погибли Зо-то Му-ужн-гу зу Баму-крац-уу, погиб мой собственный сын.

Моя душа настаивает, чтобы я оплакивал не мужчину, а ребёнка.

Я вовсе не говорю, что дети на войне умирают не как мужчины, если им выпадет умереть. К их вечной славе и нашему вечному стыду они умирают, как мужчины, тем самым давая повод для мужественных ликований на патриотических праздниках.

Но всё равно они — убитые дети.

И я предлагаю вам — если мы должны воздать наше искреннее уважение сотне пропавших детей Сан Лоренцо, то лучше всего было бы нам провести этот день, презирая то, что их убило, — то есть глупость и порочность всего человечества.

Возможно, когда мы вспоминаем войны, нам следовало бы снять наши одежды, раскраситься синей краской и весь день ходить на четвереньках, хрюкая, словно свиньи. Это несомненно было бы уместнее лицемерного красноречия и всех шоу с флагами и хорошо смазанным оружием.

Я вовсе не собираюсь быть непризнательным за прекрасное военное шоу, которое мы вот-вот увидим — и это действительно будет потрясающее шоу...”

Он посмотрел каждому из нас в глаза, а затем произнёс очень мягко, словно отстраняясь от этого: “И я говорю «Ура!» потрясающим шоу”.

Нам пришлось напрячь слух, чтобы услышать, что сказал Минтон после этого.

“Но если сегодня действительно день в честь сотни детей, убитых на войне, — сказал он, — день ли это для потрясающего шоу?”

Ответ — «да», при одном условии — чтобы мы, празднующие, сознательно и неустанно боролись с глупостью и порочностью самих себя и всего человечества”.

Он расстегнул застёжки своего кейса с венком.

— Видите, что я принёс? — спросил он нас.

Он открыл кейс и показал нам алую подкладку и золотой венок. Венок был сделан из проволоки и искусственных лавровых листьев, и всё это было покрыто аэрозольной краской для радиаторов.

Венок был обвит шёлковой лентой кремового цвета, на которой было напечатано «PRO PATRIA¹».

Минтон начал декламировать стихи из «Антологии Спун-Ривер» Эдгара Ли Мастерса² — стихи, должно быть, недоступные пониманию присутствующих сан-лоренциан, а также Х. Лоува Кросби и его Хэйзел, а если на то пошло, то и Энджелы и Фрэнка.

Я был первым снопом, сжатым битвой у Мишнари-Ридж³.
И когда я почувствовал пулю, входящую в сердце,
Пожелал я остаться бы дома и сесть в тюрьму
За кражу жирных свиней Кёрла Тренари,
И не подаваться в бега, не вступать бы в армию.
Лучше уж тысячу раз в окружную тюрьму,
Чем лежать под этой фигурой из мрамора с крыльями,
И гранитным сим пьедесталом,
Несущим слова «Pro Patria».
Что они, кстати, значат?

— Что они, кстати, значат? — повторил, словно эхо, Посол Хорлик Минтон. — Они значат «За свою страну». — И он сделал ещё одно отступление. — За любую страну вообще, — пробормотал он.

— Венок, который я принёс, — это дар людей одной страны людям другой страны. И не важно, каких именно стран. Думайте о людях...

И детях, убитых на войне.

И о любой стране вообще.

Думайте о мире.

Думайте о братской любви.

Думайте об изобилии.

Думайте о том рае, каким был бы этот мир — если были бы люди добры и мудры.

— При том, насколько люди глупы и порочны, — это чудесный день, — сказал Посол Хорлик Минтон. — Мне, от всей своей души, и как представителю миролюбивого народа Соединённых Штатов Америки, жалко, что Зо-то Му-ужн-гу зу Баму-крац-уу мертвы в этот прекрасный день.

И он отправил венки с парашюта вниз.

В воздухе послышался гул. Шесть самолётов Военно-Воздушных Сил Сан Лоренцо приближались, почти касаясь моего неосязяемо-тёплого моря. Они собирались расстрелять изображения, как сказал Х. Лоув Кросби, «практически всех врагов, каких когда-либо знала свобода».

-----
¹ За Отечество (лат.).

² Эдгар Ли Мастерс (1869-1950) — американский писатель.

³ Эпизод Гражданской войны в США (1863 год).

Так вот случилось 115

Мы подошли к парашюту, обращённому в сторону моря, чтобы посмотреть шоу. Самолёты были не больше горошин чёрного перца. Мы имели возможность наблюдать за ними, поскольку один из них, так вот случилось, тянул за собой дымный хвост.

Мы предположили, что этот дым был частью шоу.

Я стоял рядом с Х. Лоувом Кросби, который, так вот случилось, попеременно ел альбатроса и пил местный ром. Он выдыхал пары авиамодельного клея сквозь губы, блестящие от альбатросного жира. Ко мне вернулась моя недавняя тошнота.

Глотая воздух, я в одиночестве отошёл к парапету, обращённому к суше. Между мною и остальными было шестьдесят футов старой каменной брусчатки.

Я видел, что самолёты приближаются на малой высоте — ниже фундамента замка, — и что я пропущу шоу. Но тошнота лишала меня любопытства. Я повернул голову в направлении их приближающегося рычания. Как только их пушки начали молотить, один самолёт, — тот самый, за которым тянулся дым, — неожиданно оказался кверху брюхом, объятый пламенем.

Он пропал у меня из вида и сразу же врезался в утёс под замком. Его бомбы и горючее взорвались.

Оставшиеся самолёты продолжали гудеть, их рокот постепенно переходил в комариный писк.

А затем раздался звук оползня, и одна из больших башен «папиного» замка, лишившись опоры, обрушилась в море.

Люди у парапета, обращённого к морю, смотрели в изумлении на пустой фундамент — туда, где стояла башня. Затем послышались голоса новых оползней, больших и малых, складывавшиеся в почти что связный разговор.

Этот разговор протекал очень быстро, и в него вступали всё новые голоса. Это были голоса несущих балок замка, жалующихся, что их ноша становится слишком тяжёлой.

А затем, в десяти футах от моих сжавшихся стоп, площадку, словно молния, пересекла трещина.

Она отделила меня от моих товарищей.

Замок громко стонал и ревел.

Остальные осознали грозившую им опасность. Они, вместе с тоннами каменной кладки, вот-вот могли накрениться и рухнуть вниз. Хотя трещина была шириной всего лишь один фут, люди начали пересекать её героическими прыжками.

Лишь моя благодушная Мона эту трещину просто перешагнула.

Издав скрежет зубовой, трещина захлопнулась, затем открылась шире, зловеще ухмыляясь. В накренившейся смертельной ловушке всё ещё оставались Х. Лоув Кросби и его Хэйзел, и Посол Хорлик Минтон и его Клэр.

И Филип Касл, и Фрэнк, и я протянули руки над бездной, чтобы вытащить Кросби из беды. Теперь наши руки умоляюще тянулись к Минтонам.

Внешне они были спокойными. Я могу лишь гадать, что происходило у них внутри. Я полагаю, что они прежде всего думали о достоинстве, о соразмерности эмоций.

Паника была не в их стиле. Впрочем, я сомневаюсь, что в их стиле было самоубийство. Но хорошие манеры убивали их, так как обречённый ломтик замка теперь двинулся прочь от нас подобно тому, как океанский лайнер выходит из дока.

Образ путешествия, кажется, внушился странствующим Минтонам — они помахали нам с усталой любезностью.

Они держались за руки.

Они повернулись лицом к морю.

Вдаль уходили они; затем устремились вниз, в натиске катаклизма, — и скрылись.

Грандиозный Аа-хумм 116

Рваная кромка небытия была теперь в нескольких дюймах от моих сжавшихся стоп. Я посмотрел вниз. Моё неосяземо-тёплое море проглотило всё. Ленивая завеса пыли колыхалась над морем — единственный след всего того, что упало.

Дворец, сбросив свою массивную, обращённую к морю маску, смотрел теперь на север с улыбкой прокажённого — кривозубый и небритый. Щетиной были расщеплённые концы балок. Прямо подо мной раскрывалась большая комната. Пол этой комнаты, ни на что не опираясь, выдавался в пространство подобно платформе для прыжков в воду.

Мне пригрезилось на мгновение, как я спускаюсь на эту платформу и, затаив дыхание, прыгаю с неё ласточкой, складываю руки и отвесно проникаю в тёплую, словно кровь, вечность, не оставив за собой даже всплеска.

От этих грёз меня разбудил крик метнувшейся надо мной птички. Казалось, она спрашивает меня, что случилось. “Чик-чирик?” — спрашивала она.

Мы все посмотрели на птичку, затем друг на друга. Мы в ужасе отступили прочь от бездны. И когда я отступил с камня, на котором стоял, камень зашатался. Он был не более устойчив, чем детские качели. И теперь он качался над платформой для прыжков в воду.

Вниз на платформу обрушился он — и наклонил её. И вниз по наклону устремилась обстановка, всё ещё остававшаяся в нижней комнате.

Первым был ксилофон, стремглав прокатившийся на своих крохотных колёсиках. Прикроватный столик вышел наперегонки с подскакивающей паяльной лампой. В погоню за ними пустились кресла.

И где-то в нижней комнате, недоступное взгляду, зашевелилось нечто, упорно не желающее сдвигаться с места.

Вниз по наклону сползало оно. Наконец, оно показало свой золотой штевень. Это была лодка, в которой лежал мёртвый «папа».

Она достигла конца наклона. Её штевень кивнул и ушёл вниз. Лодка падала, опрокидываясь вверх тормашками.

«Папу» выбросило из лодки, и он падал отдельно.

Я закрыл глаза.

Раздался звук, как будто осторожно скрипнули ворота размером с небо — как будто мягко закрывали великие двери рая. Это был грандиозный АА-ХУММ.

Я открыл глаза — и всё море было льдом-девять. Влажная зелёная Земля стала синевато-белой жемчужиной. Небо потемнело. Борасиси, солнце, стало слабым жёлтым шариком, крохотным и безжалостным.

Небо было заполнено червями. Эти черви были торнадо.

Святылище 117

Я посмотрел на небо — туда, где была птичка. Прямо над головой был огромный червь с фиолетовой глоткой. Он жужжал, словно пчёлы. Он раскачивался. Он пожирал воздух, непристойно пульсируя.

Мы, люди, разделались — разбегались с моей разрушенной площадки, рассыпались по лестницам вниз, в сторону суши.

Кричали только Х. Лоув Кросби и его Хэйзел. “Американцы! Американцы!” — кричали они, как будто торнадо интересовали гранфалуны, которым принадлежали их жертвы.

Я не мог видеть Кросби. Они спустились по другой лестнице. Их крики и звуки остальных, тяжело дышащих и бегущих, невнятно доносились до меня сквозь коридор замка. Моим единственным компаньоном была моя неземная Мона, бесшумно следовавшая за мной.

Когда я замешкался, она проскользнула мимо меня и открыла дверь в приёмную перед «папиными» покоями. Стен и крыши в приёмной не было. Но каменный пол оставался. И в центре его была крышка люка в ублиет. Под червоточащими небесами, в мерцающем фиолетовом свете глоток торнадо, желающих съесть нас, я поднял крышку.

Пищевод темницы был оснащён железными скобами. Я изнутри сдвинул крышку люка на место. Вниз по тем железным скобам отправились мы.

И у подножия лестницы мы обнаружили государственную тайну. «Папа» Монзано надумал построить здесь уютное бомбоубежище. В нём была вентиляционная шахта и вентилятор с приводом от велосипеда. В одной из стен был замурован бак с водой. Вода была пресная и влажная, до сих пор не тронутая льдом-девять. Был там и биотуалет, и коротковолновое радио, и каталог «Сирз-Рёбак»¹; и были там ящики с деликатесами, и спиртное, и свечи; и были там переплетённые выпуски «Нэшнл Джиографик» за последние двадцать лет.

И было там собрание «Книг Боконона».

И была там пара односпальных кроватей.

Я зажёл свечу. Я открыл банку кэмпбеловского куриного супа-гамбо и поставил её на походную спиртовку «Стерно». И я налил два стакана рома «Виргинские Острова».

Мона села на кровать. Я сел на другую. “Я собираюсь сказать то, что мужчины, должно быть, уже не раз говорили женщинам, — проинформировал я её. — Тем не менее, я не верю, что эти слова когда-либо несли тот смысл, который несут они сейчас”.

— А?

Я протянул руки: “Вот мы и здесь”.

-----
¹ Американская сеть розничной торговли.

Железная дева и ублиет 118

«Шестая книга» «Книг Боконона» посвящена боли — в частности, пыткам, которые люди учиняют над людьми. “Если меня когда-нибудь насадят умирать на крюке, — предупреждает нас Боконон, — ожидайте весьма человеческое представление”.

Затем он говорит и о дыбе, и о палечнице, и о железной деве, и о велье, и об ублиете.

В любом случае это связано с множеством криков.

Но один лишь ублиет позволит вам, умирая, размышлять.

Так было и в нашей с Моной каменной утробе. По крайней мере, мы могли размышлять. И одна мысль, которую я обдумывал, была о том, что комфортные условия темницы нисколько не смягчают самого факта пребывания в ублиете.

Во время первых наших суток под землёй торнадо ежечасно по многу раз гремели крышкой люка. Каждый раз давление в нашей норе резко падало — и в ушах наших щёлкало, и в головах наших звенело.

Что касается радио, там был треск, шипение, помехи — вот и всё. От края до края всей полосы коротких волн не услышал я ни единого слова, ни единого телеграфного сигнала. Если жизнь где-нибудь ещё существовала, она не вела радиовещание.

И жизнь не ведёт радиовещание до сих пор.

Вот что я предположил — торнадо, рассеивая повсюду ядовитый синевато-белый иней льда-девять, разорвали на поверхности Земли всё и всех на куски. Всё, что ещё остаётся живым, достаточно скоро умрёт от жажды, или голода, или гнева, или апатии.

Я обратился к «Книгам Боконона», всё ещё достаточно не знакомый с ними, чтобы верить, что где-то в них заключено душевное утешение. Я быстро пробежал глазами предупреждение на титульной странице «Первой Книги»:

“Не будь дураком! Закрой эту книгу сейчас же! Ничего, кроме фóмы, в ней нет!”

«Фóма», конечно же, — это выдумки.

И затем я прочитал вот это:

Вначале Бог сотворил Землю, и Он смотрел на неё в Своём космическом одиночестве.

И Бог сказал: “Давайте, изготовим живых тварей из глины, чтобы глина могла увидеть, что Мы сделали”. И Бог сотворил всякую живую тварь, которая двигается и поныне, и одной из них был человек. Одна только глина в виде человека могла говорить. Бог наклонился ближе, когда глина в виде человека села, осмотрелась и заговорила. Человек захлопал глазами. “В чём смысл всего этого?” — вежливо спросил он.

— А всё должно иметь смысл? — спросил Бог.

— Разумеется, — сказал человек.

— Тогда Я оставляю тебе одному думать обо всём этом, — сказал Бог.

И Он ушёл прочь.

Я подумал, что это полная чушь.

“Конечно, это полная чушь!” — говорит Бококон.

И я обратился к своей неземной Моне за тайнами утешения, гораздо более глубокими.

Пока я грезил о ней через пространство, разделявшее наши кровати, я был в состоянии вообразить, что в глубине её волшебных глаз ждут пробуждения таинства, древние, как сама Ева.

Я не буду вдаваться в постыдный сексуальный эпизод, который за этим последовал. Достаточно сказать, что я был и отталкивающим, и отторгнутым.

Девушка не интересовалась размножением — терпеть не могла саму идею. Перед тем, как схватка закончилась, мне досталось упрёков и от неё, и от себя самого тоже, за изобретение совершенно нелепой, кряхтящей, потную затею, путём которой создаются новые человеческие существа.

Возвращаясь на свою кровать, стискивая зубы, я предположил, что она искренне была не в курсе всего того, что связано с плотской любовью. Но затем она мягко сказала мне: “Было бы очень грустно иметь сейчас маленькое дитя. Ты не согласен?”

— Да, — мрачно согласился я.

— Так вот, если ты не знал, — от этого получают маленькие дети.

Мона благодарит меня 119

“Сегодня я буду Министром Образования Болгарии, — говорит нам Боконон. — Завтра я буду Еленой Троянской”. Смысл его слов предельно ясен — каждый из нас должен быть тем, кто он или она есть. Вот о чём, главным образом, размышлял я в глубине ублиета — при помощи «Книг Боконона».

Боконон предлагал мне спеть вместе с ним:

*Мы живём, просто живём, просто живём, просто живём,
Как и должны, смутно должны, смутно должны, смутно должны,
Смутно живём, смутно живём, смутно живём, смутно живём,
Пока не помрём, телесно помрём, телесно помрём, телесно помрём.*

На эти слова я сочинил себе мелодию и насвистывал её в такт дыханию, пока крутил велосипед, который приводил в движение вентилятор, дававший нам воздух — старый добрый воздух.

— Человек вдыхает кислород и выдыхает диоксид углерода, — обратился я к Моне.

— Что?

— Наука.

— А-а.

— Один из секретов жизни, который человек долгое время не понимал: животные дышат тем, что выдыхают растения — и наоборот.

— Я не знала.

— Теперь ты знаешь.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Когда моими стараниями атмосфера становилась приятной и свежей, я слезал с велосипеда и взбирался по железным скобам посмотреть, какая наверху погода. Я делал это по нескольку раз в день. В тот день, четвёртый день, я почувствовал сквозь узкий полумесяц приподнятой крышки люка, что погода как-то стабилизировалась.

Эта стабильность была бурно динамического свойства, ибо торнадо были бесчисленными, как всегда, — и торнадо до сих пор остаются бесчисленными. Но их глотки больше не чавкали и не скрежетали у поверхности земли. Эти глотки повсюду были осмотрительно подняты на высоту, возможно, половины мили. И высота их с течением времени менялась так мало, как будто Сан Лоренцо защищал торнадопрочный стеклянный экран.

Мы подождали ещё три дня, удостовериваясь, что торнадо стали такими искренне сдержанными, какими они казались. А затем мы наполнили фляги из нашего бака с водой и поднялись наверх.

Воздух был и сухим, и горячим, и мертвенно неподвижным.

Слыхал я, однажды предлагалась идея, что времён года в умеренном климате должно быть шесть, а не четыре: лето, осень, замороз, зима, размороз и весна. И я вспомнил это, как только я выпрямился, вылезши из люка, и огляделся, и прислушался, и принял.

Не было запахов. Не было движения. Каждый мой шаг сопровождался скрипом синевато-белого инея. И каждый скрип громко отдавался эхом. Время замороза закончилось. Земля была крепко скована льдом.

Была зима — теперь и навсегда.

Я помог моей Моне выбраться из нашей норы. Я предупредил, чтобы она держала руки подальше от синевато-белого инея, а также держала руки подальше ото рта. “Смерть никогда ещё не была такой доступной, — сказал я ей. — Всё, что для этого нужно, — это коснуться земли, а затем губ — и дело сделано”.

Она покачала головой и вздохнула: “Очень плохая мать”.

— Что?

— Мать-Земля — она больше не самая добрая мать.

— Эгей? Эгей? — позвал я над руинами дворца. Чудовищные ветры прорыли каньоны сквозь эту громадную кучу камней. Мы с Моной предприняли вялую попытку поиска выживших — вялую, поскольку мы ощущали отсутствие жизни. Не выжили даже осторожные, проворные крысы.

Арка дворцовых ворот была единственным нетронутым рукотворным сооружением. Мы с Моной подошли к ней. На её основании белой краской было написано боконостское «Калипсо». Написано было аккуратно. Надпись была свежей. Она доказывала, что кто-то ещё пережил ветры.

«Калипсо» было такое:

*Однажды, однажды безумный наш мир к своему концу подойдёт,
И Господь наш всё, что нам одолжил, назад Себе заберёт.
И если в этот печальный день ты захочешь Его отругать —
Давай! — Посмотришь, как будет Он улыбаться тебе и кивать.*

Тому, кого это может касаться 120

Я вспомнил рекламу серии детских книг под названием «Книга Знаний». В той рекламе доверчивые мальчик и девочка смотрели снизу вверх на своего отца. “Папа, — спрашивал кто-то из них, — отчего небо голубое?” Ответ, по-видимому, можно было найти в «Книге Знаний».

Если бы мой папа был рядом, когда мы с Моной шли вниз по дороге из дворца, у меня была бы куча вопросов, чтобы задать ему, крепко держась за его руку. — “Папа, почему все деревья сломаны? Папа, почему все птицы мертвы? Папа, отчего небо такое нездоровое и червоточащее? Папа, отчего море такое твёрдое и неподвижное?”

К ответу на эти суровые вопросы мне случилось быть подготовленным лучше любого другого человеческого существа, если только какие-нибудь другие человеческие существа оставались в живых. В случае, если бы кто-нибудь поинтересовался, я знал, что пошло не так — где и каким образом.

И что из этого?

Я задумался, где же могли быть мёртвые. Мы с Моной удалились более чем на милю от нашего ублиета, не увидев ни одного мёртвого человеческого существа.

Мне не было и вполтину так любопытно насчёт живых — потому, вероятно, что я чувствовал точно, что сначала мне придётся созерцать множество мёртвых. Я не видел столбов дыма от вероятных костров; впрочем, их трудно было бы разглядеть на фоне червей-торнадо.

Одна деталь привлекла мой взгляд — лавандового цвета пятно вблизи причудливого обрубка — пика на горбу горы Маккэйб. Казалось, он звал меня, и у меня возникло

нелепое, как будто в кино, намерение взобраться на тот пик вместе с Моной. Но какой в этом будет смысл?

Теперь мы шли вдоль складок у подножия горы Маккэйб. И Мона, как будто без всякой цели, оставила меня — сошла с дороги и вскарабкалась на одну из складок. Я последовал за ней.

Я догнал её на вершине гребня. Она пристально смотрела вниз — в широкую естественную котловину. Она не кричала.

Она вполне могла закричать.

В той котловине были тысячи и тысячи мёртвых. На губах у каждого покойника был синевато-белый иней льда-девять.

Поскольку трупы не были рассеяны и не лежали в беспорядке, было ясно, что они собраны здесь уже после прекращения ужасных ветров. И, поскольку у каждого трупа был палец во рту или около рта, я понял, что каждый из них сам доставил себя в это унылое место и затем отравился льдом-девять.

Здесь были мужчины, женщины, и дети тоже; многие в положении боко-мару. Все лица были направлены к центру котловины, как будто они были зрителями в амфитеатре.

Мы с Моной посмотрели туда, куда сфокусировались все те застывшие глаза, — посмотрели в центр котловины. Там было круглое свободное пространство — место, где мог бы встать один оратор.

Обходя статуи мертвецов, мы с Моной осторожно приблизились к тому месту. Мы нашли там булыжник. И под булыжником была записка, написанная карандашом, в которой говорилось:

Тому, кого это может касаться: Эти люди вокруг вас — почти все из тех, кто пережил в Сан Лоренцо ветры, поднявшиеся после того, как застыло море. Эти люди схватили притворявшегося святым человека по имени Боконон. Они привели его сюда, встали вокруг и велели ему рассказать, что же именно замышляет Бог Всемогущий, и что они теперь должны делать. Обманщик сказал им, что Бог, несомненно, пытается их убить — возможно, потому что они Ему надоели, — и что они должны суметь умереть достойно. Это, как вы можете видеть, они и сделали.

Записка была подписана Бокононом.

Я медлю с ответом 121

— Каков циник! — ахнул я. Я поднял взгляд от записки и пристально оглядел наполненную смертью котловину. — Он где-то здесь?

— Я не вижу его, — мягко сказала Мона. Она не была подавленной или гневной. Более того, казалось, что она вот-вот засмеётся. — Он всегда говорил, что никогда не последует своему собственному совету, потому что знает, что цена ему — никакая.

— Лучше бы он был здесь! — с горечью сказал я. — Подумай о жёлчности человека, советующего всем этим людям убить самих себя!

Тут Мона рассмеялась. Я никогда раньше не слышал её смех. Её смех был поразительно низким и грубым.

— Тебе это забавно?

Она лениво подняла свои руки: “Всё это так просто — вот и всё. Это решает столь много для столь многих, и столь просто”.

И она, по-прежнему смеясь, побрела вверх среди тысяч окаменевших. Где-то на половине склона она остановилась и повернулась ко мне. Она крикнула мне вниз: “Хотел бы ты оживить кого-нибудь из этих, если бы мог? Ответь мне быстро”.

— Медлишь с ответом, — крикнула она игриво после того, как прошло полминуты. И, всё ещё посмеиваясь, она коснулась пальцем земли, выпрямилась, коснулась пальцем губ и умерла.

Плакал ли я? Говорят, что да. Х. Лоув Кросби и его Хэйзел, и маленький Ньютон Хёникер наткнулись на меня, когда я ковылял по дороге. Они были в том единственном такси из Боливара — буря его не тронула. Они рассказывали мне, что я плакал. Хэйзел тоже плакала — плакала от радости, что я живой.

Они уговорили меня сесть в машину.

Хэйзел приобняла меня за плечи: “Теперь ты с мамочкой. Тебе не о чем волноваться”.

Я позволил своему сознанию отключиться. Я закрыл глаза. Каким же глубоким, идиотским облегчением было прислониться к этой мясистой, влажной, деревенской дуре.

Швейцарская семья Робинзоны 122

Они привезли меня в то, что осталось от дома Франклина Хёникера у водопада. То, что осталось, была пещера под водопадом, ставшая разновидностью иглу под матовым, синевато-белым куполом льда-девять.

Семейка состояла из Фрэнка, маленького Ньюта и Кросби. Они выжили в дворцовой темнице, гораздо более узкой и более неприятной, чем ублиет. Они вышли, как только ветры утихли, в то время как мы с Моной оставались под землёй ещё три дня.

Так вот случилось, что они нашли чудесный таксомотор, ожидавший их под аркой ворот дворца. Они нашли банку белой краски, и на передних дверцах автомобиля Фрэнк нарисовал белые звёзды, а на крыше написал гранфалунские буквы: С.Ш.А.

— И вы оставили краску под аркой, — сказал я.

— Как ты узнал? — спросили Кросби.

— Приходил кто-то ещё и написал стихи.

Я не стал тотчас же интересоваться тем, как встретили свою кончину Энджела Хёникер Коннерс и Филип и Джулиан Каслы, ибо мне пришлось бы сразу заговорить о Моне. Я ещё не был к этому готов.

В частности, я не хотел обсуждать смерть Моны, поскольку, когда мы ехали в такси, Кросби и маленький Ньют казались так неподобающе весёлыми.

Хэйзел указала мне ключ к веселью. “Подожди, пока не увидишь, как мы живём. На еду у нас есть хорошие продукты всех видов. Всякий раз, когда мы захотим воды, мы просто разводим костёр и плавим её. «Швейцарская семья Робинзоны» — вот так мы себя называем”.

Мышами и людьми 123

Последовали любопытные шесть месяцев — шесть месяцев, за которые я написал эту книгу. Хэйзел выразилась точно, назвав наше маленькое сообщество швейцарской семьёй Робинзонов, так как мы пережили бурю, были изолированы, а затем жизнь действительно стала очень простой. Это было не без некоторого улт-диснеевского очарования.

Ни растения, ни животные не выжили, это верно. Но лёд-девять законсервировал и свиней, и коров, и маленьких ланей, и холмики из птиц, и ягоды до тех пор, пока мы не будем готовы разморозить их и приготовить в пищу. Более того, в руинах Боливара можно было откопать тонны консервированной еды. И мы, казалось, были единственными людьми, оставшимися в Сан Лоренцо.

Пища не была проблемой, как и одежда или жилище, так как погода постоянно была и сухой, и безветренной, и жаркой. Наше здоровье было неизменно хорошим. По-видимому, все микробы тоже были мертвы — или впали в спячку.

Наша приспособленность стала настолько удовлетворяющей, настолько благодущной, что ни один не изумился и не запротестовал, когда Хэйзел сказала: “В любом случае — хорошо, что нет комаров”.

Она сидела на трёхногом табурете на площадке, где раньше стоял дом Фрэнка. Она сшивала вместе полосы красной, белой и синей материи. Словно Бетси Росс¹, она делала американский флаг. Никто не был настолько недружелюбен, чтобы указать ей, что красный на самом деле был персиковым, что синий был почти ядовито-зелёным, и что пятьдесят звёзд, которые она вырезала, были шестиконечными звёздами Давида, а не пятиконечными американскими звёздами.

Её муж, который всегда был довольно хорошим поваром, в чугунке над костром варил неподалёку тушёнку. Он готовил пищу для всех нас — он любил готовить.

— Хорошо выглядит, хорошо пахнет, — заметил я.

Он подмигнул. — “Не стреляй в повара. Он не умеет готовить лучше”.

Фонм этих милых бесед были назойливые да-да-да и ди-ди-ди автоматического СОС-передатчика, сделанного Фрэнком. Он звал на помощь и ночью, и днём.

“Спасите наши ду-у-ши, — произносила нараспев Хэйзел, подпевая за шитьём передатчику, — спасите наши ду-у-ши”.

— Как продвигается книга? — спросила меня Хэйзел.

— Отлично, мама, просто отлично.

— Когда ты собираешься нам что-нибудь из неё показать?

— Когда будет готово, мама, когда будет готово.

— Многие знаменитые писатели были хузерами.

— Я знаю.

— Ты будешь одним из длинного, длинного ряда. — Она с надеждой улыбнулась. — Это юмористическая книга?

— Надеюсь, что так, мама.

— Люблю хорошо посмеяться.

— Знаю, что любишь.

— У каждого здесь есть своя специальность, — что-то, что он даёт остальным. Ты пишешь книги, чтобы мы посмеялись, а Фрэнк занимается научными делами, а маленький Ньют — он рисует картины для всех нас, а я шью, а Лоув готовит.

— “Множество рук с лёгкостью делают большую работу”. Старая китайская пословица.

— Эти китайцы во многом умны — они такие. Были.

— Да, сохраним же память о них живой.

— Хотелось бы мне сейчас узнать их полнее.

— Ну, это было сложно, даже в идеальных условиях.

- Хотелось бы мне сейчас узнать всё получше.
- Мы все полны сожалений, мама.
- Бесполезно плакать над пролитым молоком.
- Как сказал поэт, мама: "Из всего, что сказано мышами и людьми, печальней слов «могло бы быть», пожалуй, не найти".
- Это так красиво и так верно.

-----
¹ Бетси Росс (1752-1836) — женщина, шившая, согласно преданию, первый американский флаг.

Муравьиная ферма Фрэнка 124

Мне было неприятно видеть Хэйзел, заканчивающую флаг, потому что я никак не мог отделаться от её навязчивых планов на этот счёт. Она вообразила, что я согласился водрузить эту дурацкую штуку на пике горы Маккэйб.

- Были бы мы с Лоувом помоложе, мы сделали бы это сами. Теперь же всё, что мы можем сделать, это дать тебе флаг и отправить с тобой наши лучшие пожелания.
- Мама, я вот думаю, действительно ли это хорошее место для флага.
- А какое есть ещё другое место?
- Надо будет хорошенько подумать. — Я извинился и спустился в пещеру посмотреть, что делает Фрэнк.

Он не делал ничего нового. Он рассматривал построенную им муравьиную ферму. Он откопал несколько выживших муравьёв в трёхмерном мире руин Боливара и сократил размерность до двух, сделав между двух листов стекла сэндвич из почвы и муравьёв. Муравьи, что бы они ни делали, не могли укрыться от взгляда Фрэнка и от его комментариев.

Эксперимент очень быстро раскрыл тайну, как муравьи могли выживать в безводном мире. Насколько я знаю, они были единственными насекомыми, которые всё же выжили, и они делали это, формируя своими телами плотные шары вокруг крупинки льда-девять. Тепла в центре вырабатывалось достаточно, чтобы убить половину из них и произвести одну капельку росы. Росу можно было пить. Трупы можно было есть.

— Ешь, пей, веселись, ибо завтра мы умрём, — сказал я Фрэнку и его крохотным каннибалам.

Его реакция была всегда одной и той же. Это была брюзгливая лекция обо всём, чему люди могли бы поучиться у муравьёв.

Мои ответы тоже стали ритуальными: "Природа — это удивительная вещь, Фрэнк. Природа — это удивительная вещь".

- Ты знаешь, почему муравьи столь успешны? — спрашивал он меня в тысячный раз. — Они со-труд-ни-ча-ют.
- Это чертовски хорошее слово — «со-трудничество».
- Кто научил их, как делать воду?
- Кто научил меня, как делать воду?
- Это глупый ответ, и ты это знаешь.
- Извини.

— Было время, когда я воспринимал глупые людские ответы всерьёз. Теперь это в прошлом.

— Жизненная веха.

— Я значительно повзрослел.

— В определённой мере — за счёт всего мира. — Я мог говорить Фрэнку подобные вещи с абсолютной уверенностью, что он их не услышит.

— Было время, когда люди могли без особых проблем блефовать со мной, потому что у меня не было особой уверенности в себе.

— Простое сокращение количества людей на Земле сделало очень многое для смягчения твоих частных социальных проблем, — предположил я. И вновь я обращался к глухому.

— Ну, скажи, скажи мне, кто рассказал этим муравьям, как делать воду, — он требовал от меня снова.

Несколько раз я предлагал очевидную мысль о том, что научил их Бог. И по тяжкому опыту я знал, что он ни отвергнет, ни примет этой теории. Он просто всё больше и больше выходил из себя, ставя вопрос снова и снова.

Я вышел от Фрэнка прочь — в точности, как советовали мне сделать «Книги Боконона». *“Опасайтесь того, кто упорно трудится, чтобы выучить что-нибудь, выучивает это, и в результате не чувствует себя мудрее, — говорит нам Боконон. — Он полон смертельной обиды на людей, которые невежественны и без преодоления трудностей на пути к своему невежеству”*.

Я пошёл поискать нашего художника, маленького Ньюта.

Тасманийцы 125

Когда я нашёл маленького Ньюта, рисовавшего разорённый пейзаж в четверти мили от пещеры, он спросил, не отвезу ли я его в Боливар за припасами для рисования. Водить сам он не мог. Он не дотягивался до педалей.

Итак, мы отправились, и по пути я спросил, остались ли у него какие-нибудь сексуальные желания. Я горевал, что у меня их не было — никаких сновидений по этой части, ничего.

— Когда-то мне снились женщины ростом двадцать, тридцать, сорок футов, — рассказал он мне. — Но теперь? Боже, я не могу даже вспомнить, как выглядела моя украинская крошка.

Мне вспомнилось то, что я прочёл о тасманийских аборигенах — голых, по своему обыкновению, людей, которые, когда в семнадцатом веке их встретили белые люди, не знали земледелия, скотоводства, никакой архитектуры и, возможно, даже огня. Они были настолько ничтожными в глазах белых людей, по причине своего невежества, что первые поселенцы, которыми были осуждённые из Англии, охотились на них ради развлечения. И аборигены нашли жизнь настолько непривлекательной, что перестали размножаться.

Я высказал Ньюту предположение, что именно подобная безнадежность лишила нас мужественности.

Ньют сделал пронизательное наблюдение: “Предположу, что все эти страсти в постели связаны с тревогой о продолжении человеческого рода в большей степени, чем это кто-либо до сих пор себе представлял”.

— Конечно, будь среди нас женщина детородного возраста, это могло бы радикально изменить ситуацию. Бедная старая Хэйзел уже давно не сможет иметь даже дауна.

Выяснилось, что Ньют довольно много знает о даунах. Одно время он посещал спецшколу для детей с уродствами, и несколько его школьных товарищей были даунами. — “Лучше всех в нашем классе писала даун по имени Мирна — в смысле почерка, не в смысле того, что она действительно писала. Боже, я целые годы не вспоминал о ней”.

— Это была хорошая школа?

— Всё, что я запомнил — это слова, какие директор имел обыкновение постоянно нам говорить. Он всегда бранил нас через громкоговоритель за беспорядок, который мы устраивали, и он всегда начинал одинаково: “Я нездоров и устал...”

— Это довольно близко к описанию того, как я чувствую себя большую часть времени.

— Возможно, так тебе и предполагалось чувствовать себя.

— Ты говоришь как боконолист, Ньют.

— А почему бы и нет? Насколько я знаю, боконолизм — единственная религия, в которой есть хоть какие-то комментарии о карликах.

Когда я не был занят писанием, я углублялся в «Книги Боконона», но ссылка на карликов ускользнула от меня. Я был благодарен Ньюту за то, что он привлёк к ней моё внимание, ибо цитата схватывала в форме куплета жестокий парадокс боконолистской мысли — душераздирающую необходимость лгать о реальности, и душераздирающую невозможность об этом лгать.

*Посмотрите, до чего
Счастлив этот карлик:
Гордо вышагивает, весело глядит.
Потому что карлик знает:
Человека возвышают
Те вершины, на которых его дух воспарит!*

Нежные трубы, играйте 126

“До чего же безысходная религия!” — воскликнул я. Я направил наш разговор в область утопий — того, что могло бы быть, того, чему следовало бы быть, того, что всё ещё может быть, если мир оттаёт.

Но Боконон побывал и здесь — написал целую книгу об утопиях, «Седьмую Книгу», которую он назвал «Республика Боконона». В той книге содержатся вот эти мрачные афоризмы:

Рука, наполняющая аптеки, правит миром.

Начнём нашу Республику с сети аптек, сети бакалейных лавок, сети газовых камер и национальной игры. После этого мы сможем написать нашу Конституцию.

Я назвал Боконона черномазым ублюдком и снова поменял тему. Я говорил об осмысленных, индивидуальных актах героизма. В частности, я восхвалял путь, каким выбрали умереть Джулиан Касл и его сын. Когда торнадо всё ещё бушевали, они отправились к «Дому Надежды и Милосердия в Джунглях», чтобы давать надежду и оказывать милосердие — какое бы ни были в состоянии оказать. И в том, как умерла бедная Энджела, я тоже видел величие. На руинах Боливара она подняла кларнет и тут же начала играть на нём, не позаботившись проверить, не загрязнён ли мундштук льдом-девять.

— Нежные трубы, играйте, — прошептал я со спазмом в горле.

— Ну, возможно, ты тоже сможешь найти какой-нибудь изящный способ умереть, — сказал Ньют.

Сказано было по-бокононистски.

Я проболтался о своем видении — как я взбираюсь на гору Маккэйб с неким величественным символом и там его водружаю. На мгновение я отнял руки от руля, чтобы показать ему, насколько они пусты в смысле символов. “Но что, чёрт возьми, было бы правильным символом, Ньют? Что, чёрт возьми, могло бы им стать? — Я снова схватился за руль. — Вот он — конец света, и вот я — почти самый последний человек, и вот она — высочайшая гора в пределах видимости. Теперь я знаю, зачем была моя карасса, Ньют. Она работала ночью и днём в течение, может быть, полумиллиона лет, чтобы поставить меня на той горе. — Я качал головой и почти плакал. — Но, ради Бога, чему же предполагается быть в моих руках?”

Спрашивая об этом, я слепо глядел в окно автомобиля — настолько слепо, что проехал больше мили, пока не осознал, что посмотрел в глаза старого негра, живого цветного мужчины, который сидел у обочины дороги.

И тогда я притормозил. А затем остановился. Закрыл глаза.

— В чём дело? — спросил Ньют.

— Я видел там Боконона.

Конец 127

Он сидел на камне. Он был босой. Его ступни заиндевели льдом-девять. Единственным его одеянием было белое постельное покрывало с голубыми стежками. По стежкам читалось «Каза Мона». Он не реагировал на наше появление. В одной руке был карандаш. В другой — бумага.

— Боконон?

— Да?

— Можно спросить, о чём вы размышляете?

— *Я размышляю, молодой человек, об эпилоге для «Книг Боконона». Время для эпилога пришло.*

— Получается?

Он пожал плечами и передал мне клочок бумаги.

Вот что я прочитал:

Был бы я помоложе, написал бы я историю человеческой глупости, и взобрался бы я на вершину горы Маккэйб, и лёг бы на спину, подложив мою историю вместо подушки, и взял бы я с земли немножко того синевато-белого яда, что превращает людей в статуи, и превратил бы я в статую самого себя — лежащего на спине, жутко оскалившегося и показывающего нос Сами Знаете Кому.

Оглавление:

1. День, когда наступил Конец Света	3
2. До чего же славное свойство	3
3. Прихоть	4
4. Интуитивное переплетение усообразных побегов	5
5. Письмо от студента-медика	6
6. Бой жуков	8
7. Блистательные Хёникеры	10
8. Ньютовы шашни с Зинкой	10
9. Вице-президент по делам вулканов	11
10. Секретный Агент Икс-9	11
11. Протеин	12
12. Услада Конца Света	13
13. Отправная точка	14
14. Когда автомобили были с хрустальными вазами	15
15. Весёлого Рождества	16
16. Назад в детский сад	17
17. Девичье бюро	18
18. Самый ценный ресурс на Земле	18
19. Никакой больше грязи	20
20. Лёд-девять	21
21. Морпехи идут вперёд	22
22. Представитель жёлтой прессы	22
23. Последний противень пирожных	23
24. Что есть вампитер	24
25. Главное в д-ре Хёникере	24
26. Что есть Бог	25
27. Люди с Марса	25
28. Майянез	27
29. Ушедшие, но не забытые	28
30. Только спишь	28
31. Другой Брид	29
32. Динамитные деньги	29
33. Неблагодарный человек	30
34. Вин-дит	31
35. Товары для Хобби	33
36. Мяу	35
37. Современный генерал-майор	36
38. Всемирная столица барракуд	37
39. Фата-Моргана	37
40. Дом Надежды и Милосердия	38
41. Карасса на двоих	39
42. Велосипеды для Афганистана	40
43. Демонстратор	42

44.	Сочувствующие коммунистам	43
45.	Почему американцев ненавидят	44
46.	Бокононистский способ обхождения с Кесарем	45
47.	Динамическое напряжение	45
48.	Совсем как святой Августин	46
49.	Рыба, выброшенная на берег разгневавшимся морем	47
50.	Славный карлик	49
51.	О-Кей, мама	49
52.	Никакой боли	51
53.	Президент «Фабри-Тек»	52
54.	Коммунисты, нацисты, монархисты, парашютисты и призывники-уклонисты	52
55.	Никогда не составляйте указатели к своим собственным книгам	53
56.	Беличье колесо на принципах самоокупаемости	55
57.	Тошнотная дремота	55
58.	Тирания, отличная от других	56
59.	Пристегните ремни безопасности	57
60.	Обездоленная страна	58
61.	Что стоил один капрал	59
62.	Почему Хэйзел не испугалась	60
63.	Праведные и вольные	61
64.	Изобилие и мир	61
65.	Удачное время приехать в Сан Лоренцо	62
66.	Самое сильное, что только есть	64
67.	Куу-рюг-гуу!	65
68.	Зо-то-туна Му-ужн-гу	65
69.	Большая мозаика	66
70.	Воспитанники Боконона	67
71.	Счастье быть американцем	68
72.	Мухосранский «Хилтон»	68
73.	Чёрная смерть	70
74.	Кошкина люлька	71
75.	Передайте моё почтение Альберту Швейцеру	73
76.	Джулиан Касл соглашается с Ньютом, что всё бессмысленно	74
77.	Аспирин и боко-мару	75
78.	Стальное кольцо	76
79.	Почему огрубела душа Маккэйба	77
80.	Водопадные фильтры	78
81.	Белая невеста для сына проводника пульмановского вагона	79
82.	Заа-маа-ки-бо	81
83.	Д-р Шлихтер фон Кёнигсвальд скоро сравнивает счёт	82
84.	Отключение	83
85.	Сборник фóмы	83
86.	Два маленьких термоса	84
87.	Контур моего кливера	86
88.	Почему Фрэнк не мог быть президентом	87

89.	Ватка	88
90.	Один-единственный подвох	89
91.	Мона	90
92.	Восторг поэта по случаю его первого боко-мару	91
93.	Как я почти потерял свою Мону	92
94.	Высочайшая гора	94
95.	Я вижу крюк	95
96.	Колокольчик, книга и курица в шляпной коробке	95
97.	Мерзкий христианин	97
98.	Последние ритуалы	98
99.	Бугга забал глун-ну	99
100.	Фрэнк опускается в ублиет	100
101.	Подобно своим предшественникам, я объявляю Боконона вне закона	101
102.	Враги свободы	102
103.	Медицинское мнение по поводу забастовки писателей	103
104.	Сульфатиозол	104
105.	Болеутоляющее	105
106.	Что говорят бокононисты, когда совершают самоубийство	106
107.	Полюбуйтесь!	107
108.	Фрэнк говорит нам, что делать	107
109.	Фрэнк защищается	108
110.	Четырнадцатая книга	109
111.	Тайм-аут	110
112.	Ридикюль матери Ньюта	111
113.	История	111
114.	Когда я почувствовал пулю, входящую в сердце	112
115.	Так вот случилось	114
116.	Грандиозный Аа-хумм	116
117.	Святилище	116
118.	Железная дева и ублиет	117
119.	Мона благодарит меня	119
120.	Тому, кого это может касаться	120
121.	Я медлю с ответом	121
122.	Швейцарская семья Робинзоны	122
123.	Мышами и людьми	122
124.	Муравьиная ферма Фрэнка	124
125.	Тасманийцы	125
126.	Нежные трубы, играйте	126
127.	Конец	127